

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит один раз в год

№ 5

2016

Учредители

Алтайский государственный университет
Некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов Сибири»
Региональная общественная организация Алтайского края Ассоциация
лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис»

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория
судебной экспертизы

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный
центр судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по
Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и
прикладных исследований Пензенского государственного университета

К.И. Бринев, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет, Алтайское краевое
законодательное собрание

Модераторы журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория
судебной экспертизы

Г.Н. Аксенова, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 413-а.

E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

ISSN 2587–9332

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права

А. Е. Казанцева. Юридическая терминология, используемая в наследственном законодательстве	6
О. Н. Кушнир, И. А. Мартюшев. Документная коммуникация в контексте лингвистической экспертизы	16
Н. А. Механошина, Т. А. Филиппова. К вопросу об определении понятия «поглощение»	27
Ю. Н. Молдованова, Е. Б. Тарбагаева. «Превентивное правосудие» – лингвистический аспект	39
Е. Н. Петухов. Коррекционное толкование отдельных положений уголовно-процессуального закона как средство уяснения их точного смысла и правильного применения.....	53
И. В. Рехтина, М. А. Боловнев. Использование в понятийном аппарате гражданского и арбитражного процессуального права терминов иностранного происхождения	63

Речевые правонарушения

М. Е. Маргольф, Ю. В. Холоденко. Защита чести, достоинства и деловой репутации по американскому праву.....	72
А. А. Селина, Ю. В. Холоденко. Способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, направленные на пресечение дальнейшего распространения порочащих сведений	80
А. В. Снигирев. Отражение правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, в юридических документах Киевской Руси и периода феодальной раздробленности	88

Лингвоэкспертология

Е. Л. Дайлоф. Установление предметной ситуации разговора при наличии элиминации предмета речи (в контексте судебной лингвистической экспертизы).....	96
Г. С. Иваненко. Три мифа в вопросах экспертной квалификации объективного и субъективного	109
О. Н. Иванищева. Лингвистическая экспертиза по делу об оскорблении (на материале собственной лингвоэкспертной деятельности)	132
Ю. Ю. Литвиненко. Вопрос о взаимопонимании собеседников в лингвистической экспертизе текстов, связанных с делами о коррупции	141

Лингвоконфликтология

И. В. Высоцкая. Типы коммуникативных неудач в рекламе	151
Н. С. Громова. Речевая агрессия: от коммуникативных ошибок до правонарушений	173
О. В. Зуга. О статусе слова «бестолочь» в русском языке и его интерпретации в лингвистике и юриспруденции	190

Суггестивная функция языка и речевое манипулирование

С. В. Доронина. «Сходство до степени смешения»: лингвистический аспект	200
В. В. Катермина, Т. С. Сафронова. Способы репрезентации основных суггестивных стратегий и тактик в судебном дискурсе.....	211

CONTENTS

Language of law

- A. E. Kazantseva.** Legal terminology used in hereditary legislation.....6
O. N. Kushnir, I. A. Martyushev. Document communication in the context of linguistic expertise.....16
N. A. Mekhanoshina, T. A. Filippova. To the definition of the concept «takeover»27
Y. N. Moldovanova, E. B. Tarbagaeva. Preventive justice – linguistic aspect39
E. N. Petukhov. Corrective interpretation of certain provisions of the criminal procedure law as a means of clarifying their exact meaning and correct application ...53
I. V. Rekhtina, M. A. Bolovnev. Terms of foreign origin in conceptual framework of civil law and law of arbitral procedure..... 63

Speech offenses

- M. E. Margolf, Y. V. Kholodenko.** Protection from defamation under the us law72
A. A. Selina, Y. V. Kholodenko. Ways of protecting honor, dignity and business reputation, to prevent further defamation80
A. V. Snigirev. Law offenses caused by quarreling as reflected in the legal documents of kievian rus in the period of the feudal fragmentation 88

Forensic Expertise

- E. L. Dailof.** Establishment of the subject situation of a conversation upon condition of elimination of the topic of speech (in the context of forensic expertise).....96
G. S. Ivanenko. Three myths in matters of expertise of objective and subjective.....109
O. N. Ivanishcheva. Forensic linguistic expertise in cases of insult (as exemplified by personal forensic expertise practice)132
J. J. Litvinenko. On the issue of interlocutor mutual understanding as appear in forensic expertise of the texts linked to corrupt practices 141

Linguo-conflictology

- I. V. Vysotskaya.** Types of communication failures in advertising151
N. S. Gromova. Verbal aggression: from communication errors to the offence173
O. V. Zuga. On the status of word bestoloch (wally) in the russian language and its interpretation in linguistics and jurisprudence..... 190

Suggestive function of language and speech manipulation

- S. V. Doronina.** «Degree of similarity close to confusion»: linguistic aspect.....200
V. V. Katermina, T. S. Safronova. Ways of representation of main suggestive strategies and tactics in law discourse..... 211

ЯЗЫК ПРАВА

УДК 343.1, ББК 67.410.2-32, ГРНТИ 10.227, КОД ВАК 22.00.03.

А. Е. Казанцева

Барнаул, Россия

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМАЯ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В настоящей статье рассматривается вопрос об использовании в наследственном законодательстве терминологии, которая не соответствует фактическим обстоятельствам. Это показано на примере наименования двух важных субъектов отношений, регулируемых нормами наследственного права, – наследодателя и наследника, а также пережившего супруга, которые в некоторых случаях используются ошибочно. Так, законодатель считает, что против жизни и здоровья умершего лица, то есть наследодателя, можно совершить умышленные противоправные действия, что такие действия можно совершить против наследника, которого еще нет, потому что наследник появляется только в случае смерти возможного наследодателя. Поскольку лицо, посягающее на жизнь и здоровье возможного наследодателя или иных возможных наследников, еще не имеет права наследования, то его нельзя лишить этого права, а поэтому завещанием возможного потерпевшего наследодателя нельзя восстановить право наследования возможного наследника. Закрепленная в законодательстве ошибочная терминология приводит к ошибочности толкования некоторых положений закона судебными органами. Например, Конституционный суд РФ считает, что наследодателю, то есть умершему лицу, принадлежит право завещать и право наследовать. Верховный суд РФ также использует указанную ошибочную терминологию. В этом проявляется заблуждение не только законодателя, но и доктрины. В многочисленных диссертациях, монографиях, учебниках, комментариях и статьях цивилисты не обращают внимания на терминологию. Как и закон, они не различают наследодателя и возможного наследодателя, возможного наследника и наследника, наследственную правоспособность и право наследования. В некоторых работах последнего времени указывается, что наследственная правоспособность возникает вместе с правом наследования, существует также мнение,

вопреки указанию закона, что наследник появляется не в момент открытия наследства, а после принятия наследства. Таким образом, можно сделать вывод, что неправильно выраженная мысль законодателя влечет за собой ошибки в правоприменительной деятельности и доктрине.

Ключевые слова: возможный наследодатель, недостойный наследник, завещание, отказ от наследства.

Сведения об авторе: Александра Ефимовна Казанцева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, каб. 415. E-mail: 632750@mail.ru.

A. E. Kazantseva

Barnaul, Russia

LEGAL TERMINOLOGY USED IN HEREDITARY LEGISLATION

This article discusses the usage of inheritance law terminology that does not correspond to the factual background. It is illustrated by sometimes misused names of two important subjects of relations that fall under the regulations of inheritance law: testator and inheritor, and surviving spouse. Legislator believes that one can carry out unlawful actions against the life and health of the deceased, that is the testator, they believe that the deliberate unlawful actions may be carried out against the inheritor that does not exist yet because they only appear in case of potential testator's death. A person carrying out unlawful actions against life and health of the potential testator and other potential inheritors cannot lose the right to inherit because they technically do not yet have this right. According to the above mentioned, the right of the potential inheritor to inherit cannot be restored by the will of the potential testator. The erroneous terminology enshrined in the law leads to the misinterpretations of some provisions of law by the Judicial Authorities. Thus, the Constitutional Court of the Russian Federation believes that the testator, that is deceased, has the right to devise and bequeath and the right to inherit. The Supreme Court of the Russian Federation also uses the above mentioned erroneous terminology. This shows not only legislator's misconceptions but also errors in the doctrine. Specialists in civil law ignore terminology in the numerous dissertations, monographs, books, comments and articles. Alike the law they do not distinguish between testator and potential testator, inheritor and potential inheritor, the legal capacity to inherit and the right to inherit. Some of the recent works say that the legal capacity to inherit appears together with the right to inherit. Despite the letter of law there is also an opinion that the inheritor appears after accepting the inheritance not at the opening of the inheritance. Thus, we can conclude that a wrongly expressed legislator's idea leads to mistakes in law enforcement and doctrine.

Key words: possible heir, unworthy heir, testament, the rejection of the inheritance.

About the author: Aleksandra Efimovna Kazantseva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Altai State University. Department of Law, Prospect Sotsialisticheskiy, d. 68, office 415. Barnaul, 656049. E-mail: 632750@mail.ru.

Правильную однозначную терминологию, сложившуюся в законодательстве, доктрине и на практике, трудно переоценить, потому что следствием ее всегда будет однозначное понимание определенного правового явления. Как отмечал С. С. Алексеев, «юридическая терминология необходима <...> потому, что во многих случаях без нее невозможно с необходимой точностью выразить мысль законодателя» [Алексеев 1993: 157].

Наследственное право появилось сотни лет тому назад. Казалось бы, терминология наследственного законодательства должна быть четкой и однозначной, однако это не так. До настоящего времени на терминологию, используемую наследственным законодательством, никто не обращал и не обращает внимания, хотя нередко сам законодатель выражает свои мысли без «необходимой точности», используя ошибочные термины, которые затем повторяют правоприменители и доктрина. Показательным в этом отношении являются такие термины, используемые наследственным законодательством, как *наследодатель* и *наследник*. Но прежде необходимо отметить, что каждый живой человек является одновременно возможным наследником и возможным наследодателем, хотя никто заранее не знает, кем станет прежде. При этом у каждого возможного наследника имеется свой круг возможных наследодателей, а у каждого возможного наследодателя – свой круг возможных наследников, потому что наследование носит в основном семейно-родственный характер, который может быть изменен только завещанием. Возможный наследник обладает наследственной правоспособностью по отношению к своему кругу возможных наследодателей. Этого как раз не учитывает законодатель, который не различает возможного наследодателя и наследодателя, возможного наследника и наследника, а также правопреемника.

Согласно ст. 1113 ГК РФ наследство открывается смертью гражданина или объявления гражданина умершим. Таким образом, наследодателем признается умершее лицо либо лицо, объявленное судом умершим. Смерть гражданина открывает наследство и порождает наследственное правоотношение с участием наследника или наследников, призванных к наследованию. Но законодатель трактует понятия наследодатель и наследник по-своему, иллюстрацией чему служит содержание ст. 1117 ГК РФ, которая называется «Недостойные наследники».

Согласно п. 1 ст. 1117 ГК РФ «не наследуют ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников <...> способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке <...> Однако граждане, которым наследодатель после утраты ими права наследования завещает имущество, вправе наследовать это имущество».

Умышленным противоправным действием, «направленным против наследодателя» в данном случае является убийство или посягательство на убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, оставление в опасности и др. Можно ли убить или посягать на убийство **наследодателя**, то есть умершего человека? Может ли наследодатель завещать имущество? Ответ очевиден, но только не законодателю. В данном случае речь идет о возможном наследодателе, но прилагательное «возможный» применительно к наследодателю законодатель не использует.

Пока не наступит смерть, наследодателя нет, как нет еще и его наследников. Поэтому наследники не могут совершить умышленные противоправные действия против наследодателя или других наследников. Такие действия могут совершить только возможные наследники, у которых нет права наследования. Поэтому суд может лишить их не права наследования, а

наследственной правоспособности по отношению к потерпевшему возможному наследодателю.

Смерть гражданина прекращает его гражданскую правоспособность (ст. 17 ГК РФ), поэтому наследодатель не может обладать какими-либо субъективными правами. Но, как отмечает Конституционный Суд РФ, «право наследования, предусмотренное статьей 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации и более подробно урегулированное гражданским законодательством, обеспечивает гарантированный государством переход имущества, принадлежавшего умершему (наследодателю), к другим лицам (наследникам). Это право включает в себя как право наследодателя распорядиться своим имуществом, так и право наследников на его получение. Право наследования в совокупности двух названных правомочий вытекает и из статьи 35 (часть 2) Конституции Российской Федерации, предусматривающей возможность для собственника распорядиться принадлежащим ему имуществом, что является основой свободы наследования»¹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ считает, что право наследования принадлежит наследодателю и наследникам, поскольку наследодатель вправе распорядиться своим имуществом. Однако наследодатель уже ничем не может распорядиться. Распорядиться своим имуществом может живой человек, являющийся дееспособным в полном объеме. Следовательно, Конституционный Суд РФ также не различает наследодателя и возможного наследодателя.

Это присуще и Верховному Суду РФ. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании»² отмечается, что указанные в абзаце первом п. 1 ст. 1117 ГК РФ противоправные действия, направленные против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.02.1996 № 1-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй ст. 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.Б. Наумова». Собрание законодательства РФ. 1996. № 4. Ст. 408.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». СПС КонсультантПлюс

завещании, являются основанием к утрате права наследования при умышленном характере таких действий и независимо от мотивов и целей совершения (в том числе при их совершении на почве мести, ревности, из хулиганских побуждений и т. п.), а равно вне зависимости от наступления соответствующих последствий (подп. а, п. 19).

Поскольку указанные противоправные действия совершает возможный наследник, то у него еще нет права наследования, следовательно, его нельзя лишить того, чего он не имеет. В этом случае возможный недостойный наследник утрачивает наследственную правоспособность по отношению к своему потерпевшему возможному наследодателю.

Законодатель не учел и того, что у наследодателя не может быть нетрудоспособных иждивенцев, несовершеннолетних детей, нетрудоспособного супруга и иных нетрудоспособных родственников (ст. 1148, 1149 ГК РФ).

Смешение законодателем возможных наследников и наследников проявляется в абзаце 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ.

Первоначально абзац 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ предусматривал, что наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства, в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии.

Возможный наследник по завещанию или по закону становится наследником, если призывается к наследованию. Действующее законодательство не устанавливает какой-то специальной процедуры призвания возможного наследника к наследованию. Это делает сам возможный наследник. Зная своих возможных наследодателей, в случае смерти одного из них он сам заявляет о своем праве принять наследство или отказаться от его принятия, хотя он может ошибаться. При наличии завещания, о котором возможный наследник не знал и которым он лишен наследства, он не призывается к

наследованию. Факт лишения наследства выявляется, как правило, при обращении лица, считающего себя наследником, к нотариусу, который может сообщить ему об этом. Возможный наследник по закону, например, второй очереди, также может ошибаться, считая себя наследником в момент открытия наследства. Он может до этого момента не знать, что у возможного наследодателя был внебрачный ребенок, который является наследником первой очереди. В таком случае наследник второй очереди не призывается к наследованию.

Буквальное толкование абзаца 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ в первоначальной редакции позволяло сделать вывод, что наследник вправе отказаться от наследства как в пользу других наследников, так и в пользу любых возможных наследников по закону последующих очередей, в том числе в пользу наследников, наследующих по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии.

Однако Конституционный Суд РФ признал абзац первый п. 1 ст. 1158 ГК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации в силу неопределенности его нормативного содержания в части определения круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, допускающим возможность неоднозначного истолкования и поэтому произвольного применения института направленного отказа от наследства в этой части.

Он обязал федерального законодателя внести в правовое регулирование отказа от наследства в пользу других лиц надлежащие изменения, вытекающие из требований Конституции Российской Федерации и настоящего Постановления¹.

В 2016 году в абзац 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ внесены изменения². Новая редакция абзаца 1 п. 1 ст. 1158 ГК РФ изложена следующим образом:

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука». СПС КонсультантПлюс.

²Федеральный закон от 15.02.2016 № 22-ФЗ «О внесении изменения в статью 1158 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». СПС КонсультантПлюс.

«Наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди независимо от призвания к наследованию, не лишенных наследства (пункт 1 статьи 1119), а также в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления (статья 1146) или в порядке наследственной трансмиссии (статья 1156)».

Содержание данного абзаца фактически не изменилось, потому что он допускает отказ от наследства как в пользу других наследников по завещанию или по закону, так и в пользу возможных наследников по закону последующих очередей, а также наследующих по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии.

Иную позицию по вопросу о том, в пользу кого можно отказаться от наследства, занимает Верховный Суд РФ. Согласно п. 44 указанного выше постановления Верховного Суда РФ отказ от наследства в пользу других лиц (направленный отказ) может быть совершен лишь в пользу лиц из числа наследников по завещанию, а также наследников по закону любой очереди, которые призваны к наследованию. По сути, Верховный Суд РФ применил ограничительное толкование данного законоположения.

Фактически эту позицию поддержал и Конституционный Суд РФ. В приведенном постановлении он указал, что абзац первый пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации в его ныне действующем официальном судебном толковании не подлежит применению при пересмотре вышестоящими судебными инстанциями судебных постановлений нижестоящих судов, принятых по делам, связанным с определением круга лиц из числа наследников по закону, в пользу которых наследник вправе отказаться от наследства, в рамках наследственных правоотношений, возникших до 29 мая 2012 года. Применительно к наследственным правоотношениям, возникшим после этой даты, сохраняет свое действие официальное судебное толкование абзаца первого пункта 1 статьи 1158 ГК Российской Федерации, данное в

постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

С положением о том, что отказ от наследства может совершаться в пользу реальных наследников, то есть призванных к наследованию, а не возможных наследников по закону последующих очередей следует согласиться, поскольку это соответствует предполагаемой воле возможного наследодателя. Тот факт, что наследование чаще открывается по закону, нежели по завещанию, свидетельствует о том, что большинство граждан устраивает законный порядок наследования, так как они знают, что приобретенное и сохраненное ими имущество в случае их смерти перейдет к их самым близким родственникам. К сожалению, это не учел законодатель в абзаце 1 пункта 1 ст. 1158 ГК РФ.

Поскольку абзац 1 пункта 1 ст. 1158 ГК РФ в новой редакции не изменил круг лиц, в пользу которых можно отказаться от наследства, то не может применяться в этой части п. 44 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Но Конституционный Суд РФ фактически способствует признанию судебных прецедентов, что нельзя оценить положительно.

В ст. 1050 ГК РФ используется такое понятие как «переживший супруг». Супругами признаются лица разного пола, состоящие в зарегистрированном браке. Если брак прекращается, то прекращаются супружеские правоотношения и супруги теряют статус супругов. Брак прекращается вследствие смерти или вследствие объявления судом одного из супругов умершим (п. 1. ст. 16 Семейного кодекса Российской Федерации). Таким образом, в случае смерти одного из супругов пережившего супруга не остается, но появляется вдова или вдовец [Ожегов 1987: 62]. Именно эти термины необходимо использовать в названии и содержании ст. 1150 ГК РФ.

С момента принятия наследства наследник теряет свой статус и приобретает статус правопреемника, что опять-таки не учитывает действующее законодательство. Поэтому преимущественное право на получение своей наследственной доли при разделе имущества имеет *правопреемник*. Он же

должен исполнить завещательный отказ или завещательное возложение, а также отвечает по унаследованным долгам. Поэтому в главе 65 ГК РФ, а также в статьях 1137, 1138 ГК РФ слово *наследник* целесообразно заменить на *правопреемник*.

В существующих кандидатских и докторских диссертациях, монографиях, статьях по наследственному праву, учебниках, комментариях к ГК РФ также не различаются понятия *наследник* и *возможный наследник*, *наследодатель* и *возможный наследодатель*, *наследственная правоспособность* и *право наследования*, *наследник* и *правопреемник*.

Следует согласиться с Д.А. Керимовым, что нарушение логики закона, неточность его понятий, формулировок, неопределенность использованных терминов порождают многочисленные запросы, влекут изменения и дополнения, различные толкования и разъяснения, вызывают непроизводительную трату времени, сил и энергии, одновременно являясь питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять [Керимов 2000: 55].

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что ошибочная терминология, применяемая законодателем, приводит и к их ошибочному доктринальному и судебному толкованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. В 2-х тт. Свердловск, 1973. Т. 2.
2. *Керимов Д. А.* Законодательная техника. М., 2000.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1987.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Issues of Legal Theory [Problemy teorii prava]. In two parts. Sverdlovsk, 1973. Part 2.
2. Kerimov D. A. Legislative technique [Zakonodatel'naya tekhnika]. Moscow, 2000.
3. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language [Slovar russkogo yazyka]. Moscow, 1987.

О. Н. Кушнир, И. А. Мартюшев

Сыктывкар, Россия

ДОКУМЕНТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматривается проблема, находящаяся на стыке документоведения, лингвистики и юриспруденции, – проблема качества текстов официальных документов, прежде всего – документов, обладающих юридической силой. Классификация документов на официальные и иные проводится на основании свойства документа воздействовать на правоотношения, или иметь юридическую силу. Применяемое в документоведении понятие «юридическая значимость документа» применимо как к официальным, так и к иным документам. По мнению авторов, принципиальным различием между указанными свойствами документов является временная соотнесенность самих процессов возникновения документа и возникновения события или действия, с которым документ связан юридической силой или юридической значимостью: юридическая сила связывает документ с событиями или действиями, которые наступают, как правило, после издания документа, а юридическая значимость связывает документ с произошедшими событиями / совершенными действиями. Грань между двумя процессами, вызывающими проявление указанных свойств документа, весьма зыбкая. При этом один документ может обладать одновременно и юридической силой, и юридической значимостью. Предметом лингвистической экспертизы чаще всего становятся тексты официальных документов, которые обладают юридической силой, поскольку их собственно правовая и социальная значимость выше, чем у всех других документов. Но и само свойство юридической силы у разных видов документов различно и зависит от правового статуса и компетенции автора (авторов) документа, а также от функционального назначения документа. В практике лингвистической экспертизы документных текстов различают экспертизу, проводимую на стадии проектирования текста документа, и экспертизу, проводимую на стадии его применения: в первом случае проявляется превентивная функция лингвистической экспертизы, во втором – детективная. Лингвистическая экспертиза документных текстов, по заключению авторов, должна получить четкий институциональный статус в документной коммуникации и в системе государственного и муниципального управления, и на корпоративном (локальном) уровне.

Ключевые слова: документный текст, лингвистическая экспертиза, юридическая сила документа.

Сведения об авторе: Ольга Николаевна Кушнир, доктор филологических наук, директор института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета. 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55, 4-й корп. СГУ, к. 205. E-mail: info17275@mail.ru.

Сведения об авторе: Иван Анатольевич Мартюшев, обучающийся по направлению подготовки магистратуры 45.04.01 Филология ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина». 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55, к. 220. E-mail: 167982@gmail.com.

O. N. Kushnir, I. A. Martyushev

Syktывkar, Russia

DOCUMENT COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC EXPERTISE

The article discusses the problem at the junction of records management, linguistics and jurisprudence – the problem of the quality of texts of official documents, first of all – documents that have legal force. Classifying documents into official and other is based on the property of the document to influence legal relations, or to have legal force. The notion of «legal value of a document» applied in records management is applicable both to official documents and to other documents. According to the authors, the fundamental difference between the indicated properties of documents is the temporal correlation of the processes themselves: the appearance of the document and the occurrence of an event or action with which the document is linked by legal force or legal value: the legal force links the document to events or actions that occur, as a rule, after enactment of the document, and the legal value links the document to the events that occurred / actions committed. The line between the two processes that cause the manifestation of the specified properties of the document is very unstable. At the same time, one document can have both legal force and legal value. Texts of official documents that have legal force most often become subjects of linguistic expertise, since their own legal and social value is higher than that of all other documents. But the very property of legal force in different types of documents is different and depends on the legal status and competence of the author (authors) of the document, and on its functional purpose. In the practice of linguistic expertise of document texts, one distinguishes the expertise carried out at the design stage of the text of the document and the expertise carried out at the stage of its application: in the first case, the preventive function of the linguistic expertise is manifested, in the second case- the detective. Linguistic expertise of document texts, according to the authors' conclusion, should receive a clear institutional status in document communication and in the system of state and municipal management, and at the corporate (local) level.

Key words: document text, linguistic expertise, legal force of a document.

About the author: Olga Nikolayevna Kushnir, Doctor of Philological Sciences, Director of Institute of Human Sciences at Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. prospect Oktyabrskiy, d.55, korpus 4, office 205, Syktyvkar, 167001. E-mail: info17275@mail.ru.

About the author: Ivan Anatolievich Martyushev a full-time postgraduate student of training program 45.04.01 «Philology» at Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. prospect Oktyabrskiy, d.55, korpus 4, office 205, Syktyvkar, 167001. E-mail: 167982@gmail.com.

В настоящее время отмечается активный рост интереса со стороны государства и общества к документной коммуникации и к документу как феномену социальных взаимоотношений. Обусловлено это прежде всего увеличением разнообразия прагматических обстоятельств, в которых функционирует документ, проблемами и противоречиями документной практики и возрастанием значимости самих документных процессов. При этом, помимо сугубо документоведческих аспектов, характеризующих формальную сторону документной коммуникации (понятие документа и его сущность, видовая классификация документов и функциональные свойства различных видов документов, правила делопроизводства и особенности отдельных документных процессов), значимыми оказываются ее лингвистические составляющие (содержательно-смысловые аспекты). Такая ситуация ставит перед учеными и практиками ряд актуальных вопросов, в том числе критерии выбора текстовых единиц, особенности их организации в документных текстах, оценка лингвистической составляющей документирования и др.

Одной из наиболее значимых проблем, находящихся на стыке документоведения, лингвистики и юриспруденции, является проблема качества текстов официальных документов, особенно таких, которые способны своим действием повлиять на деятельность граждан и юридических лиц, другими словами – документов, обладающих юридической силой. Внешне способность таких документов воздействовать на сознание, волю и поведение отдельных людей проявляется в форме уяснения и интерпретации отдельных языковых элементов документных текстов и всей их совокупности с целью выбрать модель поведения и конкретные действия. Ключевое действие по

интерпретации, с одной стороны, носит очевидную субъективную оценку, поскольку зависит от интеллектуальных возможностей интерпретаторов (образованность, уровень культуры, в том числе правовой), с другой стороны, оно в значительной степени зависит от того, насколько автор документа доступно, точно и однозначно составил текст, то есть оправданы ли выбранные им языковые средства, их организация самой целью документной коммуникации.

Очевидно, что следует уделять серьезное внимание лингвистическим параметрам качества документного текста (термин С. П. Кушнерука, см.: [Кушнерук 2007]) на стадии его проектирования, что и реализуется в проведении лингвистической экспертизы проектов документов. Не менее важна лингвистическая экспертиза и на стадии применения документа. В этом случае она проводится в целях разрешения уже возникшего конфликта.

Документные тексты можно классифицировать по разным основаниям. В контексте лингвистической экспертизы значимым основанием является классификация документных текстов по видам документов, к которым они относятся. При этом обнаруживается, что качественные различия между видами документных текстов обусловлены главным образом их функциональным назначением [Бунчук и др. 2016].

Всю совокупность создаваемых документов можно разделить на две группы: официальные документы и иные документы. Официальный документ определяется как документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке [ГОСТ Р 7.0.8-2013]. Таким образом, основным классификационным признаком официального документа является наличие определенных правил его оформления и функционирования. При этом требования к оформлению документа могут содержаться в законах, подзаконных нормативных правовых актах, предусматриваться нормативными актами коммерческих и иных организаций.

С позиций юриспруденции, важно еще одно свойство официального документа – его способность воздействовать на правоотношения [Першин

2016; Бриллиантов 2010]. Такая способность официального документа определяется как его юридическая сила, то есть свойство официального документа вызывать правовые последствия [ГОСТ Р 7.0.8-2013], а именно: возникновение, изменение или прекращение у субъектов права определенных (потенциальных или реальных) прав или обязанностей. В контексте сказанного будет справедливым заметить, что юридическая сила корреспондирует с прагматическим функциональным назначением документа. Важно также подчеркнуть, что юридической силой обладают только официальные документы, которые в юриспруденции принято называть правовыми актами.

Добавим, что в документоведении применяется и понятие «юридическая значимость документа», определяемое как свойство документа выступать в качестве подтверждения деловой деятельности либо событий личного характера [ГОСТ Р 7.0.8-2013]. Юридической значимостью могут обладать как официальные, так и иные документы. Документы, обладающие юридической значимостью, в свою очередь, могут являться основанием для дальнейшего возникновения, изменения или прекращения правоотношений.

С некоторой долей условности можно согласиться с мнением В. Ф. Янковой о синонимичности понятий «юридически значимый документ» и «подлинный документ». Исследователь считает, что разграничить юридическую силу и юридическую значимость документа можно в полной мере лишь для электронных документов, тогда как для документов на бумажном носителе разграничение этих двух свойств не является существенным [Янковая, URL].

На наш взгляд, принципиальным различием между юридической силой и юридической значимостью документов является временная соотнесенность двух процессов: возникновение самого документа и возникновение события или действия, с которым документ связан юридической силой или юридической значимостью. Юридическая сила связывает документ с событиями или действиями, которые наступают, как правило, после издания документа (например, стороны договора наделяются установленными в

договоре правами и обязанностями только после его заключения). Юридическая значимость связывает документ с произошедшими событиями / совершенными действиями (например, бухгалтерский отчет содержит информацию о финансовой деятельности, которая уже фактически имела место).

Таким образом, документы, обладающие юридической силой, создаются для возникновения событий в перспективе, а документы, обладающие юридической значимостью, создаются для подтверждения уже произошедших событий. Вместе с тем грань между этими двумя процессами весьма тонкая и не всегда очевидная, поэтому возможны ситуации, которые сопровождаются соответствующими документами, обладающими трудно делимыми свойствами юридической силы и юридической значимости. При этом, бесспорно, один документ может обладать одновременно и юридической силой, и юридической значимостью.

Мы попытались определить виды официальных документов, обладающих юридической силой, классифицируя их по двум основаниям: по характеру юридического статуса автора документа и по характеру юридической силы документа. Такой подход ближе к юридическим наукам, не типичен, например, для документоведения, но объективен в свете лингвистической экспертизы документных текстов.

По характеру юридического статуса автора официальные документы можно разделить на: а) документы, создаваемые компетентными органами государственной власти и управления и должностными лицами Российской Федерации; б) документы, создаваемые компетентными органами государственной власти и управления и должностными лицами субъектов Российской Федерации; в) компетентными органами муниципального управления и должностными лицами местного самоуправления; г) юридическими лицами; д) физическими лицами. От компетенции органа или должностного лица, создавшего документ, напрямую зависит степень юридической силы документа.

По характеру юридической силы официальные документы можно разделить на нормативные правовые акты и правовые документы ненормативного характера (правореализационные документы и правоприменительные акты).

Уточним дефиниции данных понятий: под нормативным правовым актом понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм; под правовой нормой понимаются общеобязательные правила поведения, установленные или санкционированные государством и обеспеченные его принудительной силой [Большой юридический словарь, URL]. К последнему определению следует добавить, что правовая норма рассчитана на многократное применение. Правовые документы ненормативного характера правовых норм не содержат.

Правореализационные и правоприменительные акты объединяет то, что они влекут правовые последствия в отношении конкретных лиц, направлены на установление, изменение или прекращение конкретных правоотношений, либо содержат предписание однократного применения. Отличительная особенность правоприменительных актов состоит в том, что они имеют ярко выраженный властный характер, то есть их могут издавать лишь субъекты права, наделенные определенными властными полномочиями. При этом в теории государства и права также отмечается, что они издаются в случаях, когда нормативный правовой акт должен действовать с учетом тех или иных конкретных обстоятельств, требующих установления и контроля, когда есть спор о праве, правах и обязанностях, когда не исполняются обязанности, имеются препятствия в осуществлении права и при иных правонарушениях [Мелехин, URL].

Следует оговорить, что распределение видов документов по группам базируется на основе знакомства с реальной правотворческой и правореализационной практикой различных субъектов права, не всегда

соответствующей научно-теоретическим (а в некоторых случаях и нормативным) основам. Речь идет о нередко встречающемся на практике несоответствии выбранного вида документа интенции автора в отношении его функционального назначения [Кушнир 2015; Лапина 2013; Лапина и др. 2013].

Предметом лингвистической экспертизы чаще всего становятся тексты таких официальных документов, которые обладают юридической силой, поскольку их собственно правовая (а, в конечном счете, и социальная значимость) выше, чем у всех других документов. Но и само свойство юридической силы у разных видов документов различно и зависит от правового статуса и компетенции автора (авторов) документа, и от его прагматического функционального назначения. На практике степень проявления юридической силы документа и степень достижения поставленной коммуникативной цели зависят также от правильного выбора вида документа, а также от соблюдения всех вытекающих из этого правил его составления и функционирования.

Итак, лингвистическая экспертиза юридических документных текстов как способ решения языковых проблем является особым видом прикладного лингвистического исследования, проводимого в соответствии с поставленными перед экспертизой целями. Исходя из возникающих прагматических потребностей, сложилось два вида лингвистической экспертизы: экспертиза, проводимая на стадии проектирования текста документа, и экспертиза, проводимая на стадии применения документа.

Лингвистическая экспертиза проектов документов (прежде всего, нормативных правовых актов разного уровня) заключается в оценке соответствия их текстов нормам современного русского литературного языка (с учетом особенностей юридического языка) с целью устранить грамматические, синтаксические, стилистические, логические, редакционно-технические ошибки и ошибки в использовании терминов. Функция такой лингвистической экспертизы – превентивная.

Второй вид лингвистической экспертизы заключается в обнаружении в тексте документа языковых ошибок и противоречий, обуславливающих

возможность множественности интерпретаций его смысла, а также в установлении буквального смысла отдельных языковых структурно-коммуникативных микроэлементов. В данном случае реализуется детективная функция лингвистической экспертизы.

В проведении лингвистической экспертизы проекта документа заинтересован прежде всего сам субъект правотворчества. Интерес в проведении лингвистической экспертизы текста документа на стадии его применения может возникнуть у значительно большего круга субъектов.

Таким образом, лингвистическая экспертиза, будучи построенной на научно-ориентированной методологии и являясь востребованной процедурой в практике правотворчества и правоприменения, представляет собой действенный инструмент решения языковых проблем юридических документных текстов, а потому должна получить четкий институциональный статус в документной коммуникации не только в системе государственной власти и управления, но и на муниципальном и корпоративном (локальном) уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой юридический словарь: электронное издание. URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law14.php
2. Бриллиантов А. Критерии официального документа. Уголовное право. 2010. № 5. С. 4–7.
3. Бунчук Т. Н., Ильина Ю. Н., Кушнир О. Н. Свойства документа как важный фактор лингвистической экспертизы документного текста. Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 5 (74). С. 46–50.
4. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу, утв. приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст. URL: <http://www.gost.ru/wps/portal/pages.CatalogOfStandarts>.
5. Кушнерук С. П. Документная лингвистика. Волгоград, 2007.
6. Кушнир О. Н. О взаимообусловленности текстов ведомственных правовых актов и внутренних документов организации. Деловой и публицистический стили в истории

русского языка и культуры: сборник докладов II Международной научной конференции. Петрозаводск, 2015. С. 158–163.

7. Лапина М. А. Правотворческая функция исполнительной власти: предложения по совершенствованию. Российская юстиция. 2013. № 1. С. 4–7.

8. Лапина М. А., Долгих И. С. Ведомственное нормотворчество МВД России: анализ состояния и перспективы развития. Административное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 233–239.

9. Мелехин А. В. Теория государства и права. СПС КонсультантПлюс. 2009. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16615#0>

10. Першин А. Н. Официальные документы и их криминалистическая классификация. Информационное право. 2016. № 2. С. 8–12.

11. Янковая В. Ф. Проблема разграничения понятий «юридическая сила документа» и «юридическая значимость документа». URL: <http://www.sekretariat.ru/article/210278-qqe-16-m4-problema-razgranicheniya-ponyatiy-yuridicheskaya>

REFERENCES

1. Big Dictionary of Law [Bol'shoj juridicheskij slovar': jelektronnoe izdanie]. URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law14.php

2. Brilliantov A. Criteria for an official document [Kriterii oficial'nogo dokumenta]. Criminal law. 2010. № 5. P. 4–7.

3. Bunchuk T. N., Ilyina J. N., Kushnir O. N. Document properties as an important factor in the linguistic expertise of document text [Svoystva dokumenta kak vazhnyj faktor lingvisticheskoy jekspertizy dokumentnogo teksta]. Bulletin of Cherepovets State University. 2016. № 5 (74). P. 46–50.

4. Office work and archival business. Terms and Definitions: All-Union State Standard P 7.0.8-2013. National standard of the Russian Federation. System of standards on information, librarianship and publishing, approved by the order of Rosstandart from 17.10.2013 № 1185-ст. [Deloproizvodstvo i arhivnoe delo. Terminy i opredelenija: GOST R 7.0.8-2013. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Sistema standartov po informacii, bibliotechnomu i izdatel'skomu delu, utv. prikazom Rosstandarta ot 17.10.2013 № 1185-st]. URL: <http://www.gost.ru/wps/portal/pages.CatalogOfStandarts>.

5. Kushneruk S. P. Document Linguistics [Dokumentnaja lingvistika]. Volgograd, 2007.

6. Kushnir O. N. On the interdependence of texts of departmental legal acts and internal documents of the organization [O vzaimoobuslovlennosti tekstov vedomstvennyh pravovyh aktov i vnutrennih dokumentov organizacii]. Business and publicistic styles in the history of the Russian

language and culture: a collection of reports of the II International Scientific Conference. Petrozavodsk, 2015. P. 158–163.

7. Lapina M. A. Lawmaking function of the executive authorities: proposals for improvement [Pravotvorcheskaja funkcija ispolnitel'noj vlasti: predlozhenija po sovershenstvovaniju]. Russian Justice. 2013. № 1. P. 4–7.

8. Lapina M. A., Dolgih I. S. Departmental norm-setting of the Ministry of Internal Affairs of Russia: analysis of the situation and development prospects [Vedomstvennoe normotvorchestvo MVD Rossii: analiz sostojanija i perspektivy razvitija]. Administrative and municipal law. 2013. № 3. P. 233–239.

9. Melekhin A. V. Theory of State and Law. Second edition, supplemented and revised (Prepared for the ConsultantPlus system) [Teorija gosudarstva i prava]. Legal reference system ConsultantPlus. 2009. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16615#0>

10. Pershin A. N. Official documents and their criminalistics classification [Oficial'nye dokumenty i ih kriminalisticheskaja klassifikacija]. Information law. 2016. № 2. P. 8–12.

11. Yankovaya V. F. The problem of distinguishing between the concepts «legal force of the document» and «legal value of the document» [Problema razgranichenija ponjatij «juridicheskaja sila dokumenta» i «juridicheskaja znachimost' dokumenta»]. URL: <http://www.sekretariat.ru/article/210278-qqe-16-m4-problema-razgranicheniya-ponyatiy-yuridicheskaya>.

Н. А. Механошина, Т. А. Филиппова

Барнаул, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПОГЛОЩЕНИЕ»

Сегодня в периодической печати, публицистике и в быту можно услышать множество рассказов о недружественном поглощении того или иного предприятия, о зловных рейдерах, раздирающих экономику России, о бессилии правоохранительных органов, их коррумпированности и многом другом. Но всегда ли мы правильно понимаем сущность процессов, о которых идет речь? Исторически функция создания единых конкурентных условий и поддержания порядка в отношениях собственности закреплена за государством. Невыполнение или некачественное выполнение государством функции координации конкуренции является причиной возникновения противоправных действий по переделу имущества. Так в России, как, впрочем, и в мировой практике, данные проявления принято называть «поглощением». Что такое «недружественное поглощение», что содержит это понятие, как правильно его трактовать и в каких случаях его можно употреблять в научном обороте и деловом лексиконе? Действующим законодательством Российской Федерации должным образом не раскрыто ни понятие «поглощение юридических лиц», ни тем более его содержание. В статье подробно рассматриваются проблемы соотношения таких понятий как слияние и поглощение. Авторы отмечают, что как в России, так и в зарубежных странах в настоящее время в правовой литературе отсутствует единое понимание рассматриваемых терминов. На основе анализа различных подходов делается вывод о том, что, несмотря на определенное сходство с такой формой реорганизации как «слияние», понятие «поглощение» нельзя признать формой реорганизации юридического лица. В результате доктринального и нормативного изучения данных терминов авторами предлагается определение анализируемого понятия «поглощение».

Ключевые слова: акционерное общество; реорганизация; юридическое лицо.

Сведения об авторе: Нина Александровна Механошина, аспирантка Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, каб. 415. E-mail: mvp-novoalt@yandex.ru

Сведения об авторе: Татьяна Аркадьевна Филиппова, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, каб. 415. E-mail: philippovata@mail.ru.

N. A. Mekhanoshina, T. A. Filippova

Barnaul, Russia

TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT «TAKEOVER»

Today in periodicals, journalism and everyday life one can hear a lot of stories about the hostile takeover of a particular enterprise, about the evil raiders tearing up the Russian economy, about the powerlessness of law enforcement agencies, their corruption and much more. But do we always correctly understand the essence of the processes in question? Historically, the function of creating unified competitive business environment and maintaining order in ownership relations is assigned to the state. Failure to comply or poor performance by the state of the function of coordination of competition is the reason for the occurrence of abusive practices of property redistribution. So in Russia as elsewhere in the world these instances are usually called "takeover". What is «hostile takeover», what does this concept contain, how to treat it correctly and in what cases it can be used in academic sphere and business vocabulary. The current legislation of the Russian Federation properly discloses neither the concept of acquisitions of legal entities, nor even its content. The article deals in detail with the problems of the correlation of such concepts as mergers and acquisitions. The authors note that, both in Russia and in foreign countries, there is currently no common understanding of the terms in the legal literature. Based on the analysis of various approaches, it is concluded that, despite some similarity with such a form of reorganization as a «merger», the concept of «takeover» cannot be recognized as a form of reorganization of a legal entity. As a result of the doctrinal and normative study of these terms, the authors propose the definition of the concept of «takeover».

Key words: joint-stock company; reorganization; legal entity.

About the author: Nina Alexandrovna Mechanoshina, postgraduate of Altai State University. Prospect Sotsialisticheskii, 68, office 415, Barnaul, 656049. E-mail: myp-novoalt@yandex.ru.

About the author: Tatiana Arkadevna Filippova, Candidate of Juridical Sciences, Professor of Chair of Civil Law Department of Altai State University. Prospect Sotsialisticheskii, 68, office 415, Barnaul, 656049. E-mail: philippovata@mail.ru.

Введение санкционного режима странами Запада в отношении России – одна из причин, по которой страдает весь бизнес и рынок страны в целом. Современная экономическая ситуация приводит к тому, что появляются новые экономические явления, которые, в свою очередь, требуют правильной оценки и отражения в праве. К их числу можно отнести «поглощение». Однако

сегодня к этому термину нет однозначного отношения, в связи с чем имеется необходимость соотнести данное явление с уже имеющимися дефинициями, выявить сущность и дать ему адекватное определение.

Чаще всего при характеристике «поглощения» его сравнивают с таким термином как «слияние». Существуют несколько подходов к пониманию двух рассматриваемых понятий как в нашей стране, так и за рубежом.

Так, согласно первому подходу, во многих доктринальных источниках в России термины «слияние» и «поглощение» рассматриваются обособленно друг от друга. Кроме того, в доктринальных источниках отмечено, что «...долгое время в научной литературе и отдельных публицистических статьях отечественных авторов два слова – “слияние” и “поглощение” – вместе практически не употреблялись. Слово “слияние” использовалось авторами в качестве одной из разновидностей реорганизации – процедуры, предусмотренной Гражданским кодексом и специальными законами. Слово “поглощение”, не являясь юридическим термином с точки зрения российского права, употреблялось лишь как обобщающее понятие для обзора методов и средств установления контроля над бизнесом. Изредка встречались статьи, посвященные теме слияний и поглощений в западной практике, однако для описания отечественных реалий данный термин практически не использовался» [Молотников 2006: 11]. В рамках этого подхода одни авторы связывают поглощение с установлением контроля над корпорацией [Ионцев 2005], другие, как, например, А. А. Бегаева, рассматривают поглощение в качестве одной из форм реорганизации юридического лица.

Согласно второму подходу «слияние и поглощение» используются как единое целое, без разделения отдельно на слияния и отдельно на поглощения. Объясняется это наличием экономического подхода к пониманию рассматриваемого термина с акцентом на приобретение контроля в компании без учета используемых способов и методов. По мнению А. С. Могилевского, термин "слияние и поглощение" подразумевает объединение на определенных условиях активов и управленческих функций нескольких компаний в рамках

одного корпоративного объединения или под его эгидой. [Могилевский 2006: 3]. Также отметим, что при данном подходе под слиянием российскими специалистами понимается любое объединение компаний, в результате которого образуется новая экономическая единица из двух и (или) более ранее существовавших структур [Владимирова 1999; Рудык, Семенкова 2000: 10; Волков 2004]. Такой своеобразный подход российских ученых к трактовке слияний predetermined их практически полное отождествление с поглощениями. Это пояснение является весьма важным, поскольку понятие «слияние» должно рассматриваться (с юридической точки зрения) как форма реорганизации юридического лица, предусмотренная гражданским и корпоративным законодательством Российской Федерации. Что касается понятия «поглощение», которое на практике часто подменяется понятием «присоединение», то ни в этих, ни в других отраслях российского законодательства оно не фигурирует вообще. Исключением является Указ Президента Российской Федерации от 16 ноября 1992 г. № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий», где термин «поглощение» употребляется применительно к процессу реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий. Поглощение – это сделка купли-продажи, происходящая, как правило, в недружественной обстановке. Однако в научной литературе встречаются и иные точки зрения. Например, М. Г. Ионцев под поглощением компании предлагает понимать установление над этой компанией или активом полного контроля как в юридическом, так и физическом плане [Ионцев 2005]. П. А. Гохан приводит следующее описание поглощения: «...термин более неопределенный и иногда относится только к враждебным сделкам; в других случаях он используется для обозначения как дружественных, так и недружественных слияний» [Гохан 2004]. Из этого следует, что поглощение, независимо от конфликтности или бесконфликтности характера, следует признавать в праве как сделку.

А. Е. Молотников в своей работе «Слияния и поглощения. Российский опыт» под термином «слияния и поглощения» понимает любой способ установления контроля над компанией и ее активами, будь то приобретение акций, банкротство или покупка на торгах здания, находившегося в федеральной собственности [Молотников 2006: 11]. Это является третьим подходом к пониманию терминов «слияние» и «поглощение». Так, С. В. Гомцян отмечает, что «...получившая в России распространение практика перераспределения собственности обязательно сопровождается нарушениями норм права. Она включает в себя противоправные элементы и, следовательно, не может рассматриваться в рамках законных способов приобретения корпоративного контроля. Это некий собирательный термин, который включает в себя разнообразные способы приобретения контроля, и ни в коем случае не должен быть сведен лишь к совершению отдельных сделок или юридически значимых действий: к купле-продаже, слиянию, присоединению и т. д.» [Гомцян 2010: 11,12].

В зарубежной практике также нет единого подхода к пониманию данных терминов. Так, например, по Кодексу Сити поглощение – это, во-первых, сделка (в отличие от реорганизации), во-вторых, сделка по приобретению 30% и более голосующих акций компании [Hengeler Mueller 2002: 178]. В английском законе «О финансовых услугах и рынках» 2000 года (Financial Services and Markets Act) было одобрено применение этого рекомендательного акта, что означает возможность принятия принудительных мер к его нарушителям. Закон ФРГ «О приобретении ценных бумаг и поглощениях», вступивший в силу с 1 января 2002 года, определяет поглощения через «оферту о поглощениях» – оферту, направленную на получение контроля над компанией – адресатом оферты, а «контроль» означает приобретение по крайней мере 30% голосов от общего количества голосов, предоставляемых всеми акциями компании (с учетом тех голосующих акций, которыми обладает оферент на момент оферты) [Долинская 2008]. Термины «слияние и поглощение» заимствованы из английского языка и являются дословным

переводом термина «mergers and acquisition» (M&A), весьма распространенного в странах с англосаксонской правовой системой. В США, например, под слиянием принято понимать консолидацию (объединение) активов двух и более компаний на условиях обязательного сохранения одной из них. Также в мировой практике поглощение принято понимать как общий термин для сделок, объектом которых выступают активы. Однако в широком смысле имеются в виду не только слияния (соединение компаний в одну) и поглощения (переход одной компании под контроль другой). Существуют также: выкуп акций заемными средствами (LBO); выкуп акций руководством хозяйственного общества (MBO); выделение активов в отдельное юридическое лицо с последующей продажей (spin-off); установление контроля над менеджментом компании либо мажоритарным акционером; приобретение контрольного пакета акций компании; преднамеренное банкротство компании.

По нашему мнению, наиболее верным является первый подход, при котором термины «слияние» и «поглощение» рассматриваются обособленно друг от друга. Если обратиться к действующему законодательству (Гражданский Кодекс РФ), то мы увидим, что оно закрепляет только термин «слияние», причем как форму реорганизации юридического лица. Что касается термина «поглощение», то он встречается лишь в отдельных правовых актах. В частности, в ранее действовавшем Временном положении о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества, утвержденном Указом Президента от 16 ноября 1992 г. № 1392, под поглощением понимается приобретение одним предприятием контрольного пакета другого предприятия. В рекомендательном акте федерального органа исполнительной власти по ценным бумагам – Кодексе корпоративного поведения – под поглощением понималось приобретение 30% и более размещенных обыкновенных акций (Кодекс корпоративного поведения от 5 апреля 2002 г., утв. распоряжением ФКЦБ России от 4 апреля 2002 г. № 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения»).

Аналогичное определение дается в усовершенствованном документе Кодексе корпоративного управления («Вестник Банка России», № 40, 18.04.2014). Однако данные акты по своему характеру не регулируют рынок слияний и поглощений компаний, не отражают наиболее болезненную для российского рынка сферу, связанную с недружественными поглощениями компаний, которые приносят непоправимый ущерб экономике государства [Бегаева 2008: 24].

Интерес представляет постановка законодателем в вышеуказанных актах в один ряд таких существенных корпоративных действий, как реорганизация общества, поглощение, совершение обществом существенных сделок, увеличение или уменьшение уставного капитала общества, осуществление листинга и делистинга акций общества, а также иных действий, которые могут привести к существенному изменению прав акционеров или нарушению их интересов. Таким образом, поглощение выступает как сделка по приобретению бизнеса (включает в себя установление корпоративного контроля над обществом и переход контроля поглощенным предприятием от одной группы к другой, приобретение контрольного пакета акций).

Так, выделяют возможность «дружественного» поглощения, то есть поглощения, в результате которого повышается эффективность корпоративного управления, а также «недружественного» поглощения, в результате которого отдельные акционеры рискуют утратить имеющуюся у них возможность влиять на управление обществом, а ликвидность акций общества и их рыночная стоимость могут снизиться. При «дружественном» поглощении не рекомендуется предпринимать препятствующие поглощению действия, которые противоречат интересам акционеров общества, или в результате которых интересы общества и его акционеров могут быть существенно задеты.

Учитывая возросшее количество недружественных поглощений и наносимый этими процессами вред, на региональном и муниципальном

уровне стали разрабатываться и приниматься различные нормативные правовые акты. В частности, Правительством Москвы разработана Городская межведомственная комплексная программа «Государственная поддержка граждан на рынке финансовых услуг и защита интересов Москвы как собственника корпоративных ценных бумаг (2006 – 2008 гг.)», утв. Постановлением Правительства Москвы от 2 мая 2006 г. № 282-ПП, в которой отражается один из способов недружественного поглощения компании – уменьшение доли г. Москвы в уставных капиталах предприятий за счет выпуска дополнительных акций. В Постановлении Правительства Москвы от 12 апреля 2005 г. № 221-ПП «О дополнительных мерах по сохранению и развитию научного и промышленного потенциала города Москвы» указывается, что одним из приоритетных направлений деятельности органов исполнительной власти г. Москвы, наряду с сохранением и развитием научного и промышленного потенциала г. Москвы, эффективным использованием имущественно-земельных комплексов организаций промышленности и науки, созданием новых высокопроизводительных мощностей является предупреждение нанесения ущерба городу от недружественных поглощений организаций промышленности и науки.

Недружественное поглощение в России кардинальным образом отличается от недружественного поглощения в зарубежных странах. Как обоснованно отметил Н. Б. Рудык, недружественное поглощение в России – это попытка установления полного контроля над корпорацией вопреки не только действующему менеджменту, но и собственникам [Рудык 2006: 125]. В литературе высказано мнение о том, что одной из специфических особенностей российских процессов слияний и поглощений является то, что они практически не затрагивают организованный фондовый рынок, а рыночная цена акций на вторичном рынке не имеет существенного значения.

К числу основных отличительных признаков «недружественного поглощения» публичного акционерного общества относятся приобретение

юридическим лицом и его аффилированными лицами либо иной группой лиц тридцати и более процентов обыкновенных акций публичного общества, предоставляющих право голоса, произведенное без соблюдения требований закона, направленное против воли органов управления (акционеров) такого общества и обеспечивающее цели установления контроля над принятием решений в публичном акционерном обществе.

Каковы же причины, побуждающие публичные акционерные общества вступать в сделки по слияниям и поглощениям? Среди основных причин можно выделить такие, как устранение конкурентов на рынке определенных товаров, работ и услуг, желание увеличить прибыль от своей деятельности, расширение масштабов деятельности и прочее.

Таким образом, если обратиться к рассмотрению понятия «поглощение», можно установить, что в российском законодательстве легального определения такого понятия пока не существует. На практике данное понятие часто подменяется понятием «присоединение». Понимание слияний и поглощений в российском праве связано с юридическим определением понятия «реорганизация юридического лица», формами которого являются слияния и присоединения. Реорганизация компаний, как определено Гражданским кодексом РФ, означает изменение юридического статуса одного или нескольких субъектов, задействованных в реорганизации. Какое-либо юридическое лицо может изменить свой юридический статус только одним из определенных законодательством способов. Формы реорганизации компаний можно подразделить на две группы: без привлечения уже существующих организаций – реорганизация путем разделения, выделения или преобразования, и при участии уже существующих юридических лиц – реорганизация путем слияния или присоединения компаний.

Следовательно, можно сделать вывод, что, несмотря на определенное сходство с такой формой реорганизации как «слияние», понятие «поглощение» нельзя признать формой реорганизации юридического лица.

В результате анализа различных нормативно-правовых актов Российской Федерации и зарубежных стран делается вывод о том, что в настоящее время обе правовые системы не содержат наиболее точных, полных и отвечающих современным условиям рынка определений понятий «слияние» и «поглощение» акционерных обществ, однако отечественный законодатель в последнее время уделяет пристальное внимание понятию поглощение, что не может не радовать юридическое сообщество. Реализация новых законопроектов, связанных с данным понятием, в перспективе дает уверенность в более эффективной защите прав акционеров. Для того чтобы избежать разных трактовок термина «поглощение», необходимо сформулировать безупречное понятие, которое бы отражало суть данного явления.

Доктринальное и нормативное изучение терминов «слияние» и «поглощение» позволяет дать следующее определение понятию «поглощение»: это существенные корпоративные действия (определенный вид сделок), связанные с приобретением 30 и более процентов голосующих акций общества, а также связанные с установлением контроля над обществом и его активами, направленные на изменение прав и законных интересов общества. При формулировании данного определения принималась во внимание трактовка поглощения как сделки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бегаева А. А.* Особенности правовых средств предотвращения недружественных поглощений. Безопасность бизнеса. 2008. № 2.
2. *Владимирова И. Г.* Слияния и поглощения компаний. Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 1.
3. *Волков В. В.* Международные слияния и поглощения банков стран Европейского союза: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2004.
4. *Гомцян С. В.* Правила поглощения акционерных обществ: сравнительно-правовой анализ. М., 2010.
5. *Гохан П. А.* Слияния, поглощения и реструктуризация компаний. М., 2004.
6. *Долинская В. В.* Поглощения и реорганизация. Гражданское право. 2008. № 1.

7. *Ионцев М. Г.* Корпоративные захваты: слияния, поглощения, гринмейл. М., 2005.
8. *Могилевский А. С.* Слияние и присоединение акционерных обществ по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. *Молотников А. Е.* Слияния и поглощения. Российский опыт. М., 2006.
10. *Рудык Н. Б.* Методы защиты от враждебного поглощения. М., 2006.
11. *Рудык Н. Б., Семенкова Е. В.* Рынок корпоративного контроля: слияния, жесткие поглощения и выкупы с долговым финансированием. М., 2000.
12. *Hengeler Mueller.* A New Takeover Regime for Germany: German Act on Acquisition of Securities and Takeovers. In *Takeovers in English and German Law*. Oxford and Portland, Oregon, 2002.

REFERENCES

1. Begaeva A. A. Features of legal means of preventing hostile takeovers [Osobennosti pravovyh sredstv predotvrashhenija nedruzhestvennyh pogloshhenij]. *Bezopasnost' biznesa – Business security*. 2008. № 2.
2. Vladimirova I. G. Mergers and acquisitions of companies [Slijanija i pogloshhenija kompanij]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom – Management in Russia and abroad*. 1999. № 1.
3. Volkov V. V International Mergers and Acquisitions of Banks of the Countries of the European Union [Mezhdunarodnye slijanija i pogloshhenija bankov stran Evropejskogo sojuza: dis. ... kand. jekon. nauk]. St. Petersburg, 2004.
4. Gomtsyan S. V Rules for the acquisition of joint-stock companies: a comparative legal analysis [Pravila pogloshhenija akcionerных obshhestv: sravnitel'no-pravovoj analiz]. Moscow, 2010.
5. Gohan P. A. Mergers, acquisitions and restructuring of companies [Slijanija, pogloshhenija i restrukturizacija kompanij]. Moscow, 2004.
6. Dolinskaya V. V Takeover and reorganization [Pogloshhenija i reorganizacija]. *Grazhdanskoe pravo – Civil law*. 2008. №1.
7. Iontsev M. G Corporate asset-grabbing: mergers, acquisitions, greenmails [Korporativnye zahvaty: slijanija, pogloshhenija, grinmejл]. Moscow, 2005.
8. Mogilevsky A. S Merger and consolidation of joint-stock companies under the Russian legislation [Slijanie i prisoedinenie akcionerных obshhestv po rossijskomu zakonodatel'stvu: dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 2006.
9. Molotnikov A. E. Mergers and Acquisitions [Slijanija i pogloshhenija]. *Rossijskij opyt – Russian experience*. Moscow, 2006.

10. Rudyk N. B. Methods of protection against hostile takeover [Metody zashhity ot vrazhdebnogo pogloshhenija]. Moscow, 2006.

11. Rudyk N. B., Semenkova E. V. The corporate control market: mergers, tight takeovers and redemption with debt financing [Rynok korporativnogo kontrolja: slijanija, zhestkie pogloshhenija i vykupy s dolgovym finansirovaniem]. Moscow, 2000.

12. Hengeler Mueller. A New Takeover Regime for Germany: German Act on Acquisition of Securities and Takeovers. In Takeovers in English and German Law. Oxford and Portland, Oregon, 2002.

Ю. Н. Молдованова, Е. Б. Тарбагаева

Красноярск, Россия

«ПРЕВЕНТИВНОЕ ПРАВОСУДИЕ» – ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья представляет лингвистическое обоснование в защиту использования вызвавшего в юридическом сообществе полемику термина «превентивное правосудие» применительно к институту нотариата. Аргументируется вывод о том, что словосочетание «превентивное правосудие» является узкоспециальным научным термином и нарушение его смысловой целостности, происходящее при формальном подходе к анализу, ведет к утрате его значения.

Ключевые слова: превентивное правосудие, нотариат, терминоведение, терминосистема, языковая единица.

Сведения об авторе: Юлия Николаевна Молдованова, магистрант юридического института Сибирского федерального университета. 660048, Красноярск, ул. Маерчака, 6. E-mail: Yuliyamoldovanova@yandex.ru.

Сведения об авторе: Елена Борисовна Тарбагаева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса юридического института Сибирского федерального университета. 660048, Красноярск, ул. Маерчака, 6. E-mail: civil.law.process@gmail.com.

Y. N. Moldovanova, E. B. Tarbagaeva

Krasnoyarsk, Russia

PREVENTIVE JUSTICE – LINGUISTIC ASPECT

This article represents linguistic analysis of the term «preventive justice» in the sphere of notarial profession. The aim is to support the idea that collocation «preventive justice» is a niche scientific term and formal approach to its analysis leads to distortion of its meaning thus causing loss of sense.

Key words: Preventive justice, notarial profession, terminology studies, system of terms, language unit.

About the author: Yuliya Nikolaevna Moldovanova, postgraduate at the Chair of Civil Procedure, Law Institute, Siberian Federal University. ul. Maerchaka, d.6, Krasnoyarsk, 660048. E-mail: yuliyamoldovanova@yandex.ru.

About the author: Elena Borisovna Tarbagaeva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Chair of Civil Procedure, Law Institute, Siberian Federal University. ul. Maerchaka, d.6, Krasnoyarsk, 660048. E-mail: civil.law.process@gmail.com.

Статья 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее Основ) определяет, что нотариат призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации, а также указывает на других лиц, имеющих право на совершение нотариальных действий. Законодательно понятие нотариата не раскрывается, акцентируется общая задача нотариальной деятельности – защита прав и законных интересов посредством совершения нотариальных действий и выполнение нотариусом публичной функции от имени государства. Решение проблемы определения понятия нотариата и его правовой природы доктринально решается по-разному.

В целом в литературе принято говорить о нескольких основных значениях термина нотариат: «во-первых <...> систему органов и должностных лиц, включающую нотариусов и иных лиц, наделенных в соответствии с законом правом совершения нотариальных действий; во-вторых, отрасль законодательства, нормами которой регулируется нотариальная деятельность; в-третьих, учебный курс, предметом которого является изучение вопросов нотариального производства и деятельности его участников» [Ярков 2003: 1].

В доктрине выработано множество определений, отражающих представления о данном правовом институте, высказываются различные точки зрения относительно понятия нотариата, однако единого мнения о природе нотариата так и не выработано. В литературе отмечается, что нотариат – понятие многозначное, его можно рассматривать в различных аспектах [Тарбагаева 2006: 9]. Нотариат также принято соотносить с понятием превентивного правосудия [Жуйков 1998: 13].

В отечественной доктрине концепция превентивного правосудия применительно к институту нотариата является дискуссионной по нескольким причинам, в частности, если превентивная (предупредительная) функция нотариата не оспаривается, вызывает возражения использование применительно к данной сфере термина «правосудие», который понимается юристами как «форма государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел» [Додонов 1998: 250]. Логика такого рода рассуждений основана на том, что, согласно ст. 118 Конституции РФ, правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Такой подход является результатом логического анализа термина «превентивное правосудие», который заключается в разложении словосочетания на части и оценки возможности применения каждого из них к нотариату. Но такой подход не оправдан, так как не учитывает статуса данного понятия как термина, который нельзя расчленять, так как он является неделимым единством.

Кроме того, несмотря на указание в статье 1 Основ на то, что нотариат призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, стоит признать, что защита права может осуществляться только там, где произошло нарушение права, либо право оспаривается, а предметом нотариального производства становятся по общему правилу гражданские дела бесспорного характера. Защита права осуществляется только таким нотариальным действием, как совершение исполнительной надписи. Поэтому отнесение деятельности нотариата к защите права в целом не совсем оправданно. Кроме того, это связано, вероятно, также со смешением понятий «охрана прав» и «защита прав», присутствующих в отечественном законодательстве.

Превентивное правосудие ассоциируется с нотариатом латинского типа. Термин «превентивное правосудие» возник в 1998 году и является результатом терминологического творчества Виктора Мартениановича Жуйкова,

профессора кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Сам автор так говорит о термине: «Какое содержание мы вкладываем в понимание нотариата как института превентивного, предупредительного правосудия? Прежде всего, это те случаи, когда нотариус непосредственно обеспечивает защиту прав гражданина, чем предупреждает необходимость обращаться к судье за защитой тех прав. В других случаях, когда все же не удается предотвратить обращение к правосудию, нотариальные действия максимально облегчают и упрощают деятельность правосудия. Если наш свободный российский нотариат латинского типа в состоянии выполнить эти задачи, то он может рассматриваться в качестве института превентивного, предупредительного правосудия» [Жуйков 1998: 13].

Следует принимать во внимание, что «для наук, имеющих в качестве объектов знаковые, языковые системы, важное значение имеет различие языка (языка первой ступени) и метаязыка (языка второй ступени). К таким наукам относится и юриспруденция. Неразличение двух аспектов (уровней) языка в юридической науке и практике приводит к возникновению необоснованных коллизий, споров... Таким образом, в юридической сфере мы наблюдаем три уровня языка: первый уровень — язык права, второй — язык юридической практики, третий — язык юридической науки. В одних случаях язык науки выступает как метаязык, в других — как язык третьего уровня» [Черданцев 2012: 21]. Учитывая такую постановку вопроса, термин «превентивное правосудие» следует отнести к метаязыку.

В исследовании будем опираться на методологию появившейся в России во второй половине XX века науки о терминах – терминоведения, которая является самостоятельной комплексной дисциплиной, использующей, главным образом, методологию лингвистики.

Научное терминотворчество является необходимым условием научного познания. В результате научной деятельности возникают искусственные языковые единицы – термины. Многогранность такого явления, как термин,

обусловила отсутствие единой исчерпывающей дефиниции и длящиеся по этому поводу споры. Мы будем пользоваться в своем исследовании самой распространенной дефиницией данного явления (на сегодня насчитывается около 190 определений), которая наиболее кратко, но при этом емко отражает данное понятие – термин как «особая языковая единица, основное средство выражения научного понятия» [Багана 2016: 9]. Также интересны будут развернутые определения авторов с различными мнениями на эту тему, которые с разных сторон иллюстрируют свойства термина, но одновременно позволяют прийти к общему знаменателю.

«Научный термин – это языковая единица (слово или словосочетание) преимущественно субстантивного характера, конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы и служащая для концентрации, фиксирования, хранения и передачи профессиональной информации» [Лемов 2000: 76]. Самое ценное для нас в этом определении – это представление о термине как об особой языковой единице. Языковые единицы, «в отличие от фонем, обладают определенным закрепленным за ними значением. К таким единицам относятся слово, словосочетание, фразеологическая единица» [Ахманова 2010: 146].

«Принадлежность терминологической единицы к знаковой системе языка подтверждается тем, что термин может быть словом или словосочетанием и обладать такими семантическими и формальными признаками единиц языка, как денотативное, сигнификативное, синтагматическое, категориальное и грамматическое значения» [Багана 2016: 9]. Также в отечественном терминоведении существует представление о термине как о специфическом знаке языковой системы. Так, например, Ф. А. Циткина считает, что «термин – это языковой знак, репрезентирующий научное понятие специальной, профессиональной отрасли знания» [Циткина 1988: 10]. Важным в понимании языкового знака является единство понятия и акустического образа, под которым понимается психический отпечаток звучания в мозгу человека. То есть словосочетание «превентивное

правосудие», являясь языковым знаком, только в таком звуковом воплощении может соответствовать психическому явлению, которое оно озвучивает.

Так как в терминологических исследованиях используется системный подход, то следует учитывать уровень языка. «Один из основных аспектов (ярусов) языка – фонетика, морфология, синтаксис, лингвостилистика – мыслимых как ступень в иерархии подсистем языка» [Ахманова 2010: 488]. При членении единицы определенного уровня происходит переход на уровень ниже, в своем уровне единица целостна, неделима. Также термин исследуется во взаимосвязи с терминосистемой (организованной совокупностью терминов в специальном языке определенной области знания), элементом которой он является. Терминосистема в терминоведческом исследовании приравнивается к контексту. «При таком рассмотрении термина возникает положение о его относительности. Будучи лексемой, термин не обладает постоянными семантическими и формальными свойствами, а приобретает эти свойства временно, пока он находится в рамках определенной терминосистемы» [Багана 2016: 29].

Под лексемой понимается любая составная единица семантического уровня, семантическое содержание которой нельзя вывести ни из ее синтаксического построения, ни из семантики составляющих ее элементов, это лексическая морфема [Ахманова 2010: 214]. Морфема в свою очередь определяется как «наименьшая (предельная неделимая далее без потери данного качества) и регулярно воспроизводимая согласно моделям данного языка единица системы выражения, непосредственно соотносимая с соответствующим ей элементом системы содержания (семемой)» [Ахманова 2010: 240]. Это значит, что термин следует относить к высшим уровням языка, конкретно лексическому уровню, а элементы термина при разложении переходят на уровень ниже, следовательно, теряют свое значение (семантическое содержание). Следует, впрочем, заметить, что обе составляющие термина «превентивное правосудие» являются

самостоятельными терминами, но относятся уже не к третьему уровню (языку науки), а ко второму уровню (языку юридической практики), но одновременно все еще метаязыку.

Второе определение лексемы говорит нам о том, что на лексическом уровне (это уровень совокупности лексем) термин является предельной неделимой единицей уровня. То есть все логические операции по разложению термина и анализу его составных частей приводят к переходу на более низкий уровень языка и потере термином его свойств и являются по сути результатом непонимания единства формы и содержания.

Таким образом, несмотря на различные подходы ученых, в целом можно выделить общее в их понимании, это единство и неделимость термина, так как в рамках своей отрасли он является как бы атомом (единицей, знаком) этого знания и в концентрированном виде хранит в себе большой пласт накопленных знаний. Термин исследуется традиционными методами исследования, в нашем случае, словосочетаний. Следует подчеркнуть, что за единицу рассмотрения следует принимать термин в совокупности с его определением.

Чтобы обосновать свою позицию по отношению к понятию «превентивное правосудие» как к термину, а следовательно, к его смысловой целостности, мы проверим, соблюдены ли все требования, предъявляемые к термину, либо же исследуемое выражение является противопоставляемым терминам свободным словосочетанием. Стоит подчеркнуть, что речь идет об узкоспециальном научном термине, ведь данное выражение применяется сугубо в рамках исследований нотариата, то есть он характерен для конкретной профессии (нотариуса) в рамках определенной отрасли науки (юриспруденции как отрасли знания).

Для того чтобы отделить термины от других слов, следует проверить наличие основных требований, предъявляемых к научно-техническому термину, сформулированных Д. С. Лотте.

Итак, идеальный (именно идеальный, ведь последние исследования привели терминоведов к пониманию требований, предъявляемых к термину, как основных желательных свойств, которыми он должен обладать) научно-технический термин должен, по Д. С. Лотте, быть однозначным, точным, системным, кратким, не должен иметь синонимов.

Однозначность (моносеманτικότητα) – это соответствие одному научному термину только одного понятия в рамках одной терминосистемы. Выше мы уже приводили авторскую трактовку выражения «превентивное правосудие», то есть как термин оно профессионально дефинировано. Другие значения, даже если выйти за рамки данной терминосистемы, которую можно было бы широко определить как юридическую, нам неизвестны. Следовательно, данный критерий соблюден.

Второй критерий отграничения термина от нетермина – точность. Не вдаваясь в пространные рассуждения о том, может ли вообще иметь место точность в гуманитарных науках, к коим юриспруденция относится, поясним, что данный критерий связан с анализом соотношения триады «объект – понятие – имя». Несмотря на то, что данные требования разрабатывались для научно-технических терминов, критерий точности можно применить и к абстрактному понятию. На наш взгляд, имя «превентивное правосудие» достаточно точно выражает представление об идеальном объекте, то есть нотариате, хотя все это является абстракцией, и даже в некотором роде фикцией, так как не существует независимо от человека, а живет только в его представлении. Понятие (дефиниция) как бы соединяет объект с его именем, конкретизирует его, рассматривает с разных сторон. Здесь и соотнесение нотариата с судебными органами (правосудии в его прямом, принятом в юриспруденции значении), и акцентирование внимания на общей направленности нотариальной деятельности на охрану права и предупреждение нарушений закона. Точность данного термина заключается в монолитности триады и способности термина максимально точно отразить в нем сущностные представления о явлении (объекте). Эта

точность очевидно субъективна, но хорошо отражает авторскую точку зрения на объект изучения, акцентирует внимание на определенной подчеркнутой автором характеристике исследуемого объекта (справедливости для всех обратившихся до того, как чье-то право будет нарушено и для того, чтобы оно нарушено не было).

Третий критерий отграничения термина от нетермина – системность (согласование с другими имеющимися в терминосистеме терминами, по Д. С. Лотте). Термин «превентивное правосудие» сегодня согласован с такими терминами, как небюджетный нотариат (нотариат латинского типа), нотариат вообще и нотариальная деятельность, нотариальная охрана права, нотариальная защита права. В данной терминосистеме термин существует уже 18 лет и за это время, благодаря поддержке многих исследователей нотариата [Тарбагаева 2006: 10], вошел в доктрину и стал объектом исследований. Но перехода из уровня метаязыка юридической доктрины не произошло, и возможно никогда не произойдет, подобно тому, как это не произошло с такими выражениями, как «правовая ткань», «правовое поле», «правовая материя» [Алексеев 1995: 14].

Системность разными авторами понимается по-разному, некоторые даже придерживаются мнения, что системность, наряду с мотивированностью, является неотъемлемым свойством термина вообще, так как термин существует внутри терминосистемы и внутри языка вообще, следовательно, несистемным быть не может. Под системностью можно понимать как системность словообразования (по А. А. Реформатскому), так и соотношенность с той или иной терминологической системой (Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, А. В. Суперанская и др.).

«Словообразовательные средства в терминологии представляют собой определенную систему. Каковы же, по мнению исследователей, особенности словообразования в терминологии? В терминообразовании активны и продуктивны такие способы создания наименований, как семантический, синтаксический и морфологический» [Литвиненко 2007: 143]. Когда речь

идет об образовании термина-слова, то речь идет о лексической номинации. Словарь О. С. Ахмановой определяет номинацию как назывную функцию или сторону слова, семантический аспект слова как употребляемого (возникающего) в данной речевой ситуации или контексте. Под синтагмой О. С. Ахманова понимает двухчленную структуру, члены которой соотносятся как определяемый (Т) и определяющий (Т1), причем этими членами могут быть как слова, так и морфемы [Ахманова 2010: 270], а термины-словосочетания образуются путем синтагматической номинации (называние посредством словосочетаний). В таком случае способ, которым образован термин превентивное правосудие, – это синтаксическая деривация.

В терминологии синтаксическим способом создаются многочисленные составные термины, или термины-словосочетания, а сам этот способ является одним из основных, обладающих высокой степенью продуктивности.

Термины-словосочетания, выражающие единые целостные понятия, обладают разной степенью смысловой разложимости. Они более устойчивы, по сравнению со свободными словосочетаниями общелитературного языка, по своей лексико-семантической организации. Их можно отнести к числу лексических словосочетаний, характерной особенностью которых является то, что место одного из компонентов заполняется не любым словом соответствующей категории, а лишь некоторыми, образующими определенную семантическую группу.

Этот способ образования терминов является очень продуктивным, так как позволяет детально представить понятие, а также отразить различные видовые характеристики этого понятия. Адъективно-субстантивная модель – А+S. Формула такая: к термину-названию (S), в нашем случае «правосудие», выраженному именем существительным, добавляется определение (А), сужающее значение термина – «превентивное». Определитель выражен прилагательным. Обычно базисное слово выражает родовое понятие, а

зависимое – видовое, то есть родовое понятие конкретизируется через видовое понятие.

В целом данная модель терминообразования (A+S) является распространенной для юриспруденции, подобным образом, например, образованы такие термины, как «ювенальная юстиция», большинство терминов, включающих номинацию «право» – «уголовное право», «гражданское право» и т. д. Следовательно, критерий системности соблюден применительно к данному термину.

Четвертый критерий отграничения термина от нетермина – краткость. Термин «превентивное правосудие» можно определить как двухкомпонентное терминологическое словосочетание, оно относительно кратко, разве что в сравнении с многокомпонентными. Данный недостаток компенсируется его благозвучностью, которая сглаживает многосложность каждого из элементов данного словосочетания и двухкомпонентность термина. А тот факт, что этот термин вошел в употребление и нашел единомышленников, которые стали развивать концепцию нотариата как превентивного правосудия, изучать его в разных аспектах, говорит в его пользу и свидетельствует о наличии такого факультативного требования к термину, как устойчивость, то есть воспроизводимость в речи.

Отсутствие синонимов – последний из критериев в данном списке. Думаем, что у термина, подлежащего проверке, нет синонимов. На это могут возникнуть возражения, так как имеется такой вариант, как «предупредительное правосудие», который употребляется параллельно. Думаем, что здесь речь идет не о синониме, а о вариантах и вопросе о предпочтительной форме, использующей средства родного языка. В начале своей статьи В. М. Жуйков предлагает варианты оформления термина: «Какое содержание мы вкладываем в понимание нотариата как института превентивного, предупредительного правосудия?» [Жуйков 1998: 13], он как бы оставляет выбор предпочтительной формы – «превентивное / предупредительное» на суд исследователей нотариата,

выражая их равнозначность. Языку свойственны совершенно объективные законы, например, слова родного языка являются предпочтительными по отношению к заимствованиям. Таким образом, термин должен был бы войти в употребление в варианте с прилагательным из родного языка, но тому могли помешать объективные причины, связанные с конкретной рассматриваемой терминосистемой, а именно с сознанием юристов, которые мыслят элементами этой терминосистемы. Для юристов, которые часто имеют дело с прилагательным «превентивный» в других словосочетаниях, например, «превентивный арест», «превентивное задержание», «превентивные меры», «превенция», также превратившихся в термины, вполне комфортно употребление именно заимствования, которое стало для юристов обыденным. Слово «превентивный» происходит из французского языка, в который, в свою очередь, пришло из латыни. Термины часто имеют иностранное происхождение в силу международного характера науки. Конкретно для юриспруденции исторически особую роль играл латинский язык. Таким образом, язык оказался опосредованным мышлением, и в употребление наравне со словом из родного языка вошло и заимствование.

Данный термин также соответствует и другим критериям, предъявляемым к термину, но не входящим в стандартный набор:

- мотивированность (семантическая прозрачность, свойство его формы давать представление о так называемом терминологическом понятии);
- стилистическая нейтральность (отсутствие экспрессии, эмоциональной выразительности, термин нельзя отнести к определенному стилю)
- наличие научной дефиниции, благозвучность, внедренность [Багана 2016: 35].

Стоит заметить, что в последнее время все больше терминоведов склоняются к мнению, что идеал термина недостижим, и требования к термину являются лишь его желательными свойствами. Число требований, устанавливаемых авторами, различают от 4 до 13.

Все термины являются особыми знаковыми единицами языка, которые, как известно, неделимы на данном уровне языка. «Превентивное правосудие», как доказано выше, – термин. Следовательно, «превентивное правосудие» – это неделимое единство смысла и формы, так как при сложении двух слов на данном языковом уровне мы получаем не сумму смыслов этих слов, но новый смысл, который теряется при расчленении этого единства. Рассматривать термин «превентивное правосудие» следует в рамках того значения, которое в него заложил творец, пополняя метаязык юриспруденции.

Если же исследовать данное словосочетание, не учитывая, что оно является термином, проанализировать его лингвистическими методами, то можно прийти к выводу о его отнесенности к еще более высокому уровню языка. Например, если допустить, что однажды данный термин переключается из сознания ученых в естественный язык, то данное словосочетание окажется на самом высоком языковом уровне – лингвистическом. Если исследовать данный термин с этой точки зрения, то скорее всего, речь идет о частном случае оксюморона, а именно *contradictio in adjecto* (лат.) — противоречие в определении. Например, *круглый квадрат*. Эта семантическая фигура речи, несмотря на определенное противоречие, создает особое образное представление. Несмотря на то, что данный термин существует пока только в узкой научной среде, тем не менее, многие ученые отмечают его образность, и даже некую красоту.

Таким образом, на наш взгляд, понимание данного термина как особой знаковой единицы языка снимает противоречие, вызывающее дискуссии по поводу применимости данного термина к институту нотариата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С. С.* Теория права. М., 1995.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2010.
3. *Багана Ж.* Терминообразование в языке науки. М., 2016.
4. *Жуйков В. М.* Нотариат как институт превентивного правосудия: общие цели, принципы и полномочия. Российская юстиция. 1998. № 6.

5. Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2000.

6. Литвиненко Г. И. Способы словообразования как фактор системности в терминологии. Вісник СумДУ. 2007. № 1.

7. Нотариальное право России. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. М., 2003.

8. Тарбагаева Е. Б. Организация и деятельность нотариата в Российской Федерации. СПб., 2006.

9. Циткина Ф. А. Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения). Львов, 1988.

10. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.

11. Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В. Е. Крутских и В. Н. Додонова. М., 1998.

REFERENCES

1. Sergeev S. S. Theory of law [Teoriya prava]. Moscow, 1995.

2. Achmanova O. S. Dictionary of linguistic terms [Slovar' lingvisticheskikh terminov]. Moscow, 2010.

3. Bagana G. The term formation in the language of science [Terminoobrazovaniye v yazyke naukie]. Moscow, 2016.

4. Zhuykov V. M. The Notarial profession as an institution of preventive justice: General objectives, principles and powers [Notariat kak institut doventiya: obshchiye tseli, printsipy i polnomochiya]. Rossiyskaya iustitsia – Russian justice. Moscow, 1998. Vol. 6.

5. Lemov A. W. System, structure and functioning of the scientific term [Sistema, struktura i funktsionirovaniye nauchnogo termin: Dis. ... kand. filol. nauk]. Nizhny Novgorod, 2000.

6. Litvinenko G. I. Ways of word formation as a factor of system in terminology [Sposoby slovoobrazovaniya kak faktor sistemnosti v terminologii]. Bulletin of SSU.Kiev, 2007. Vol. 1.

7. Notarial law of Russia. Moscow, 2003.

8. Tarbagaeva E. B. The organization and operation of notaries in the Russian Federation [Organizatsiya i deyatel'nost' notariata v Rossiyskoy Federatsii]. St. Petersburg, 2006.

9. Tsitkina F. A. Terminology and translation [Terminologiya i perevod]. Lvov, 1988.

10. Cherdantsev A. F Logical and linguistic phenomena in the law [Logiko-yazykovyye fenomeny v yurisprudentsii]. Moscow, 2012.

11. Encyclopedic dictionary of law. [Entsiklopedicheskiy yuridicheskiy slovar'] Moscow, 1998.

Е. Н. Петухов

Барнаул, Россия

КОРРЕКЦИОННОЕ ТОЛКОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА КАК СРЕДСТВО УЯСНЕНИЯ ИХ ТОЧНОГО СМЫСЛА И ПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

В статье описывается проблема, связанная с законотворческим процессом в сфере уголовно-процессуального законодательства. Выделяются многочисленные промахи и несообразности, которые допускает законодатель в тексте уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации из-за несоблюдения требований юридической техники. Понимая, что законодатель никогда не будет застрахован от ошибок в принятии, изменении и отмене норм уголовно-процессуального законодательства, наука уголовного процесса разработала и предложила правоприменителю средство разрешения складывающейся проблемной ситуации при применении таких норм в виде коррекционного толкования. С помощью этого вида толкования такие субъекты уголовного процесса, как дознаватель, следователь, прокурор и суд смогут правильно уяснять смысл ошибочных положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который заложил в них законодатель. Использование коррекционного толкования позволит данным субъектам исправлять допущенные законодателем в тексте уголовно-процессуального законодательства ошибки технического, смыслового и логического характера, что приведет к правильному применению действующих его положений.

Ключевые слова: уголовный процесс, юридическая терминология, коррекционное толкование.

Сведения об авторе: Евгений Николаевич Петухов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Социалистический, 68, корп. ЮФ АлтГУ, к. 312. E-mail: petuchove@mail.ru.

E. N. Petukhov

Barnaul, Russia

CORRECTIVE INTERPRETATION OF CERTAIN PROVISIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AS A MEANS OF CLARIFYING THEIR EXACT MEANING AND CORRECT APPLICATION

The article describes the problem associated with the legislative process in the field of criminal procedural legislation. There are numerous blunders and inconsistencies that the legislator admits in the text of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation due to

non-compliance with the requirements of legal techniques. Realizing that the legislator will never be immune from mistakes in accepting, changing and abolishing the norms of the criminal procedural legislation, the science of the criminal procedure has developed and offered the law enforcement agent a means of resolving the emerging problem situation when applying such norms in the form of corrective interpretation. With the help of this kind of interpretation, such subjects of the criminal process as the inquirer, investigator, prosecutor and the court will be able to correctly understand the meaning of the erroneous provisions of the criminal procedure code of the Russian Federation, which the legislator laid in them. The use of corrective interpretation will allow these entities to correct the mistakes made by the legislator in the text of criminal procedural legislation of a technical, semantic and logical nature, which will lead to the correct application of its current provisions.

Key words: criminal procedure, legal terminology, corrective interpretation.

About the author: Evgeny Nikolaevich Petukhov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Process and Criminalistics of Altai State University. Department of Law, Prospect Sotsialisticheskiy, d. 68, office 312, Barnaul, 656049. E-mail: petuchove@mail.ru.

В теории права выработано понятие «правотворчество». Под ним понимается деятельность по принятию, изменению, отмене юридических норм, в том числе и уголовно-процессуальных. Его сущность состоит в возведении государственной воли в нормы права, то есть в форму юридических предписаний, имеющих общеобязательный характер. При этом правотворческая деятельность осуществляется в рамках определенной законом процедуры. Правотворчество классифицируется по разным основаниям на множество разновидностей, но главным видом этой деятельности выступает федеральное законотворчество. Оно представляет собой деятельность высшего законодательного органа государственной власти – парламента (в России – Федерального Собрания). Законотворчество включает в себя законодательную инициативу, обсуждение законопроекта, принятие закона, его одобрение, подписание и опубликование. Оно должно отвечать таким требованиям, как научность, профессионализм (компетентность), и носить творческий характер.

Для осуществления законотворчества необходима юридическая техника (ее понятие выработано в теории права). Такая техника призвана

структурировать правовой материал, совершенствовать язык правовых актов, делать его более понятным, точным и грамотным. Данной техникой должны в совершенстве владеть депутаты Государственной Думы Российской Федерации, точнее действующий на постоянной профессиональной основе комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, который играет важную роль в законотворческом процессе.

В контексте настоящей статьи отметим, что с момента окончания законотворческого процесса по подготовке уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), на протяжении 15 лет, представителями науки уголовного процесса и правоприменителями высказываются недовольства, связанные с многочисленными логическими, терминологическими и лексическими ошибками в тексте данного закона. Ради справедливости заметим, что законодатель иногда допускает бессистемность вносимых изменений в содержание УПК РФ не только по своей необоснованной инициативе, но и на основании лоббирования отдельных влиятельных государственных органов. Например, еще до принятия действующего УПК РФ было известно, что прокуратура не будет обладать правом санкционировать следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан. Однако данные органы настояли на сохранении таких полномочий, и УПК РФ в такой редакции был принят. Затем вносились изменения. Выделяются и иные причины многочисленных промахов и несообразностей в тексте УПК РФ [Победкин 2012: 393–402].

Кроме того, законодателя критикуют и за используемые им некорректные слова и обороты в тексте уголовно-процессуального закона (имея в виду их терминологический смысл) [Александров 2005: 6-18].

Таким образом, ставятся под сомнение профессионализм, чувство ответственности за свою деятельность авторов указанного закона, а именно депутатов Государственной Думы Российской Федерации, членов соответствующего ответственного комитета палаты. При этом мы нисколько не сомневаемся в их добросовестности, а только закономерно в этой связи ставим

вопрос о воплощении в жизнь фундаментальных принципов правотворчества (законотворчества) и требований юридической техники.

Примем как должное, что плохих законов не бывает, поэтому они должны исполняться в таком содержании, в котором вступили в законную силу и действуют. Так как в момент применения УПК РФ изменить его положения либо принять новые правоприменитель не может, ему на помощь приходит предложенное наукой уголовного процесса коррекционное толкование [Калиновский 2008: 91–98]. С помощью данного толкования можно, не меняя смысла закона, который вложил в него законодатель, скорректировать (исправить) допущенные им явные «логические несообразности», «редакционные промахи», другие ошибки и правильно применить его положения. Как представляется, это коррекционное толкование должны использовать дознаватель, следователь, прокурор и суд.

Проанализировав отдельные положения уголовно-процессуального законодательства, наглядно покажем, в каких случаях указанным субъектам следует использовать коррекционное толкование.

Так, если мы обратимся к предложенному законодателем термину «возбудить уголовное дело», то с точки зрения русского языка смысл его не понятен, а представить себе такое действие вообще невозможно, так как термин «уголовное дело» при буквальном его толковании означает набор процессуальных (служебных) документов, которые, конечно же, никак нельзя возбудить. Поэтому в данной ситуации (некорректный термин) правоприменителю следует, используя коррекционное толкование, придать данному выражению другой смысл – «возбудить производство по уголовному делу в виде дознания или следствия».

Статья 1 УПК РФ носит название: «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства». Вместе с тем, ч. 3 этой же статьи гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное

судопроизводство». Ни в теории, ни в практике общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры законами не признаются, то есть законодатель допустил логическую ошибку, дав ст. 1 УПК РФ указанное название. В литературе предлагается понимать ее как «Законодательство, определяющее порядок уголовного судопроизводства», что представляется наиболее точным и правильным. По существу, указанный недостаток не представляет трудностей в его надлежащем истолковании.

В п. 1 ст. 5 УПК РФ законодатель раскрывает понятие термина «алиби» – нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте, то есть отсутствие их во время совершения преступления на месте преступления, что свидетельствует об их непричастности к этому преступлению. Однако в уголовном праве имеются такие положения, которые относят лиц, не присутствующих на месте совершения преступления в момент его совершения, к субъектам данного преступления как пособников, подстрекателей, организаторов, поэтому правоприменитель должен уяснять смысл понятия «алиби», не только основываясь на знании уголовно-процессуального права, но и учитывая положения уголовного права, ибо многие общественно опасные деяния могут быть совершены способом, не требующим физического присутствия субъекта преступления на месте его совершения.

Далее, анализируя статью 5 УПК РФ (п.10), мы видим, что в понятие «жилище» законодатель закладывает далекий от объективной реальности смысл, определяя, что под данным термином следует понимать индивидуальный жилой дом с входящими в него помещениями. Однако в реальности постройки (баня, погреб, сараи и т.д.), как правило, не укладываются в понятия помещений, входящих в данный жилой дом, поэтому правоприменителю в данной ситуации следует применять коррекционное толкование, расширяя границы жилища до усадьбы.

В п. 41 ст. 5 УПК РФ разъясняется термин «контроль телефонных и иных переговоров», который в такой формулировке в УПК РФ используется лишь в

п. 11 ч. 2 ст. 29. В то же время следственное действие, содержанием которого является контроль и запись телефонных и иных переговоров, называется «контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ) и в ст. 29 УПК РФ указанное выше название не упоминается. Такая же ситуация и со следственным действием, именуемым в главе 25 УПК РФ как «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления». Однако в ст. 185 УПК РФ оно названо иначе: «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», а в п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК РФ уже называется – «наложение ареста на корреспонденцию». Сущность процессуальных действий везде одна и та же, «промах» законодателя налицо.

В специальной литературе обращается внимание на ст. 6 УПК РФ. Согласно ее содержанию, назначение уголовного судопроизводства сводится к защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако текст закона не содержит упоминания о защите общественных и государственных интересов, в то время как УК РФ в ч. 1 ст. 2 такую задачу провозглашает. Бесспорно, что нормы материального права реализуются посредством норм процессуального права, в связи с этим существует необходимость привести ст. 6 УПК РФ в единообразный со ст. 2 УК РФ вид. Вместе с тем и без этого очевидно, что уголовное судопроизводство посредством собственных способов, приемов и методов в действительности осуществляет и защиту государственных интересов.

Ч. 2 ст. 74 УПК РФ гласит, что в качестве доказательств по уголовному делу допускаются только показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, заключения эксперта, специалиста, протоколы следственных и судебных действий, вещественные доказательства и иные документы. Вместе с тем такое утверждение не соответствует ч. 1 этой же статьи, поскольку в ней определено, что доказательствами по УПК РФ признаются сведения, а не перечисленное в ч. 2

ст. 74 УПК РФ. Правоприменителям трудно уловить здесь смысл, заложенный законодателем, поэтому ясность вносит разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 года № 1, из содержания которого следует, что в ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечислены источники доказательств, а не сами доказательства.

В ст. 94 УПК РФ законодатель только двух субъектов (дознателя и следователя) наделил правом освобождать задержанного подозреваемого из-под стражи. В данной статье законодатель не называет прокурора, наверное, из-за того, что он не имеет полномочий по задержанию подозреваемого. Однако согласно ч. 2 ст. 10 УПК прокурор (также судья) обязан немедленно освободить всякого незаконно задержанного. Поэтому правоприменителю следует уравнивать прокурора в правах с дознавателем и следователем в вопросе освобождения задержанного.

Согласно ч. 2 ст. 226 УПК РФ, при утверждении обвинительного акта прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения, либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое. Такое же право прокурору предоставляется при утверждении обвинительного постановления. Также в суде прокурор, участвующий в процессе в качестве государственного обвинителя, может переквалифицировать общественно опасное деяние в сторону его смягчения. Однако остается неясным, по какой причине законодатель не счел нужным предоставить такое право прокурору при утверждении обвинительного заключения. Полагаем, это нужно исправить.

В соответствии с ч. 3 ст. 318 УПК РФ категория дел частного обвинения может возбуждаться следователем, однако такое положение не соответствует норме о предметной подсудственности органов дознания МВД РФ. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, возбуждаются и расследуются только дознавателями органов МВД РФ, а не следователями.

В ст. 321 УПК РФ, на наш взгляд, имеется допущенная законодателем несообразность. Полагаем, он переусердствовал с употребляемыми в данной норме терминами, хаотично именуя гражданина, в отношении которого подано

заявление, то лицом, то подсудимым. По смыслу уголовно-процессуального закона положения указанной статьи регламентируют процессуальные отношения субъектов, участвующих при рассмотрении уголовного дела мировым судьей, а значит, на данном этапе уголовного судопроизводства гражданин, в отношении которого подано заявление и рассматривается дело, уже является однозначно только подсудимым, а не каким-то иным лицом.

В ст. 437 УПК РФ идет речь о законном представителе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Вместе с тем из буквального толкования п. 12 ст. 5 УПК РФ следует, что лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, законный представитель не назначается.

Согласно ст. 448 УПК РФ, решение о возбуждении уголовного дела, либо о привлечении в качестве обвиняемого прокурора района, города и приравненных к ним прокуроров принимается руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. В ч. 5 ст. 37 УПК РФ прокурор района отождествляется с заместителем прокурора района, города и к ним приравниваются иные прокуроры и вышестоящие прокуроры. Судя по всему, в ст. 448 УПК РФ законодатель имеет в виду также заместителя прокурора района или города. Мы в этом видим логику законодателя, которая определяет, указанным нами образом, смысл анализируемых положений.

В соответствии со ст. 450 УПК РФ, ходатайство перед судом об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу может быть возбуждено следователем или дознавателем в отношении зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы Российской Федерации, кандидата в Президенты Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации, а в отношении зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации – с согласия

руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. Согласно п. «б» ч. 2 ст. 151 УПК РФ только следователи Следственного комитета РФ имеют право расследовать такие категории уголовных дел, а значит в этом случае правоприменителю нужно осознавать, что дознаватели не могут возбуждать вышеуказанное ходатайство.

В завершении, как уже ранее отмечали [Петухов 2017: 137–139], повторим, что анализ текста уголовно-процессуального закона и теоретических источников, посвященных рассматриваемой теме, позволяет сделать вывод о том, что будучи предназначенным для урегулирования общественных отношений в сфере публичного права, где вероятность ограничения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека очень высока, УПК РФ на сегодняшний день не в полной мере соответствует требованиям юридической техники. Вместе с тем законодатель никогда не будет застрахован от ошибок в принятии, изменении и отмене нормы данного процессуального права. В связи с этим коррекционное толкование – это важнейший инструмент в деле уяснения того смысла, который хотел донести законодатель до субъектов, уясняющих и применяющих данный закон.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Победкин А. В.* Качество уголовно-процессуального закона и компетентность законодателя. Вестник ВГУ. Серия: Право, 2012. № 1. С. 393–402.
2. *Александров А. С.* О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текста УПК РФ). Правоведение, 2005. № 5. С. 6–18.
3. *Калиновский К. Б.* Презумпция добросовестности законодателя – опровержима? Коррекционное толкование отдельных положений законов о внесении изменений и дополнений в УПК РФ. Журнал российского права. 2008. № 8. С. 91–97.
4. *Петухов Е. Н.* Техничко-коррекционное толкование отдельных норм уголовно-процессуального законодательства. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы пятнадцатой международной научно-практической конференции. Барнаул, 2017. Ч. 1. С. 137–139.

REFERENCES

1. *Pobedkin A. V.* The quality of the criminal procedural law and the competence of the legislator [Kachestvo ugovolno-protsessual'nogo zakona i kompetentnost' zakonodatelja]. Vestnik VSU. Series: Right. 2012. № 1. P. 393–402.

2. *Alexandrov A. S.* On the methodological consequences caused by terminological reasons (from the experience of reading the text of the Code of Criminal Procedure) [O metodologicheskikh sledstvijah, vyzyvaemyh terminologicheskimi prichinami (iz opyta prochtenija teksta UPK RF)]. Jurisprudence. 2005. № 5. P. 6–18.

3. *Kalinovsky K. B.* Is presumption of good faith legislator refutable? Corrective interpretation of certain provisions of the laws on the introduction of amendments and additions to the Code of Criminal Procedure [Prezumpcija dobrosovestnosti zakonodatelja – oproverzhima? Korrektsionnoe tolkovanie ot del'nyh polozhenij zakonov o vnesenii izmenenij i dopolnenij v UPK RF]. Journal of Russian Law. 2008. № 8. P. 91–97.

4. *Petukhov E. N.* Technical and Corrective Interpretation of Certain Norms of Criminal Procedural Law [Tehniko-korrektsionnoe tolkovanie ot del'nyh norm ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva]. Acute Problems of Tackling Crimes and Other Offenses: Proceedings of the Fifteenth International Scientific and Practical Conference. Barnaul, 2017. Part 1. P. 137–139.

И. В. Рехтина, М. А. Боловнев

Барнаул, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ТЕРМИНОВ ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Предлагаемая статья посвящена анализу терминов иностранного происхождения, которые активно используются в юридической сфере, в большей степени в понятийном аппарате гражданского и арбитражного процессов, как в научном обороте и доктрине, путем включения в статьи, монографии, научно-практические издания, так и в официальной судебной практике при фиксации в различного рода судебных актах: определениях, решениях, постановлениях, судебных приказах. Авторы излагают общие подходы и положения относительно правил и требований юридической техники, при этом уделяют особое внимание юридической терминологии, ее понятию, значению, условиям использования и видам юридических терминов. В статье описываются два способа образования данных терминов в русском юридическом языке, указываются их подвиды, приводятся примеры заимствованных иностранных терминов и категорий. В завершении статьи авторы обозначают как положительные, так и отрицательные моменты при заимствовании и рецепции правовых терминов иностранного происхождения.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, понятийный аппарат, иностранные термины, рецепция.

Сведения об авторе: Ирина Владимировна Рехтина, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: jerdel80@mail.ru.

Сведения об авторе: Михаил Алексеевич Боловнев, преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: slovak92@mail.ru.

I. V. Rekhtina, M. A. Bolovnev

Barnaul, Russia

TERMS OF FOREIGN ORIGIN IN CONCEPTUAL FRAMEWORK OF CIVIL LAW AND LAW OF ARBITRAL PROCEDURE

The proposed article is devoted to the analysis of terms of foreign origin, which are actively used in the legal sphere, mostly in the conceptual framework of civil and arbitral procedures, both

in scientific circulation and doctrine, by including into articles, monographs, scientific and general-audience publications, and in the official judicial practice when recording various kinds of judicial acts: definitions, decisions, rulings, judicial orders. The authors state common approaches and provisions regarding the rules and requirements of legal writing, upon that paying special attention to legal terminology, its concept, meaning, limits of use and types of legal terms. The article describes two ways of forming these terms in the Russian legal language, their subspecies are indicated, examples of borrowed foreign terms and categories are given. At the end of the article, the authors refer to both positive and negative points when borrowing and adopting legal terms of foreign origin.

Key words: civil procedure, arbitral procedure, conceptual framework, foreign terms, adoption.

About the author: Rekhtina Irina Vladimirovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Labor, Environmental Law and Civil Process, Department of Law, Altai State University, prospect Lenina, d. 61, Barnaul, 656049. E-mail: jerdel80@mail.ru.

About the author: Bolovnev Mikhail Aleskseevich, Lecturer of the Chair of Labor, Environmental Law and Civil Process, Department of Law, Altai State University, prospekt Lenina, d. 61, Barnaul, 656049. E-mail: slovak92@mail.ru.

У каждой профессии есть своя, присущая только ей терминология, специфический или профессиональный лексикон. Представители одной профессии могут разговаривать между собой так, что остальные люди их просто не поймут. Данная особенность общения присуща, как правило, врачам, учителям, журналистам и, конечно, юристам. Залогом качества юридического языка является соблюдение правил юридической техники.

Юридическая техника – это система средств, правил и приемов подготовки и упорядочения правовых актов, применяемая в целях обеспечения их совершенства и повышения эффективности [Лызлов 2009: 12].

Основным объектом юридической техники является текст правовых актов, информационное воплощение юридических предписаний. При их принятии важно учитывать, чтобы содержание таких предписаний (дух) и форма (буква) соответствовали друг другу, чтобы исключались неясности и двусмысленности.

Юридическая техника призвана структурировать правовой материал, совершенствовать язык правовых актов, делать его более понятным, точным и грамотным. Во многом именно уровень юридической техники символизирует собой определенный уровень правовой культуры конкретного общества.

Техническими средствами являются юридические термины (словесное выражение понятий, используемых при изложении содержания правового акта) и юридические конструкции (специфическое строение нормативного материала, складывающееся из определенного сочетания субъективных прав, льгот, поощрений, обязанностей, запретов, приостановлений, наказаний и т.п.). В качестве юридических конструкций выступают те или иные правовые режимы, юридический состав правонарушения и т. п. [Матузов 2004: 92].

Язык права – важнейший элемент юридической техники, поскольку он связан непосредственно с выражением права.

Язык и право являются социальными нормативными иерархизированными системами (наличия определенных моделей во взаимосвязях одних элементов другим), регулирующими поведение людей, причем уникальной особенностью языка как системы является его знаковость, а права – государственно-властный характер. Общими для языка и права как социальных феноменов являются свойства системности, нормативности и иерархичности.

В сфере юридической деятельности, особенно в сфере правотворчества, немаловажную роль играет терминология. От точности употребления терминов в законе во многом зависит точность выражения воли законодателя, а, следовательно, и результативность закона и его значимость в жизни общества. Язык права в своем терминологическом выражении един и неразделим [Лызлов 2009: 43].

Юридическая терминология – выраженное непосредственно в тексте акта словесное обозначение определенного понятия. Относясь к средствам словесно-документального изложения, термины вместе с тем служат исходным материалом для строительства норм, их общностей.

Таким образом, юридическая терминология имеет общее, сквозное значение в юридической технике, выступает в качестве начального звена при юридическом выражении воли законодателя [Алексеев 1981: 273].

Терминология характеризует особенность законодательного стиля. Как отмечал Рудольф Иеринг, благодаря юридической терминологии создается экономия сотни слов [Иеринг 2008: 62]. Терминологическая развитость законодательства свидетельствует об уровне культуры законотворчества. Чем богаче терминологический фонд, подробнее отработана и шире используется законодательная терминология, тем в большей мере достигается устойчивость, эффективность и лаконичность закона.

Юридическая терминология – основной и наиболее информативный пласт законодательства. Занимая в законах относительно небольшой объем нормативного текста, юридическая терминология отражает их основной смысл.

Насыщенность законодательного произведения терминологией в значительной мере определяется профессионализмом разработчиков законопроекта: количество терминов, их сочетание друг с другом может быть самым различным, что зависит от темы, идеи законодательного текста (произведения), культуры законодателя. Распространенность терминологии в законодательном языке, его, так сказать, терминированность, в решающей мере обусловлена свойствами права. Норма права, как известно, представляет собой обобщение, типизацию определенных жизненных ситуаций, что находит выражение в словах-терминах [Элементарные начала 2003: 144].

При формулировании юридических норм используются три вида терминов: общеупотребляемые, специальные технические и специальные юридические.

К юридической технике принадлежит специальная юридическая терминология. Здесь термины – это обозначение юридических понятий, выражающих природу норм, юридические конструкции, отраслевую типизацию норм, то есть иных средств техники, относящихся к более глубоким пластам юридической материи, к содержанию права. Поэтому специальные

юридические термины имеют свой, особый смысл. И, следовательно, юридические термины являются как бы мостиком от непосредственно воспринимаемых элементов текста ко всему комплексу технико-юридического инструментария.

Необходимыми условиями рационального использования терминологии являются:

а) единство терминологии. Одинаковые термины, используемые при формулировании юридических норм, должны иметь тождественное значение; недопустимо для обозначения одних и тех же понятий использовать разные термины;

б) общепризнанность терминологии. Используемые термины должны получить признание в науке и практике;

в) устойчивость терминологии. Недопустимо без особо веских причин отказываться от ранее используемой терминологии, вводить наряду с принятыми другие, по мнению некоторых авторов, более «удачные» термины [Алексеев 1981: 274].

Понятно, что чем больше в законодательном тексте терминов, тем более он точен, четок, лаконичен. Справедливо пишет В. М. Коган, что «употребление в законе исключительно терминов – это идеал, к которому право стремится и которого оно никогда не достигает из-за сложности самой действительности, составляющей предмет права и его цель» [Коган 1966: 36].

Нерасторжимая связь юридических понятий и соответствующих им терминов проявляется в том, что упорядочение правовой терминологии невозможно без достаточно глубокой научной разработки юридических понятий, их логического анализа и точного определения. Если юридические понятия определены недостаточно ясно, о точной, совершенной терминологии не может быть и речи. Как отмечал академик В. В. Виноградов, всякие «попытки упорядочения терминов без предварительного анализа понятий, которые ими выражаются, остаются безрезультатными» [Милославская 1999: 28].

Проведя анализ гражданских процессуальных терминов, можно прийти к выводу, что они имеют различное происхождение. Некоторые из них имеют корни, уходящие в естественные науки, а некоторые появились путем заимствования из иностранных языков. Если использование в праве естественнонаучных терминов глубоко анализировалось и исследовалось учеными, то вопрос о терминах иностранного происхождения не является достаточно разработанным ни в теории права, ни в теории гражданского процесса.

В настоящее время юриспруденция пестрит иноязычной терминологией. Заимствование происходит из различных языков, но бесспорное лидерство принадлежит латинскому языку. Большинство терминов мы переняли именно из него, как, впрочем, и большинство других государств. Также российская юридическая наука часто обращается к английскому языку, есть и примеры заимствования из французского, немецкого, итальянского и других языков. Среди заимствованных терминов присутствуют как новые для нас слова, такие как *медиация*, *транспарентность*, *преюдиция*, так и те, которые укоренились в профессиональном языке настолько, что некоторые наверняка и не предполагают, что они имеют иностранное происхождение, например, *протест*, *договор*, *процедура*.

Проведя анализ существующих терминов иностранного происхождения, можно сделать вывод, что существует два способа образования или появления данных понятий в юридической речи. Первый способ заключается в том, что за основу берется иностранный термин, а в русском языке используется его перевод. Примером первого способа образования слова может служить термин «брачный договор». Он перешел к нам из законодательства Англии и Франции, где существование брачного договора или *marriage contract* (англ.) либо *contract de marriage* (фр.) имеет очень давнюю историю. Так же при помощи первого способа к нам перешли такие термины как «жалоба» (от англ. *appeal*), «ущерб» (от лат. *damnum*; *detrimentum*; *dispendium* и англ. *damage*, *injury*).

Второй способ представляет собой фактический переход иностранного слова в русский лексикон, когда иноязычный термин употребляется в несколько адаптированной для русского языка форме. Например, «апелляция» (от лат. *appellatio* – обращение); «казус» (от лат. *casus* – случай); «кодекс» (от лат. *codex* – собрание законов); «протест» (от лат. *protestor* – публично доказываю); «реституция» (от лат. *restitutio* – восстановление); «фальсификация» (от лат. *falsificare* – подделывать); «юстиция» (от лат. *justitia* – справедливость); «штраф» (от нем. *strafe* – наказание); «медиация» (от лат. *mediare* – посредничество); «преюдиция» (от лат. *praejudicialis* – относящийся к предыдущему судебному решению).

Несмотря на кажущуюся простоту второго способа формирования юридических терминов, он имеет свои особенности, которые позволяют выделить во втором способе два подвида, отличающиеся между собой по форме образования. Первый – это слова с простой формой образования. Примером здесь служат вышеуказанные термины: «апелляция», «медиация», «преюдиция» и т. д.

Второй подвид включает в себя термины, которые имеют сложную форму образования. Например, термин «акт» имеет два происхождения в зависимости от значения, которое мы ему придаем, от лат. *actus* – действие и *actum* – документ. Термин «компетенция» появился в русском языке от лат. *competentio*. Однако слово «*competentio*» является производным от слова *competo* – добиваюсь, соответствую, подхожу. Термин «протокол» перешел к нам из французского языка от слова *protocole*. Но если обратиться к источникам французского термина *protocole*, то мы обнаружим, что во Францию этот термин пришел из Греции, где *protokollon* означает «первый лист манускрипта». Термин «процедура» мы переняли из французского языка от слова *procedure*, в то время как само слово *procedure* произошло от лат. *procedo* – продвигаюсь.

Термин «юрисдикция» появился у нас от лат. *jurisdictio* – судопроизводство, но само слово *jurisdictio* было образовано путем сложения

слов *jus*, которое означат «право» и *dico*, которое переводится как «говорю». Термин «транспарентность» произошел от английского слова *transparent*, которое в свое время было воспринято из латинского языка путем слияния слов *trans* – «прозрачный, насквозь» и *pareo* – «быть очевидным», и приобрел значение «прозрачность, понятность, честность».

Из всего вышесказанного вытекает, что значительное количество юридических терминов, которые мы употребляем в гражданском и арбитражном процессах, являются заимствованными из иностранных языков. С одной стороны, это положительно сказывается на терминологии, поскольку одновременно происходит экономия средств юридической техники и заполняются пробелы, существующие в национальной процессуальной терминологии. Например, одно слово «преюдиция» заменяет такую, довольно громоздкую, конструкцию, как «обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением по другому делу», которой нет эквивалента в русском языке.

С другой стороны, в этом кроется практическая проблема, состоящая в том, что юридическая профессия подразумевает работу с людьми, не имеющими специального юридического образования, для которых восприятие подобных терминов представляется затруднительным. В связи с этим при заимствовании, рецепировании иностранных терминов и категорий и внедрении их в национальный юридический словооборот следует соблюдать разумный баланс между интересами профессионального юридического сообщества, отдельных граждан и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права: В 2-х тт. М., 1981. Т. 2.
2. *Иеринг Р.* Юридическая техника. М., 2008.
3. *Коган В. М.* Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата, 1966.
4. *Лызлов Д. Н., Картухин В. Ю.* Юридическая техника. М., 2009.

5. Матузов Н. И. Теория государства и права. М., 2004.

6. Милославская Д. Юридические термины и их интерпретации. Ростовская электронная газета. 1999. № 21.

7. Элементарные начала общей теории права. М., 2003.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. General theory of law: In 2 vol. [Obshhaja teorija prava]. Moscow, 1981. Vol. 2.

2. Iering R. Legal Writing [Juridicheskaja tehnika]. Moscow, 2008.

3. Kogan V. M. Logical and Legal Structure of the Soviet Criminal Law [Logiko-juridicheskaja struktura sovetskogo ugolovnogo zakona]. Alma-Ata, 1966.

4. Lyzlov D. N., Kartukhin V. Yu. Legal Writing [Juridicheskaja tehnika]. Moscow, 2009.

5. Matuzov N. I. Theory of State and Law [Teorija gosudarstva i prava]. Moscow, 2004.

6. Miloslavskaya D. Legal terms and their interpretations [Juridicheskie terminy i ih interpretacii]. Rostov electronic newspaper. 1999. № 21.

7. Basics of the general theory of law: Textbook for colleges [Jelementarnye nachala obshhej teorii prava]. Moscow, 2003.

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

УДК 347.1(7/8), ББК 67.404.022, ГРНТИ 10.27, КОД ВАК 12.00.03

М. Е. Маргольф, Ю. В. Холоденко

Барнаул, Россия

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПО АМЕРИКАНСКОМУ ПРАВУ

В статье приведено обоснование необходимости дальнейшего реформирования института защиты деловой репутации. Актуальность темы защиты деловой репутации обусловлена рядом факторов. Во-первых, это постоянно меняющаяся практика. Так Верховный суд РФ в обзоре судебной практики за первый квартал 2017 года указал, что для возмещения репутационного ущерба необходимо доказывать деликатный состав. Во-вторых, российскому институту диффамационного права присущи следующие проблемы, обозначенные Европейским судом по правам человека: законы о диффамации терпят неудачу при попытке придать достаточный вес праву на свободу слова; даже если содержание этих законов являются удовлетворительными, практика их применения часто не в состоянии уделить должное внимание праву на свободу выражения мнения; государственные чиновники и другие лица иногда злоупотребляют этими законами; судебная система не всегда следует прецедентному праву Европейского суда по правам человека, касающемуся свободы выражения мнений и информации; средства массовой информации не всегда несут ответственность. В отношении Российской Федерации Европейский суд в ряде дел отмечал, что отечественные суды вообще не устанавливали границы между правом на свободу слова и деловую репутацию. Наиболее разработанным на сегодняшний день считается американский институт защиты от диффамации. Многие положения, разработанные американской юрисдикцией, восприняты Европейским судом. Все вышеизложенное, а также значимость тех конституционных прав, о которых идет речь, подтверждает необходимость тщательного изучения зарубежного опыта, а также внесения корректировок в существующие нормы и судебную практику.

Ключевые слова: защита деловой репутации; условия правовой защиты; американское право.

Сведения об авторе: Юрий Витальевич Холоденко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68. E-mail: holodenko@de-kons.ru.

Сведения об авторе: Маргарита Евгеньевна Маргольф, магистрант Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68. E-mail: margaritamargolf@yandex.ru.

M. E. Margolf, Y. V. Kholodenko

Barnaul, Russia

PROTECTION FROM DEFAMATION UNDER THE US LAW

The article supports the need for further reforming the institution of protection from defamation. The acuteness of protection from defamation is determined by a number of factors. Firstly, the Supreme Court of the Russian Federation in the judicial review for the first quarter of 2017 indicated that it is necessary to prove the tortious composition in order to compensate for reputational damages. Secondly, the Russian institution of defamation law has such problems as: defamation laws fail when trying to give sufficient weight to the right to free speech; even if the content of these laws is satisfactory, the practice of their application fails to give due attention to the right to freedom of expression; government officials and other persons abuse these laws; the judicial system does not always follow the case law of the European Court of Human Rights concerning freedom of expression and information; the media are not always liable. The European Court noted in a number of cases that domestic courts generally did not establish boundaries between the right to free speech and business reputation. Protection from defamation is considered to be the most developed in America. Many provisions developed by the American jurisdiction have been accepted by the European Court of Justice. All of the aforesaid, as well as the significance of those constitutional rights in question, confirms the need for a thorough study of foreign experience amendments to existing norms and jurisprudence.

Key words: protection of business reputation, American law.

About the author: Yury Vitalevich Kholodenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of civil law of Altai State University. Department of Law, Altai State University, prospect Sotsialisticheskii, 68. Barnaul, 656049. E-mail: holodenko@de-kons.ru.

About the author: Margarita Evgenevna Margolf, postgraduate of Altai State University. Department of Law, Altai State University, prospect Sotsialisticheskii, 68. Barnaul, 656049. E-mail: margaritamargolf@yandex.ru.

Американский автор Митчелл Х. Рубинштейн определяет диффамацию как ложное заявление о лице, которое подвергает его общественному презрению, насмешке, отвращению, позорит или вызывает недоброе мнение в умах благонамеренных людей и лишает это лицо дружественного восприятия в обществе [Рубинштейн 2010].

Условиями защиты от диффамации являются:

- 1) ложные и порочащие высказывания о фактах;
- 2) высказывания в отношении заявителя;
- 3) высказывания должны стать известны третьей стороне;
- 4) наличие вреда;
- 5) высказывание не должно подпадать под категорию привилегированного;
- 6) вина [Ким 2011].

В американском диффамационном праве выделяют диффамацию письменную и устную (*slander or libel*). В свою очередь, нарушенное право, деликт делится на две формы: диффамация устная или письменная *per se*, то есть порочность налицо и порочащие высказывания, которые необходимо доказать ссылками на факты.

К диффамации *per se*, то есть самой по себе, наиболее часто относят:

- 1) обвинения в совершении преступления;
- 2) обвинения в наличии венерического заболевания;
- 3) негативные высказывания о работе, профессии, торговле или бизнесе;
- 4) обвинения в супружеской неверности, непристойности.

Не всякое из вышеприведенных обвинений может считаться порочащим. Только «серьезные обвинения» соответствуют этому критерию. Для бизнеса и профессии исключения ограничиваются диффамацией, которая не совместима с надлежащим ведением бизнеса, торговли, профессии. Например, обвинение в пьянстве или других аморальных проступках может повлиять на священника, однако такое же обвинение в адрес предпринимателя не может затронуть его бизнес или профессию [Рубинштейн 2010].

В американском праве выделяют абсолютные и относительные привилегии. Право признает, что определенные заявления, хотя они и носят порочащий характер, должны быть ограждены от судебных разбирательств.

Признание относительной привилегии возникает из общественных интересов в поощрении полных и справедливых заявлений лиц, имеющих юридическую или моральную обязанность делать такие сообщения. Например, относительной привилегией защищены заявления работодателей перед сотрудниками относительно производительности, заявления профсоюзных чиновников руководству, заявления сотрудников работодателям, критикующим других сотрудников. Против такого заявления можно выдвинуть требование, однако в этом случае необходимо доказывать злой умысел.

Понятие абсолютной привилегии – древняя доктрина. В соответствии с английским общим правом абсолютная привилегия была признана средством защиты дебатов в парламенте. Понятие абсолютной привилегии было позже воплощено в конституциях штатов. В настоящее время круг заявлений, на которые распространяются абсолютные привилегии, шире. К данной категории привилегий относятся: заявления, сделанные высшими правительственными чиновниками, депутатами в ходе дебатов, во время политических передач или речи, между супругами.

В российской доктрине и практике обсуждаются такие вопросы как идентификация субъекта в информации, восприятие общественностью порочности распространенных сведений. Одно из самых известных американских дел касалось Нью-Йоркского издателя Джона Питера Зингера 1734 года. Случай Зингера создал прецедент, по которому гражданские дела о диффамации могут рассматриваться с участием присяжных, которые решают, имеется ли в публикации информация, порочащая кого-либо. Если да, то присяжные также решают насколько индивид пострадал и какую денежную компенсацию может получить [Прессман 2004]

В случае если истцом по делу является должностное лицо, общественный деятель или дело относится к сфере общественного интереса, то требования к

виновности ответчика выше, чем в делах между частными лицами. Для частных лиц достаточно доказать небрежность.

Так, в гражданском деле № 95-36-P-C, рассмотренном Окружным судом штата Мэн от 31 марта 1998 года, по иску компании LEVINSKY'S против WAL-MART STORES суд решал вопрос о том, попадают ли распространенные сведения в сферу общественного интереса или нет. При этом наиболее полному и последовательному рассмотрению подверглись: форма распространения сведений, контекст и содержание. Заявитель оспаривал следующие фразы: (1) Портлендский магазин Levinsky's «дрянь» и (2) когда вы звоните в магазин Levinsky's в Портленде, «вас заставляют ждать 20 минут, или телефон вообще не берут». Первую фразу суд квалифицировал как мнение и не рассматривал в дальнейшем. Вторая фраза прозвучала в интервью, инициированном Майклом Дж. Бордманом, репортером газеты BIZ, с менеджером магазина Wal-Mart Гилбертом Олсоном. Исследуя множество факторов, таких как личные взаимоотношения Гилберта Олсона с фирмой заявителя, имеющего неудачный опыт покупок в магазине Levinsky's, рекламную компанию Levinsky's, построенную на сравнении цен продукции с Wal-Mart в пользу Levinsky's, а также то, какой общественный резонанс вызвало появление Wal-Mart на рынке Америки, суд все же пришел к выводу, что в данной ситуации необходимо акцентировать внимание на содержании конкретной фразы, в которой основной акцент делается на обслуживании клиентов, а также на проблеме конкуренции двух компаний. И все эти факторы позволили суду заключить, что фраза попадает в сферу общественного интереса [Решение Окружного суда штата Мэн 1999].

Американский ученый Джеймс Х. Халм описывает три нематериальных способа защиты чести, достоинства и деловой репутации, которые, на его взгляд, не позволяют восстановить нарушенное право [Халм 1981].

Первый нематериальный способ, который был известен в США – предписание редакции СМИ о запрете на публикацию выпуска, в котором

имеется клеветническое утверждение. Однако данный способ был отменен Верховным судом как не соответствующий праву на свободу слова.

Опровержение также стоит под вопросом в американском праве, поскольку считается, что диффамация наносит необратимый ущерб и опровержение является оправданным только в том случае, если оно является немедленным и достаточным, чтобы полностью исключить влияние диффамационного заявления. Но даже если эффект возможен, то доступность этого средства полностью зависит от сотрудничества с ответчиком: по закону он не может быть принужден отказаться от своих слов. Если ответчик отказывается отозвать заявление, истец должен действовать в соответствии с традиционной процедурой возмещения убытков.

Право на ответ в американском праве также не применяется, так как наложение на издателя обязательств опубликовать ответ противоречит свободе прессы.

Таким образом, в США основным способом защиты от диффамации, позволяющим восстановить положение лица, право которого нарушено, считается возмещение убытков.

Первый вид убытков – общие убытки. Они не подлежат доказыванию и взыскиваются, когда сведения априори порочащие, так как считается, что если распространены ложные сведения, то репутация пострадала.

Специальные убытки соответствуют понятию реальный ущерб. Первоначально состав был идентичен составу договорного права (денежная потеря, вина ответчика и причинная связь). Однако позже Верховный суд указал, что для возмещения убытков необходимо привести достаточные доказательства причинения ущерба, но не требуется никаких доказательств, которые бы указывали фактический ущерб в долларах. Таким образом, необходимо доказать, что ущерб имел место.

Штрафные убытки могут быть взысканы в том случае, если доказан злой умысел распространителя сведений.

Возмещение номинального ущерба – это получение решения о том, что распространенные сведения были ложными и порочащими.

Вышеизложенные положения необходимо подвергнуть тщательному изучению на предмет возможности использования отечественным правопорядком. На наш взгляд, ряд приведенных положений позволит добиться соблюдения баланса между правом на свободу слова и правом на защиту деловой репутации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решение Окружного суда штата Мэн от 31.03.1999 дело № 95-36-P-C. Справочно-правовая система. URL: <http://law.justia.com/>
2. *Джонатан Ким*. Диффамация. Сайт юридической школы Корнелл URL: <http://www.lawschool.cornell.edu/>
3. *Прессман Стивен*. Диффамация в Соединенных Штатах. URL: usa.usembassy.de/etexts/media/unfetter/press08.htm
4. *Рубинштейн Митчелл Х*. Быстрый взгляд на Нью-Йоркское диффамационное право. URL: <https://www.researchgate.net/>
5. *Халм Джеймс Х*. Вендикация репутации: альтернативы возмещению убытков. URL: <http://aulexreview.com/pdfs/30/30-2/Hulme.pdf>
6. Защита репутации: Информационный бюллетень Европейского суда по правам человека. Сайт Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс]. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Reputation_ENG.pdf

REFERENCES

1. The ruling of the District Court of Maine of 31.03.1999 case № 95-36-P-C. Legal reference system [Reshenie Okruzhnogo suda shtata Mjen ot 31.03.1999 delo № 95-36-P-C. Spravochno-pravovaja sistema]. URL: <http://law.justia.com/>
2. Jonathan Kim. Diffamation. The site of the law school Cornell [Diffamacija. Sajt juridicheskoj shkoly Kornell]. URL: <http://www.lawschool.cornell.edu/>
3. Pressman Stephen. Diffamation in the United States [Diffamacija v Soedinennyh Shtatah]. URL: <https://usa.usembassy.de/etexts/media/unfetter/press08.htm>
4. Rubenstein Mitchell H. A quick look at the New York defamation law [Bystryj vzgljad na N'ju-Jorkskoe diffamacionnoe pravo. URL: <https://www.researchgate.net/>

5. Hulme James H. Vindication of reputation: alternatives to compensation of losses [Vendikacija reputaciji: al'ternativy vozmeshheniju ubytkov. URL: <http://aulexreview.com/pdfs/30/30-2/Hulme.pdf>

6. Protection of reputation: Factsheet of the European Court of Human Rights. The site of the European Court of Human Rights [Zashhita reputaciji: Informacionnyj bjulleten' Evropejskogo suda po pravam cheloveka. Sajt Evropejskogo suda po pravam cheloveka]. http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Reputation_ENG.pdf

А. А. Селина, Ю. В. Холоденко

Барнаул, Россия

***СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ,
НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРЕСЕЧЕНИЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ***

В статье рассматриваются способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, направленные на пресечение дальнейшего распространения порочащих сведений. В настоящей статье исследованы особенности и проблемы реализации таких способов защиты, как удаление порочащих сведений, а также пресечение или запрещение дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно. Проведена сравнительная характеристика указанных способов защиты, а также иных способов защиты, например, в статье указано, чем отличается удаление соответствующей информации (п. 4 ст. 152 ГК РФ) от удаления такой же информации в сети Интернет (п. 5 ст. 152 ГК РФ). Автор в статье сопоставил исследуемые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации с общими способами защиты, предусмотренными в ст. 12 ГК РФ. В работе исследуются вновь принятые нормативно-правовые акты, которые непосредственно регулируют вопросы применения указанных способов защиты. В статье представлены позиции высших судов, а также актуальная судебная практика по вопросам применения исследуемых способов защиты, выявлены практические и теоретические проблемы их применения, предложены изменения в действующее законодательство для устранения существующих недостатков правового регулирования защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан.

Ключевые слова: честь, достоинство, пресечение распространения.

Сведения об авторе: Анна Анатольевна Селина, магистрант первого курса кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68. оф. 415. E-mail: annet_the_best@mail.ru

Сведения об авторе: Юрий Витальевич Холоденко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, оф. 415. E-mail: holodenko@de-kons.ru

A. A. Selina, Y. V. Kholodenko

Barnaul, Russia

WAYS OF PROTECTING HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION, TO PREVENT FURTHER DEFAMATION

The article discusses ways of protection of honor, dignity and business reputation to prevent further spread of damaging information. This article states the peculiarities and problems of implementation of such methods of protection as the removal of defamatory information, as well as the suppression or prohibition of further dissemination of such information by seizure and destruction without any compensation copies of the tangible media containing the specified data made for the purposes of introduction into civil circulation, if the removal of information is not possible without destruction of such copies. Comparative analysis of these methods of protection with each other as well as with other means of protection has been implemented, for example, the article states the difference between the removal of relevant information (paragraph 4 of article 152 of the civil code) and deleting the same information in a network «the Internet» (paragraph 5 of article 152 of the civil code). The author of the article has compared the discussed ways of protection of honor, dignity and business reputation with general methods of protection provided for in article 12 of the civil code. This paper deals with the newly adopted normative-legal acts that directly regulate the use of these methods of protection. The article presents the position of the supreme courts, as well as relevant judicial practice on the application of the examined ways of protection, reveals the practical and theoretical problems of their application, proposes amendments to the existing legislation to eliminate the existing shortcomings of legal regulation of protection of honor, dignity and business reputation of citizens.

Key words: honor, dignity, suppression of spread.

About the author: Anna Anatolyevna Selina, undergraduate of the first course of the Chair of Civil Law of Altai State University. Department of Law, Altai State University, prospect Sotsialisticheskij, 68. Barnaul, 656049. E-mail: annet_the_best@mail.ru

About the author: Yury Vitalevich Kholodenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Civil Law of Altai State University. Department of Law, Altai State University, prospect Sotsialisticheskij, 68. Barnaul, 656049. E-mail: holodenko@de-kons.ru.

К защите чести, достоинства и деловой репутации применимы способы защиты, закрепленные в ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Перечень способов защиты, приведенный в указанной статье, не является закрытым, поскольку данная норма устанавливает, что законом могут быть

предусмотрены и иные способы. Вместе с тем перечень нельзя считать и открытым, поскольку применять можно только те способы, которые предусмотрены законом.

В ст. 152 ГК РФ закреплено несколько специальных способов защиты чести, достоинства и деловой репутации, которые могут быть применены, в том числе и одновременно.

В соответствии с пунктом 4 ст. 152 ГК РФ в случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно.

Суд может применить данное правило в отношении распространения не только порочащих, но и любых не соответствующих действительности сведений о гражданине. Но у гражданина есть обязанность доказать несоответствие указанных сведений действительности (п. 10 ст. 152 ГК РФ).

Так, Басманный районный суд г. Москвы удовлетворил заявленные требования о признании информации, содержащейся в статьях «Аукционы и благотворительность главного книжника страны» и «Геройчики нашего времени», не соответствующей действительности, так как истец не совершал преступления, предусмотренные УК РФ. Данная информация порочит честь, достоинство и деловую репутацию, в связи с чем подлежит запрещению к распространению на территории Российской Федерации.

Таким образом, к условиям реализации таких способов защиты как удаление информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений относятся:

- порочащий характер и (или) не соответствие действительности сведений, умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, распространенных на материальных носителях (в средствах массовой информации, печатных изданиях, не являющихся средствами массовой информации, в виде широко распространенных документов, видео- и звукозаписей и т.п.);

- широкая известность сведений;
- невозможность доведения опровержения до всеобщего сведения;
- причинно-следственная связь между вышеназванными условиями.

Следует отметить тот факт, что законодатель не раскрывает значение словосочетания «широко известны». М. Ю. Тихомиров, высказывая свою позицию на данном поводе, предполагает, что если упоминается о невозможности доведения опровержения до всеобщего сведения (в данном случае – до сведения всех, кто имел возможность ознакомиться с распространенными сведениями), то следует полагать, что круг лиц, которым могли стать известны порочащие сведения, должен быть существенно шире, чем круг потребителей информации, распространяемой соответствующими средством массовой информации, печатным изданием и т.п. и указывает на то, что более точные критерии применения положений данного способа защиты должны быть выработаны судебной практикой [Тихомиров 2014: 22].

Предусмотренные п. 4 ст. 152 ГК РФ способы защиты чести, достоинства и деловой репутации — удаление не соответствующей действительности информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений — очень близки по своей правовой природе. Все они тяготеют к такому общему способу защиты гражданских прав, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (абз. 3 ст. 12 ГК РФ). Разграничение данных способов защиты возможно по различным критериям.

Под удалением информации следует понимать ее уничтожение в целях невозможности дальнейшего с ней ознакомления. Такая информация может содержаться в документах, аудио-, видеозаписях, на иных материальных

носителях. В том случае если порочащие честь, достоинство, деловую репутацию сведения были распространены в книге на конкретной странице в отдельном предложении, то удаление соответствующей информации происходит таким путем, чтобы читателю невозможно было ознакомиться именно с этой фразой, которая содержит в себе ущемляющие честь, достоинство и деловую репутацию сведения.

Удаление всей страницы с содержанием такой информации будет являться ошибкой, так как удалять нужно именно спорную информацию, а не весь текст, содержащийся на странице. Книга должна остаться в гражданском обороте.

Пресечением дальнейшего распространения сведений является создание таких условий, при использовании которых ущемляющие честь, достоинство, деловую репутацию сведения больше не распространялись.

Запрещение дальнейшего распространения сведений – это возложение на уполномоченное лицо обязанности впредь больше не распространять ущемляющие честь, достоинство, деловую репутацию сведения. При этом изымаются или уничтожаются экземпляры материальных носителей, содержащие указанные сведения.

В частности, Е. В. Гаврилов, анализируя отличие данных способов защиты друг от друга, приходит к выводу, что разница между удалением соответствующей информации, пресечением и запрещением по своей сути невелика: в случае удаления соответствующей информации уничтожается сама информация, содержащая ущемляющие честь, достоинство, деловую репутацию сведения, а не экземпляры материальных носителей, содержащие указанные сведения, как в случаях с пресечением и запрещением [Гаврилов 2014: 43].

В то же время можно отметить, что отличие между пресечением и запрещением фактически отсутствует, так как запрещение представляет собой один из видов пресечения. Поэтому возникает вопрос о целесообразности

указания на альтернативность их применения в п. 4 ст. 152 ГК РФ [Матвеева 2015: 162].

О. Ш. Аюпов обращает внимание на то, что в п. 4 ст. 152 ГК РФ говорится об удалении не сведений, являющихся диффамацией, а именно информации, содержащей такие сведения. В связи с этим автор ставит вопрос о том, надо ли в таком случае удалять всю информацию целиком либо только часть информации, в которой непосредственно присутствуют диффамационные сведения [Аюпов 201: 92]. Думается, что ответ здесь зависит от того, как сведения, не соответствующие действительности, находят свое отражение в информации, и, соответственно, какой способ удаления будет наиболее эффективным.

Не следует путать правовые формулировки «удаление соответствующей информации» (п. 4 ст. 152) и «удаление информации в сети «Интернет»» (п. 5 ст. 152). Несмотря на то, что эти способы защиты имеют одну правовую природу, условия их реализации различны. Для удаления информации в Интернете «широкая известность» сведений необязательна в отличие от удаления соответствующей информации. При удалении информации в сети Интернет такая информация обязательно должна оказаться после ее распространения доступной в сети. И только в одном случае различие между удалением информации в сети Интернет и удалением соответствующей информации стирается – когда ущемляющие честь, достоинство, деловую репутацию сведения оказались после их распространения доступными в Интернете (условия п. 5 ст. 152 ГК РФ) и при этом стали «широко известны», в связи с чем опровержение невозможно довести до всеобщего сведения (условия п. 4 ст. 152 ГК РФ).

Поскольку законодатель не дает правового толкования выражению «широко известны», содержащемуся в п. 4 ст. 152 ГК РФ и являющемуся главным различительным признаком двух указанных выше способов защиты, развернутое понятие словосочетания «широко известны» стоит закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О

судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Таким образом, пресечение и запрещение дальнейшего распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, являются самостоятельными способами защиты данных прав. Первый из них направлен на защиту чести, достоинства и деловой репутации при условии существования угрозы такого нарушения, а второй применяется в том случае, когда нарушение уже существует. Вместе с тем стоит заметить, что такое деление является весьма условным. Фактически отличие между пресечением и запрещением отсутствует, так как запрещение представляет собой один из видов пресечения. Поэтому возникает вопрос о целесообразности указания на альтернативность их применения в п. 4 ст. 152 ГК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аюпов О. Ш.* Модернизация статьи 152 ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства России. Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 90–95.

2. *Гаврилов Е. В.* Удаление информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений как способы защиты чести, достоинства и деловой репутации. Законодательство и экономика. 2014. № 9. С. 41–45.

3. *Матвеева О. Н., Вязигина Н. В., Холоденко Ю. В., Кузеванова С. И., Маргольц М. Е., Селина А. А.* Судебная лингвистика. Барнаул, 2015.

4. *Тихомиров М. Ю.* Защита чести, достоинства и деловой репутации: новые правила. М., 2014.

REFERENCES

1. Ajupov O. S. *Enhancement* of article 152 of the Civil Code of the Russian Federation in the framework of the reform of the civil legislation of Russia [Modernizatsiya stat'i 152 GK RF v ramkakh reformy grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossii]. *Bulletin* of Tomsk State University. Law. 2013. № 1 (7). P. 90–95.

2. Gavrilov E. V. Destruction of information, the suppression or prohibition of further dissemination of information as ways of protection of honor, dignity and business reputation [Udalenije informatsii, presecheniye ili zapreshcheniye dal'neyshego razvitiya svedeniy kak

sposoby zashchity chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii]. The Legislation and economy. 2014. № 9. P. 41–45.

3. Matveeva O. N., Viazigina N. V. Kholodenko Yu. V., Kuzevanova S. I., Margalit M. E. Selina A. A. Forensic linguistics: monograph [Sudebnaya lingvistika: monografiya]. Barnaul, 2015.

4. Tikhomirov M. Yu. Protection of honor, dignity and business reputation: the new rules [Zashchita chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: novyye pravila]. Moscow, 2014.

А. В. Снигирев

Екатеринбург, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ РЕЧЕВЫМИ КОНФЛИКТАМИ, В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ КИЕВСКОЙ РУСИ И ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Понятийно-терминологический аппарат русского права в области правонарушений, связанных с речевыми конфликтами, проходил через многочисленные этапы формирования и переосмысления. На данном первичном этапе формирования нормативно-правовой базы сложно ожидать тех понятий и терминов, которые мы встречаем в современном законодательстве, характерного для гражданского и правового общества. Понятия и термины не имеют еще строгих дефиниций, зачастую интерпретации одного и того же понятия в контексте могут не только различаться, но и в чем-то противоречить друг другу. Однако анализ позволил сделать следующие выводы:

- начинает формироваться и юридически закрепляться понимание нематериальных прав лица, когда ущерб может быть нанесен не только физический, но и моральный, что находит свое отражение в понятии «бесчестие»;*

- возникают и закрепляются виды нанесения ущерба нематериальным правам лица, среди которых основное место занимают те или иные виды «оскорбления действием», но уже начинает формироваться осознание правонарушений, совершаемых посредством употребления языковых единиц;*

- основным видом правонарушения, связанным с речевыми конфликтами, становится «клевета», то есть формируется понимание денотативного и сигнификативного пространства, объективной и субъективной реальности и ответственности за высказывания, не несущие в себе фиксацию объектов и ситуаций реальной действительности, но претендующие на это.*

Ключевые слова: Киевская Русь, нормативно-правовые акты, оскорбление, клевета, правонарушения.

Сведения об авторе: Алексей Васильевич Снигирев, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета. 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21. E-mail: alex_sengir@rambler.ru.

A. V. Snigirev

Yekaterinburg, Russia

LAW OFFENSES CAUSED BY QUARRELING AS REFLECTED IN THE LEGAL DOCUMENTS OF KIEVAN RUS IN THE PERIOD OF THE FEUDAL FRAGMENTATION

The conceptual and terminological apparatus of Russian law in the field of offenses connected with verbal conflicts has passed through numerous stages of formation and rethinking. At the discussed initial stage in the formation of the legal framework, it is difficult to expect those concepts and terms that we meet in modern legislation, characteristic of civil and legal society. Concepts and terms do not yet have strict definitions; often interpretations of the same concept in a context can not only differ, but also contradict each other in some way. However, the analysis induced the following conclusions:

- *understanding of the person's intangible rights begins to form and becomes legally recorded, when the damage can be inflicted not only physically, but also morally, which is reflected in the concept of «dishonor»;*

- *the types of damage to the intangible rights of the person appear and become recorded, among which the main place is occupied various types of «assault and battery», with the awareness of the offenses committed through the use of language units already beginning to form;*

- *the main type of violations related to verbal conflicts becomes «slander», that means understanding of the denotative and significative space, of objective and subjective reality and responsibility for statements that do not refer to the situations of reality, but claim to do so.*

Key words: Kievan Rus, normative legal acts, insult, slander, offenses.

About the author: Alexey Vasilyevich Snigirev, associate professor of the Chair of Russian, Foreign Languages and Speech Culture at Ural State Law University. ul. Komsomolskaya 21, Ekaterinburg, 620137. E-mail: alex_sengir@rambler.ru.

Понятийно-терминологический аппарат русского права в области правонарушений, связанных с речевыми конфликтами, проходил через многочисленные этапы формирования и переосмысления. Начиная с первой попытки унификации норм русского права, которая была сделана князем Владимиром, и заканчивая современным кодексами, пройден долгий путь. В данной статье будет освещен первый этап данного пути, связанный с Киевской Русью, важнейшими документами которой стали Правда Ярослава, Правда Ярославичей, Устав князя Владимира Мономаха, Суд Ярослава Владимировича, княжеские церковные уставы и некоторые другие.

Перечисленные тексты были проанализированы с точки зрения выявления присутствия в них понятийно-терминологического аппарата, связанного с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами.

Анализ позволил выявить следующие ключевые понятия и термины.

1. «Бесчестие»

Наиболее распространенным мнением среди исследователей является то, что упоминание «бесчестия» в «Русской Правде» является фиксацией того, что речевые конфликты рассматривались в указанный период как правонарушения, наносящие урон чести и достоинству человека. Однако при внимательном чтении и анализе ни один из вариантов текста данного нормативно-правового акта (на данный момент таковых зафиксировано более ста) не позволяет сделать такой вывод однозначно. «Бесчестие» связывается прежде всего с оскорблением действием, причем в тексте перечисляются предметы, нанесение ударов которыми рассматривается как оскорбление: «Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашей, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конецъ» [Памятники русского права 1952: 77]. В одном из списков наиболее полно разъясняется взаимосвязь «бесчестия» и нанесение физического вреда, речь идет о статье «О муже кровавом»: «Аще приидеть кровавь муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за бесчестие, каков будеть <...> Аще ли пьхнеть муж мужа любо к себе любо от себя, ли по лицу ударить, или жрьдию ударить, а без зьнамения, а видок будеть, бещестие ему платити; аже будеть болярин великих боляр или менших боляр, или людин городскыи, или селянин, то по его пути платити бесчестие» [Памятники русского права 1952: 210–211]. Как мы видим, ни о каком словесном оскорблении как о «бесчестии» речь не идет, текст и контекст однозначно дают возможность прийти к совершенно другим выводам. Другая статья из Троицкого IV списка «Русской Правды», носящая собственно название «О бесчестии», дает следующие урегулирования конфликта, связанного с данным понятием: «А за безщестную гривну золота, аже будеть баба была в золоте и мати, взяти ему 50 гривен за гривну золота;

оже будет баба не была в золоте, а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра, а за гривну серебра пол 8 гривны» [Памятники русского права 1952: 211]. Неоднозначность данного текста очевидна, и традиционная интерпретация как оскорбления словом бабушки не выдерживает никакой критики (скорее всего использование слова «баба» вместо используемого в основном тексте «жена» связано с местными особенностями, на что указывает и смена единиц измерения штрафа). Синтаксис и логическая структура данной статьи позволяют иначе членить текст, который скорее является указанием иерархии при начислении штрафов за оскорбление прежде всего действием (что вытекает из всего текста данного нормативно-правового акта).

Понимаемое как вред, нанесенный человеку тем или иным действием, «бесчестие» таким образом понимается не как нечто отвлеченное и абстрактное, а как вполне конкретное свойство.

Термином, близким к «бесчестию», был «сором». Так, например, в «Договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами» (1189–1199) говорится: «А оже мужа свяжут без вины, то 12 гривн за сором старых кун» [Памятники русского права 1953: 125]. Но при этом «сором» все же чаще понимается как результат насилия над женщиной, так, в «Договоре Смоленска с Ригию и Готским берегом» указано: «Аще который Немчичь учинить насилье над робою, гривна серебра за сором» [Памятники русского права 1953: 63]. Что характерно, размер штрафа за насилие над женщиной зависит от того, была ли она раньше замечена за изменами мужу.

В дальнейшем, однако, появляется иное понимание данного понятия, в «Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле» (1397–1398) в статье 2 дается уже более широкое понимание «бесчестия», которое связано с оскорблением словом: «А кто кого излает боярина или до крови ударит, или на нем синева будут, – и наместницы судят ему по его отечеству безщестие; тако же и слуге» [Памятники русского права 1955: 162]. «Лай», то есть ругань, брань, уже становится преступлением, которое приравнивается к нанесению физического повреждения, наносит урон человеку

и приводит к «бесчестию», то есть уже более близкому к тому, что фиксируется в современном российском законодательстве.

В целом можно говорить о том, что в нормативно-правовых актах анализируемого периода хоть и отсутствует как таковое понимание нематериальных прав лица (ср. в современном законодательстве: «Честь – сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица (физического или юридического) в общественном сознании»; «Достоинство – сознание человеком своей абстрактной и конкретно-социальной ценности, а также ценности групп, в которые он входит»), но намечается и начинает реализоваться тенденция к осознанию того, что ущерб человеку может быть нанесен не только действием или угрозой действия, но и словом, что позволит потом разделить все же в правотворчестве материальные и нематериальные права человека.

2. «Уреканье»

Впервые понятие «уреканье», которое традиционно переводится как «оскорбление позорным наименованием» [Памятники русского права 1953: 250], появляется в «Уставе князя Владимира Святославовича» (конец XII века).

Данный нормативно-правовой акт принадлежит к числу памятников, которыми определялось правовое положение русской церкви в феодальную эпоху. Русская церковь с момента введения христианства стремилась обеспечить защиту своих интересов от чьих-либо посягательств. С этой целью она добилась получения специальных актов великокняжеской власти, которые получили название церковных уставов. Устав князя Владимира вместе с «Уставом князя Ярослава» является кратким кодексом норм, регулирующих взаимоотношения между церковью и государством. Оба они характеризуют правовое положение духовенства и объем юрисдикции русской церкви.

Основной список фиксирует следующий текст статьи, приведем его полностью, чтобы представить себе парадигму правонарушений, в которую включено «урекание»: «Дал семь: распусты, смилное, заставанье, умыканье, пошибанье, промежи мужем и женою о животех их, или в племени или в

сватовстве поимуться, ведовство, уреканье, узлы, зелье, еретичество, зубоя денье, иже отца и матерь бьютъ, или сын или дчи бьются, или братья бьются, и иже тяжются о задници» [Памятники русского права 1953: 238]. Более поздний список, Толстовский, дает конкретные виды «урекания»: «урекание три: б. . . и зельи, еретичество» [Памятники русского права 1953: 242]. Наконец, еще более поздний документ, построенный на основе Устава князя Владимира, «Устав Великого князя Всеволода о церковных судях и о людех и о мерилах торговых» (конец XIV) дает в статье 6 уточненную информацию: «...урекания три: бляднею, зелии, еретичество...» [Памятники русского права 1955: 163]. Как мы видим, текст дает возможную интерпретацию «урекания» скорее в качестве «клеветы», а не «оскорбления» (в современном понимании этих терминов в юриспруденции), особенно если брать весь список «уреканий», которые являются скорее действиями, чем номинациями лица: измена мужу, изготовление ядов, отход от официальной церковной догмы. Что характерно, это подтверждается текстом «Устав князя Ярослава Владимировича» (конец XII века), где явно речь идет об оскорблении, и употребляется совершенно иная лексема как для глагола, так и для существительного: «Аже кто зовет чюжу жону б...» [Памятники русского права, 1953: 261].

Таким образом, впервые появляется попытка определения того, какие высказывания рассматриваются судом в связи с клеветой, то есть какие именно высказывания могут стать поводом для иска.

Важно и то, что преступления, связанные с употреблением слова, выделены в отдельную юрисдикцию – в ведение церкви, что впоследствии будет закреплено и развито.

3. «Поклеп»

Следующая парадигма правонарушений, вызванная использованием языка, связана с понятием «поклеп». Исходя из того, что впервые данный термин употребляется в «Русской правде» среди статей, посвященных убийствам, «поклеп» обычно переводят как «обвинение в убийстве». В тексте мы действительно находим: «О поклепней вире. Аще будеть на кого поклепная

вира, то же будет послухов 7, то ти выведуть виру, паки ли варяг или кто ин тогда» [Памятники русского права 1953: 110], «Тако же и во всех тяжах, в татбе и в поклепе; оже не будет лица, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли мене, то на воду, оли до двою гривен; аже мене, то роте ему ити по свое куны» [Памятники русского права 1953: 110]. Но значительно дальше мы встречаем следующую статью: «О бороде. А кто порветь бороду, а вьньметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже» [Памятники русского права 1953: 115]. Исходя из этого, можно предположить, что «поклеп» в тексте «Русской правды» – это прежде всего «обвинение в преступлении», без конкретизации, отсутствие уточнения в первых статьях вызвано восстановимостью слова «убийство» из контекста. Причем в указанный период данное слово не имеет негативной коннотации, оно не обязательно «ложное обвинение», хотя в статье «о бороде» предполагается именно такое значение, что приближает «поклеп» к современной «клевете».

Близок к понятию «поклеп» рассматриваемый в «Новгородской судной грамоте» термин «наводки»: «А истцю на истца наводки не наводит, ни на посадника, ни на тысесского, ни на владычня наместника, ни на иных судеи, или на дкладшиков. А кто наведет наводку на посадника, или на тысетцкого, или на владычна наместника, или на или на иных суден, или на докладшиков, или истець на истца у суда, или у доклада, или у поля, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом на боярине 50 рублей, а на житьем двадцать рублей, а на младшем 10 рублей за наводку; а истцю убытки подоимет» [Памятники русского права 1953: 213]. Нетрудно заметить, что прежде всего от «наводок» охраняются должностные лица, тем самым значительно сужается понятие самого термина.

Безусловно, наивно было бы полагать, что на данном, первичном этапе формирования нормативно-правовой базы, которая создавалась на основе как привнесенных элементов (например, «Готской правды», свода законов, по которому жили варяги), так и местных («обычного права»), сложно ожидать тех

понятий и терминов, которые мы встречаем в современном законодательстве, характерном для гражданского и правового общества. Понятия и термины не имеют еще строгих дефиниций, зачастую интерпретации одного и того же понятия в контексте могут не только различаться, но и в чем-то противоречить друг другу. Однако хотелось бы отметить следующие моменты:

- начинает формироваться и юридически закрепляться понимание нематериальных прав лица, когда ущерб может быть нанесен не только физический, но и моральный, что находит свое отражение в понятии «бесчестие»;

- возникают и закрепляются виды нанесения ущерба нематериальным правам лица, среди которых основное место занимают те или иные виды «оскорбления действием», но уже начинает формироваться осознание правонарушений, совершаемых посредством употребления языковых единиц;

- основным видом правонарушения, связанным с речевыми конфликтами, становится «клевета», то есть формируется понимание денотативного и сигнификативного пространства, объективной и субъективной реальности и ответственности за высказывания, не несущие в себе фиксацию объектов и ситуаций реальной действительности, но претендующие на это.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Памятники русского права». М., 1952. Вып. 1.
2. «Памятники русского права». М., 1953. Вып. 2.
3. «Памятники русского права». М., 1955. Вып. 3.

REFERENCES

1. «Monuments of Russian Law [«Pamjatniki russkogo prava»]. Moscow, 1952. Issue 1.
2. «Monuments of Russian Law» [«Pamjatniki russkogo prava»]. Moscow, 1953. Issue 2.
3. «Monuments of Russian law» [«Pamjatniki russkogo prava»]. Moscow, 1955. Issue 3.

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ

УДК 659.4:81'42, ББК Ш 100.3, ГРНТИ 16.21.33, КОД ВАК 10.02.19

Е. Л. Дайлоф

Ростов-на-Дону, Россия

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНОЙ СИТУАЦИИ РАЗГОВОРА ПРИ НАЛИЧИИ ЭЛИМИНАЦИИ ПРЕДМЕТА РЕЧИ (В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)

В статье на примере из экспертной практики демонстрируется экспертный подход к установлению/выявлению признаков предметной ситуации побуждения при наличии элиминации предмета речи в рамках проведения судебной лингвистической экспертизы по делу о незаконном обороте наркотических и сильнодействующих веществ.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; коммуникация; предметная ситуация; элиминация; предмет речи.

Сведения об авторе: Екатерина Леонидовна Дайлоф, старший государственный судебный эксперт ФБУ Южного регионального центра судебной экспертизы Минюста России. 344038, Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 109/2. E-mail: katerina.dail@rambler.ru.

E. L. Dailof

Rostov-on-Don, Russia

ESTABLISHMENT OF THE SUBJECT SITUATION OF A CONVERSATION UPON CONDITION OF ELIMINATION OF THE TOPIC OF SPEECH (IN THE CONTEXT OF FORENSIC EXPERTISE)

Basing on expert case studies the article demonstrates the expert approach to establishing / revealing the features of the subject situation of motivation upon condition of elimination of the topic of speech within the framework of the forensic linguistic expertise in drug and other patent substance trafficking proceedings.

Key words: forensic linguistic expertise; communication; subject situation; elimination; topic of speech.

About the author: Ekaterina Leonidovna Dailof, Senior State Judicial Expert of the FBU of the Southern Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia. Ul. Lenina, 109/2. Rostov-on-Don, 344038. E-mail: katerina.dail@rambler.ru.

Специфика назначения и проведения судебных лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о даче / покушении на дачу взятки, вымогательстве, незаконном обороте наркотических средств заключается в том, что в качестве предмета доказывания выступает речевая деятельность участников преступного события, сопровождающая совершение противозаконных действий, либо сама речевая деятельность как противозаконное деяние. При этом результаты, полученные по итогам исследования, могут представлять собой как непосредственно доказательство самого факта правонарушения (в криминалистике – «главный факт» – состав преступления во всех его элементах или факт отсутствия состава преступления), так и представлять собой «доказательный факт» – то есть факт, из которого в совокупности с другими фактами можно сделать вывод о главном факте.

В данном случае задача лингвистической экспертизы как средства доказывания заключается в получении юридически значимой информации, помогающей установить факт и / или обстоятельств преступного события посредством анализа коммуникативной деятельности его участников. Объектом исследования, как правило, выступает коммуникативное (речевое и невербальное) поведение участников, зафиксированное в аудио-, видеозаписях, полученных в рамках проведения следственными органами оперативных мероприятий.

Одним из ключевых в отношении данной категории дел является вопрос о наличии / отсутствии в речи одного из коммуникантов побуждения другого коммуниканта к совершению каких-либо противозаконных действий. При этом категория побуждения, форм и средств его выражения достаточно хорошо исследована и описана в научной литературе, в связи с чем отсутствует необходимость в ее подробном рассмотрении. В то же время

достаточно часто в экспертной практике возникает ситуация, когда налицо все грамматические признаки побуждения, но возникает трудность в определении того, к чему именно, к каким именно действиям одно лицо побуждает другое.

По сути уже в описательной части постановления о назначении экспертизы изложена информация о преступном событии, его участниках и обстоятельствах, при этом задача лингвиста заключается в восстановлении/реконструкции преступного события исключительно по его отображению в коммуникативной деятельности участников [Доронина 2015]. Для этого, прежде всего, необходимо установить «предметную ситуацию» разговора. Термин «предметная ситуация» не является в лингвистике новым, существует несколько его определений.

1. Предметы и связи между ними, описываемые в высказывании.
2. Отрезок действительности, описываемый в высказывании.
3. Ситуация, которая получает отражение в тексте.

Мы используем данный термин в значении, заимствованном из лингвистической теории перевода: предметная ситуация – отрезок действительности (или псевдодействительности), описываемый в соответствующем высказывании, сообщении [Васильева 2012].

В таком случае «предметная ситуация разговора» является, на наш взгляд, емким понятием, описывающим характер предметно-практической деятельности коммуникантов. При этом необходимо различать предметную ситуацию и коммуникативную ситуацию. В отличие от коммуникативной ситуации, которую в самом общем виде можно определить как совокупность внешних и внутренних условий / обстоятельств общения, предметная ситуация – это «внутреннее», содержательное наполнение речевого произведения, «совокупность объектов и связей между объектами, описываемая в высказывании» [Комиссаров 1990: 541].

Итак, применительно к целям судебно-экспертного исследования в узком понимании «предметная ситуация разговора» – это отраженная в речи

информация о характере предметного-практического взаимодействия коммуникантов. В этом определении следует особо подчеркнуть слово «информация», так как эксперт-лингвист работает именно с информацией о событии или о ситуации предметно-практической деятельности, в рамках которой происходит коммуникация.

В данном случае, определяя характер предметно-практического взаимодействия коммуникантов, мы апеллируем к учению о фатической и актуальной коммуникации. Так, по определению Ирины Николаевны Борисовой, актуальная коммуникация – общение, мотивированное необходимостью разрешения проблемной (практической или интеллектуально-познавательной) ситуации путем коммуникативного взаимодействия субъектов. В таком взаимодействии отчетливо выражен обслуживающий характер речевой деятельности – здесь речь всегда подчинена внеречевой цели и направлена на организацию совместной деятельности людей. То есть цель общения лежит вне общения, но достигается процессом общения: решение предметно-практической или интеллектуальной задачи достигается путем коммуникативного взаимодействия субъектов [Борисова 2009: 54, 62].

Типичные предметные ситуации характеризуются отношением деятеля к действию, предмета к действию, обладателя к обладаемому предмету, предмета к его свойству и т. п. Например, мы можем выделить предметные ситуации «купля-продажа», «передача / получение (чего-л.)», «оказание / получение услуги», «совершение действий в какой-либо сфере деятельности» и др. В [Баранов, Грунченко, Кроз, Ратинова 2013: 55–56] описаны следующие свойства ситуации «купли-продажи»: 1) продавец в обычном случае является владельцем товара или, по крайней мере, имеет разрешение от владельца на продажу, что признается участниками ситуации купли-продажи (Свойство 1), 2) при купле-продаже имеется консенсус между участниками относительно того, что является товаром, то есть стороны (покупатель и продавец) должны быть уверены, что под товаром имеется в

виду одно и то же (Свойство 2), 3) участники ситуации купли-продажи добровольно вступают в роли покупателя и, соответственно, продавца (Свойство 3).

Основные трудности в установлении предметной ситуации возникают при имплицитном способе передачи информации в речи коммуникантов. Одним из таких способов является элиминация, то есть пропуск или сознательное исключение из речи слов и выражений, обладающих информационной значимостью в том или ином контексте. Практика позволяет выделить несколько типов / видов элиминации, которые мы условно обозначили следующим образом:

– «намеренная» элиминация (когда пропуск содержательных элементов обусловлен осведомленностью коммуникантов о табуированности, запретности обсуждаемой темы);

– «естественная» элиминация (когда пропуск содержательных элементов обусловлен наличием у коммуникантов общей исходной информационной базы, исходным минимальным разрывом в знаниях участников разговора);

– сочетание «намеренной» и «естественной» элиминации.

В случае «естественной» элиминации действует универсальный принцип экономии средств словесного выражения. Известно, что «если разговор более или менее продолжительно ведется о каком-то предмете, то этот предмет, как правило, называется говорящим лишь однажды, а затем раскрывается его содержание без повторения названия предмета, которое (название) удерживается в памяти говорящих, и без замены его местоимением» [Сиротинина 2009: 12]. Наличие коммуникативной предыстории, общих фоновых знаний и прямой контакт между собеседниками обуславливают адекватное декодирование обоими коммуникантами прагматического смысла и информационного содержания разговора, отсутствие необходимости в частной конкретизации, уточнении и самой ситуации, и отдельных ее элементов. При этом достаточно часто

непосредственный контакт между собеседниками, тот факт, что ситуация или предметы, о которых идет речь, известны собеседникам, позволяет им использовать мимику и жесты как способ восполнения неточности выражения.

Явление «намеренной» элиминации, а также сочетание «намеренной» и «естественной» элиминации часто наблюдается, когда на экспертизу представляются так называемые «вторичные» разговоры. В таком случае предоставленная на экспертизу запись ОРМ отражает последующий этап речевого взаимодействия, вследствие чего подлежащий исследованию разговор имеет коммуникативную предысторию и, как следствие, обладает смысловой имплицитностью и информационным дефицитом высказываний (в таком случае основное коммуникативное событие и обсуждение интересующей следствие темы остается, как говорится, «за кадром»).

Продемонстрируем на примере из экспертной практики решение промежуточной экспертной задачи по установлению предметной ситуации разговора при наличии элиминации предмета речи.

На разрешение лингвистической экспертизы был поставлен вопрос: *«Имеются ли на представленных аудиозаписях с результатами оперативно-розыскных мероприятий лингвистические и психологические признаки побуждения Петровой к покупке и продаже сильнодействующих веществ <...> со стороны Иванова?»* (по этическим и правовым соображениям фамилии фигурантов дела изменены).

Обстоятельства дела: Иванов – сотрудник наркоконтроля, Петрова – медицинская сестра в онкологическом диспансере. По версии следствия, воспользовавшись близкими отношениями, Иванов спровоцировал Петрову на совершение противозаконных действий, связанных с незаконным оборотом сильнодействующих веществ. Так, по материалам дела, в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», выступая в роли «закупщика», Иванов приобрел у Петровой по месту ее работы сильнодействующее вещество <...>, а также на следующий день по

месту жительства Петровой приобрел у последней сильнодействующее вещество <...>.

На исследование были представлены 2 звукозаписи общим объемом более 1 часа. Как было указано выше, исследуемое речевое взаимодействие имело со стороны Иванова подготовленный характер, в частности осуществлялось в рамках проведения оперативных мероприятий «проверочная закупка».

Используемый в нашем экспертном центре подход к анализу речевого материала, основанный на разделении фатического и актуального типов коммуникации, дает основание эксперту выделять среди большого массива речи и исследовать только те коммуникативные эпизоды, которые непосредственно связаны с решением экспертных задач. В результате предварительного анализа было установлено, что большая часть представленных на исследование разговоров между фигурантами дела относится к сфере фатической коммуникации, то есть речевому взаимодействию, ориентированному на поддержание контакта / межличностных отношений. Подобная квалификация коммуникативного события опирается на характер тематического репертуара, тип обращения, соотношение личностных и нейтральных / ситуативных тем, как то: погода, эмоциональное, физическое состояние, планы на совместное времяпровождение и т. п. При этом в структуре диалога было выделено 2 коммуникативных эпизода, отражающих актуальную (нефатическую) коммуникацию, которая сопровождает решение предметно-практических задач и характеризует общение, включенное в практическое взаимодействие коммуникантов [Борисова 2009: 54, 62].

Выделение и исследование коммуникативных эпизодов проводилось в соответствии с предметом исследования / экспертной задачей на основании последовательности смены фаз коммуникативного события, смысловой (содержательной, тематической), коммуникативно-синтаксической (тема-

рематической) и структурной (формальной) завершенности речевых отрезков диалога.

Коммуникативный эпизод № 1:

«Иванов: Давай я тебе деньги отдам. Завтра заеду.»

Петрова: (смеется)

Иванов: Да че ты издеваешься надо мной?

Петрова: Посадят, бл, ну его на х**

Иванов: А че ты мне мозги тогда еб?*

Петрова: Прикинь, из-за пятьсот рублей меня посадят, бл? А, Леш?
... посадят за пятьсот рублей, а?*

Иванов: Тебе не стыдно, бл, такую х* нести. Это, у меня уже, смотри, седые, бл*, волосы... Я щас пойду и больше никогда, никогда к тебе не приеду. Мы с тобой разговаривали на эту тему не раз...».*

Выделенный коммуникативный эпизод начинается стимулирующей репликой Иванова *«Давай я тебе деньги отдам. Завтра заеду»*, которая характеризуется наличием смыслового пропуска (элиминацией) предмета речи, при этом реактивные реплики Петровой демонстрируют адекватное понимание ею смысла данной реплики Иванова, «успешное» декодирование ею информационного содержания высказывания, что обусловлено общей апперцепционной базой собеседников и наличием коммуникативной предыстории общения на данную тему, см. *«Мы с тобой разговаривали на эту тему не раз...»*.

Так, реплика-стимул *«Давай я тебе деньги отдам. Завтра заеду»* эксплицирует побудительную коммуникативную интенцию Иванова – побуждение Петровой к совершению неких, как следует из контекста, заранее оговоренных действий, предполагающих передачу Ивановым Петровой денежных средств (сочетание частица «давай» + личное местоимение «я» + глагол «отдам» в форме 1 л. ед. ч. будущего времени реализует значение побуждения в форме предложения/просьбы). Реактивные реплики Петровой, в том числе словесно незаполненные (смех), демонстрируют нежелание

Петровой разговаривать на данную тему, эксплицируют ситуацию противозаконности предложения Иванова, в частности реплики *«Прикинь, из-за пятьсот рублей меня посадят, бл*? А, Леш? <...> посадят за пятьсот рублей, а?»* актуализуют отрицательное отношение Петровой к предложению/просьбе Иванова в связи с возможностью реального получения ею тюремного срока при незначительности материальной стороны дела / предмета предложения Иванова в денежном выражении («пятьсот рублей»).

Последующие реплики Иванова, содержащие доводы эмоционального характера, оценку сказанного Петровой как глупости, вздора, угрозу прекращения личного контакта, апелляцию к неоднократности обсуждения данной темы / имеющейся договоренности выступают в роли аргументов убеждения Петровой в ошибочности/напрасности ее опасений, порядочности, искренности намерений Иванова, нежелании причинить Петровой вред/неприятности и, как следствие, в возможности/допустимости выполнения Петровой его предложения без каких-либо негативных для нее последствий. Соответствующие ответные реплики Петровой передают невербальную реакцию – смех.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в коммуникативном эпизоде № 1 в речи Иванова содержится побуждение (в форме предложения) Петровой к совершению неких, как следует из контекста, заранее оговоренных действий, предполагающих передачу Ивановым Петровой денежных средств. Предмет предложения (что именно должна сделать Петрова) в контексте речи опущен / не назван, тем не менее из контекста диалога извлекается информация о том, что предложение Иванова («предметная ситуация разговора») характеризуется следующими признаками: «противозаконность» и «незначительность материальной стороны дела/ предмета предложения в денежном выражении».

Коммуникативный эпизод № 2:

«Иванов: Давай, тему ... закроем, чтоб не возвращаться...»

Петрова: (смеется)

Иванов: Пока там Настя не набежала, ... или че там у нее.

Петрова: Леш, честно, смотри, мне не надо в натуре свидетельницы, я правда, бздю, блин.

Иванов: Смотри. Я ... щас дам деньги.

Петрова: Угу.

Иванов: Завтра подумаешь, если ты не захочешь, бл, если, блин, боишься, отдашь мне деньги и все, я забуду, и больше мы на эту тему не будем возвращаться. Хорошо?*

Петрова: Не, ну я выписала у меня дома лежит.

Иванов: Ну все... На вот тебе деньги...

Петрова: Тут скока? (шорохи)

Иванов: Все, что есть, бл.*

Петрова: Там мало...

Иванов: По одной возьму...

Петрова: По одной не дам...

Иванов: А, ну давай две, ну я тебе завтра еще те... (шорохи)».

Коммуникативный эпизод № 2 начинается стимулирующей репликой Иванова «*Давай, тему ... закроем, шоб не возвращаться...*», инициирующей возвращение к обсуждению темы, начатой в коммуникативном эпизоде № 1, с целью окончательного разрешения вопроса. Реактивная реплика Петровой вербально не заполнена, передает невербальную реакцию – смех. В следующей реплике Иванов активизирует необходимость разрешения вопроса в текущий / ситуативный момент, апеллируя к отсутствию свидетелей/очевидцев (третьего лица, «Настя»). В ответной реплике Петрова выражает понимание, озвучивает согласие с позицией Иванова (необходимость «решить вопрос» без свидетелей) в силу наличия у нее реальных опасений / страха в связи с предметом предложения.

После чего в стимулирующей реплике Иванов предлагает следующее развитие (сценарий) событий: он в текущий момент («сейчас») передает

Петровой денежные средства, Петрова думает / размышляет над его предложением до следующего дня, в случае если не пожелает или будет продолжать испытывать опасения/страх, Петрова возвращает Иванову денежные средства, а он, в свою очередь, обещает больше никогда не обращаться к ней по обсуждаемому поводу: *«Смотри. Я ... щас дам деньги», «Завтра подумаешь, если ты не захочешь, бл*, если, блин, боишься, отдашь мне деньги и все, я забуду и больше мы на эту тему не будем возвращаться. Хорошо?»*. Смысловое содержание данной совокупности реплик эксплицирует побудительную интенцию Иванова – побуждение Петровой к принятию от него денежных средств и выполнению / совершению соответствующих действий в форме описания альтернативной ситуации, оставляющей за адресатом право выбора / свободы в принятии окончательного решения.

В ответной реплике Петрова отклоняет предложенный Ивановым сценарий развития событий в силу того, что уже предприняла необходимые действия («выписала»), и у нее есть в наличии («дома») то, что требуется Иванову. Иванов выражает положительное отношение к данному обстоятельству и предлагает Петровой сейчас на месте решить вопрос, как понимается – рассчитаться (отдать деньги). Подобное понимание обусловлено последующим контекстом, в частности реплика Иванова *«Ну все... На вот тебе деньги»* представляет собой перформативный речевой акт (высказывание, произнесение которого эквивалентно совершаемому в момент речи действию, поступку), в данном случае: «На вот тебе деньги» → «Я отдаю тебе деньги» → «Ты возьми у меня деньги». В ходе развития интеракции Иванов сообщает, что готов (может / хочет) приобрести «товар» в количестве / в размере одной единицы / одной штуки. В данном случае слово «товар» использовано в качестве общего условного обозначения материального объекта (материальных объектов) – вещи, вещества, продукта, препарата и т. п., выступающего предметом купли-продажи. В ответной реплике Петрова эксплицирует нежелание / отказ отдавать (продавать) одну единицу / одну штуку «товара», после чего Иванов выражает согласие

приобрести две единицы / две штуки. Завершение коммуникативного эпизода манифестируется окончанием звукозаписи.

Проведенный анализ показал, что в данном коммуникативном эпизоде отражена предметная ситуация «купля / продажа (передача денежных средств с целью покупки)», которая в контексте исследуемого речевого взаимодействия характеризуется следующими признаками: «конфиденциальность», «наличие у Петровой опасений / страха в связи с возможностью дальнейших негативных правовых последствий», «противозаконный характер».

Предмет покупки как товар (объект купли / продажи) не назван / не имеет вербального наименования в речи. Тем не менее, с учетом контекста извлекается информация, что предмет/предметы, подлежащие передаче со стороны Петровой, имеют отношение к сфере ее профессиональной деятельности, требуют документального письменного оформления или специального предписания на его использование / реализацию, а также имеют штучную форму выпуска / производства.

Таким образом, представленный экспертный подход по установлению предметной ситуации разговора, на наш взгляд, отвечает основной задаче судебно-экспертной деятельности, так как полученные в ходе его использования результаты позволят лицу / органу, назначившему экспертизу, дать правильную правовую оценку речевому материалу. В частности, установленная в результате исследования предметная ситуация разговора (или ее отдельные признаки (компоненты), в случае невозможности полной экспликации) в дальнейшем может быть оценена следствием с позиции юридической квалификации наличия либо отсутствия факта преступного события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Грунченко О. М., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Классификация коммуникативных интенций, выявленных в ходе лингвистических и психолого-лингвистических исследований текстов. М., 2013.

2. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М., 2009.

3. *Васильева Е. А.* К вопросу о предметной ситуации в переводе. Подходы к описанию предметной ситуации. Вестник Московского государственного университета. 2012. № 9 (642). URL: <https://ciberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predmetnoy-situatsii-v-perevode-podhody-k-opisaniyu-predmetnoy-situatsii>.

4. *Доронина С. В.* «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам. Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 245–249.

5. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.

6. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика. М., 2009.

REFERENCES

1. Borisova I. N. Russian spoken dialogue: Structure and dynamics [Russkii razgovornii dialog: struktura i dinamika]. Moscow, 2009.

2. Vasil'eva E. A. To the problem of the subject of the situation in translation. Approaches to the description of the subject of the situation [K voprosy o predmetnoi situatsii v perevode. Podhody k opisaniyu predmetnoi situatsii]. Bulletin of Moscow state University. 2012. № 9 (642). URL: <https://ciberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predmetnoy-situatsii-v-perevode-podhody-k-opisaniyu-predmetnoy-situatsii>

3. Doronina S. V. «Let`s agree, commander! »: the methods of discourse analysis in forensic expertise in anticorruption proceedings [Komandir! Moget, dogovorimsya?»: priemi diskursivnogo analiza v lingvisticheskoi ekspertize po antikorrupsionnim delam]. Political linguistics. 2015. № 3 (53). P. 245–249.

4. Baranov A. N., Grunchenko O. M., Kroz M. V., Ratinova N. A. The classification of communicative intentions identified in the linguistic and psycho-linguistic studies of texts [Klassifikatsiya kommunikativnih intentsii, viyavlennih v hode lingvisticheskikh i psihologolingvisticheskikh issledovaniy tekstov]. Moscow, 2013.

5. Komissarov V. N. Theory of translation (linguistic aspects) [Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekti)]. Moscow, 1990.

6. Colloquial speech in the system of functional styles of modern Russian literary language: Grammar [Razgovornaya rech v sisteme funktsionalnih stiley sovremennogo russkogo literatyrnogo yazika: Grammatika]. Moscow, 2009.

Г. С. Иваненко

Челябинск, Россия

ТРИ МИФА В ВОПРОСАХ ЭКСПЕРТНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО

Статья посвящена спорным вопросам определения субъективного/объективного характера информации в лингвоэкспертной практике. В противовес распространенной практике дифференцировать фактуальные и оценочные суждения, автор настоящего материала предлагает выделять в одной языковой единице объективный и субъективный компоненты смысла, объем и содержание которых являются предметом рассмотрения эксперта. Предлагается отказ от дифференциации объективного и субъективного при помощи формально-грамматического подхода. Доказывается, что утверждение о событиях, представленное как объективное, может быть выражено и вопросительным предложением, и побудительным, и предложениями с предикатами в условном наклонении. Выражается мысль о способности второстепенных членов определять реальную модальность части высказывания. Выделяются два уровня дифференциации субъективного и объективного: когнитивно-концептуальный и лексико-грамматический. Первый, когнитивно-семантический, уровень дифференциации информации на фактуальную и нефактуальную основывается, в свою очередь, на двухуровневом противопоставлении: 1) конкретные/отвлеченные смыслы, 2) внутри конкретных смыслов – четко очерченные/размытые. Вторая оппозиция в рамках дифференциации «утверждение о факте»/«оценочное суждение, мнение» проявляет себя на лексико-грамматическом уровне. Утверждение противопоставлено предположению. Эксплицитность данной корреляции проявляется в наличии внешних показателей у одной из противопоставленных категорий – у предположений, которые в общих чертах описаны в теории лингвистической экспертизы. Модальность в статье понимается как практически-когнитивная категория, отражающая заложенные в тексте представления об отнесенности описываемых обстоятельств к реальности. От классического понимания модальности настоящий подход отличает ориентированность на обыденное восприятие реципиентов, которое и отражает, на взгляд автора, когнитивную и семантическую структуру языка в ее современном состоянии со всеми скрытыми, возможно, еще не описанными значениями, которые в ходе лингвистической экспертизы и требуется реконструировать. Такое описание возможно только при анализе высказываний с рассмотрением всех аспектов, определяющих вывод: семантики, грамматики, контекста.

Ключевые слова: объективная и субъективная информация, утверждение о фактах, оценка, мнение, предположение.

Сведения об авторе: Галина Сергеевна Иваненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69, ЮУрГППУ, кафедра РЯ и МОРЯ. E-mail: gala.april@mail.ru

G. S. Ivanenko

Chelyabinsk, Russia

THREE MYTHS IN MATTERS OF EXPERTISE OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE

The article considers the definition issues of the subjective and objective nature of the information in linguistic expertise. One linguistic unit can combine both objective and subjective components of the meaning. The task of the expert linguist is to separate them taking into consideration the semantics of the utterance, its grammatical features and context. Differentiation of the objective and the subjective needs to take into account the everyday perception of the statements, based on the concept of reality. Two levels are offered to separate the objective and the subjective components of the meaning, one of them is cognitive and semantic, and the other is lexical and grammatical. On the first level concrete meaning is opposed to abstract, as well as clearly marked meanings are contrasted to obscure within concrete meanings. On the second level statement is opposed to supposition. Modality is understood as practical cognitive category which reflects the idea of the text about the link between the reality and the events described in the text.

Key words: forensic linguistic expertise, objective and subjective information, statements about facts, assessment, opinion, supposition.

About the author: Galina Sergeevna Ivanenko, candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language, South Ural State Humanitarian Pedagogical University. SUSHPU, Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language, Prospekt Lenina, d.69, Chelyabinsk, 454080. E-mail: gala.april@mail.ru

Один из вопросов лингвоэкспертной теории и практики, не теряющий своей актуальности, – дифференциация двух противопоставленных типов информации, правовая квалификация которых является определяющей в ряде судебных процессов, главным образом в делах о защите чести, достоинства, деловой репутации.

Рассмотрение проблемы критериев указанной дифференциации [Баранов 2007; Бринев 2009а; Доронина 2010; Иваненко 2006; Обелюнас 2012; Карагодин 2010] позволило увидеть ее новые грани, но, безусловно, спорных вопросов остается еще очень много. Настоящая статья посвящена некоторым из них. Для структурирования материала, обострения полемики и обозначения собственной позиции назовем те положения, с которыми мы вступаем в дискуссию, мифами. Специфика сферы лингвистической экспертизы заключается в том, что каждый экспертный текст является научным исследованием, выражающим те или иные теоретические установки, на которые опирается автор: теория и практика формируются параллельно. «Единогласно принятые» методики в этой нише пока отсутствуют, а возможно, и не могут быть установлены в силу острой дискуссионности вопроса о корреляции субъективного и объективного. Поэтому мифы в настоящем материале – это то, с чем не согласен автор настоящей статьи и с чем он сталкивается в ходе экспертной практики. Мифы распространены, но, конечно, не повсеместно приняты.

Предварительные замечания. Оговорим, какой смысл вкладывается в номинации *субъективное* и *объективное* в настоящем материале.

Во-первых, речь идет не о реальной соотнесенности содержания текста с объективной действительностью в аспекте правда / неправда, а о позиционировании представленной в тексте информации как объективной или как субъективной (субъективные и объективные компоненты смысла).

Во-вторых, текст и его информационные составляющие рассматриваются нами не с позиций адресанта, а с позиций адресата речевого сообщения. При таком подходе в ходе анализа текста выявляются не мотивы и побуждения автора, а извлекаемый читателем или слушателем смысл.

Сформулируем основную идею, определяющую последующие положения статьи: в лингвистической экспертизе необходимо разграничить не субъективные и объективные высказывания, а субъективные и объективные компоненты их смысла.

Отметим, что в законодательстве противопоставлены не конструктивные, не формально-грамматические, а информационные составляющие: «...следует различать имеющие место утверждения о фактах <...> и оценочные суждения, мнения, убеждения...» [Постановление 2005]. Игнорирование данного обстоятельства приводит к упрощенным толкованиям предложения в целом как утверждения или мнения без различения, какие именно компоненты структуры выражают информацию как субъективную, а какие – как объективную. Например, трактовка: «Указание на отношение сообщаемой информации к своей модели мира как раз и оказывается способом включить пропозицию в систему убеждений, предположений, оценок и т. д. говорящего. Действительно, говоря *По моему мнению / как мне кажется / представляется / по-видимому, вся гениальность Паратова как бизнесмена сводится к организации липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности, мы ссылаемся на свою систему представлений о действительности*» [Баранов 2013: 32–33], по-видимому, означает, что лингвист относит приведенное высказывание к категории мнений. Хотя далее по тексту следуют примеры, в которых выделяются эксплицитные и имплицитные утверждения [Баранов 2013: 43–44], и выдвигается тезис об отнесенности полученных в результате грамматических трансформаций смыслов к скрытым утверждениям. Полагаем, в настоящем предложении разные компоненты смысла по-разному относятся к действительности:

1) имеет место организация (P) Паратовым (S) липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности – информация представлена как объективная (второстепенные члены предложения формируют пропозицию с семантическим субъектом (S) и предикатом (P): *организация* – отглагольное существительное, сообщающее о действии; *сводится* – синонимы *ограничивается, проявляется* только чем-либо (*его работа ограничивается подписью документов = он только подписывает документы*);

2) говорящий оценивает описанные действия Паратова как *единственное проявление его гениальности* – информация представлена как субъективная, то

есть говорящий допускает, что у Паратова могут быть и другие проявления гениальности, но он (говорящий) их не видит.

Квалификация высказывания (предложения) целиком как утверждения или как мнения является источником противоречивых выводов. По-видимому, деление высказывания на пропозиционные блоки, соотносящие все содержащиеся в тексте семантические субъекты с их семантическими предикатами, как регулярная и обязательная, а не факультативная процедура в ходе лингвистического анализа, обезопасит нас от неоправданных обобщений.

Миф первый: понятие «утверждение о факте» и понятия «субъективное мнение», «оценка», «предположение» коррелируют на одном логическом основании. Обозначенная корреляция определена правовым дискурсом: появившееся в Постановлении Пленума Верховного Суда от 24 февраля 2005 года, она прочно вошла в лингвоэкспертную теорию и практику; именно к обозначенной дифференциации информации должен прийти лингвист в результате исследования. Как представляется, правовая корреляция *утверждение о факте – мнение* в лингвистическом аспекте включает две оппозиции: 1) информация о факте / не о факте; 2) утверждение / не утверждение. В [Иваненко 2006] выделяются виды фактуальной и нефактуальной информации, отдельно рассматривается оппозиция предположение / утверждение. Идеи двухуровневой дифференциации развиваются, в частности, в [Иваненко 2006а; 2010; 2012]. В настоящем материале коллегам предлагается дуальная система корреляции, требуемой законодателем, по различным, не связанным и градуально не выстроенным параметрам: семантическому и грамматическому. Относительно уровней языка первая оппозиция базируется на анализе лексики в семантическом аспекте, вторая – на анализе синтаксиса и лексики в ее грамматических, синтаксических связях.

Первую оппозицию предлагаем назвать **когнитивно-концептуальной: фактуальная информация / нефактуальная**. Ни одна из противопоставленных категорий не проявляет себя каким-либо маркером, отсутствуют формальные

показатели дифференциации. Отнесение к той или иной группе базируется на семантическом анализе.

Семантическая дифференциация информации на фактуальную и нефактуальную основывается, в свою очередь, на двухуровневом противопоставлении: 1) конкретные / отвлеченные смыслы, 2) внутри конкретных смыслов – четко очерченные / размытые.

1) **Конкретные / отвлеченные** смыслы в теории и практике лингвистической экспертизы, как и в естественном языке, различаются отнесенностью к миру объективного или к миру субъективного. Критерий конкретности – соотнесение номинации с чем-либо видимым, слышимым, осязаемым, фиксированным, внешне проявленным (*подписать, уволить, продать, купить, присутствовать*). Критерии отвлеченности – соотнесение номинации с явлением, еще не имевшим места в действительности, а только желаемым, или оценка тех или иных обстоятельств, личностей, фактов (*желать, планировать, надеяться, сожалеть, мечтать*).

Рассмотрим пример: *Парламентариев крайне возмутили налоговые схемы, используемые руководством предприятия*. В составе данного предложения глагол *возмутили* указывает на эмоциональную реакцию парламентариев – этот компонент смысла указывает на отношение, которое отвлеченно и вдвойне субъективно: выражает реакцию неких лиц в описании этой реакции автором текста. Смысловой же компонент ‘руководство предприятия использует налоговые схемы’ констатирует конкретную, обладающую внешними признаками ситуацию, имевшую место в действительности, согласно представленной формулировке.

Отвлеченные смыслы в рассматриваемых конфликтных материалах можно разделить на следующие группы:

1) **оценочные** – выражение оценок событий, явлений, лиц: *хорошо, плохо, замечательно, отлично*;

2) **деонтические**, проявляющиеся в категориях долженствования, намерения, побуждения (просьба, совет, приказ или предписание): *должен, обязан, нужно, необходимо, следует;*

3) **ментальные:**

– **эмотивные** – сообщение о чьих-либо чувствах: *радоваться / радость, счастье, страдать, переживать, чувствовать, несчастье, горе, беда;*

– **рациональные** – сообщение о чьих-либо мыслях, выражение состояний, направленных на будущее: *надеяться / надежда, намереваться / намерение, планировать / план, намечать, ждать / ожидание, стремиться / стремление, рассчитывать / расчет.*

Отвлеченные смыслы образуют субъективный компонент информации.

Конкретные компоненты семантики языковых единиц также можно разделить на две группы, противопоставленные по содержанию денотата: с **четко очерченным, или таксономическим, денотатом** (*не выплатил, присвоил, перевел на счет, заключил договор, собственник, сотрудник, директор, был осужден по статье, подозреваемый, уволить*) / с **размытым денотатом** (*оказать воздействие, влиять, отреагировать, возможности*). Названные термины мы употребляем вслед за Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1980] для обозначения слов, денотат которых возможно / невозможно однозначно соотнести с одной конкретной сущностью реальной действительности, а следовательно, верифицировать.

Единицы с **размытым денотатом** можно разделить на группы.

1) Слова и выражения с **субъективно** определяемой референцией, для каждого конкретного говорящего наполненные собственным смыслом, не тождественным для различных людей: понятия *счастье, несчастье, успех / неуспех, благополучный / неблагоприятный, свобода, свободный, прогресс, деградация. Он сделал ребенка неудачником* – говорит мать о воздействии отца на мировоззрение ребенка, избравшего любимую, но малооплачиваемую работу. По-видимому, участники конфликта по-разному понимают удачу – такие

высказывания являются субъективными: их невозможно ни доказать, ни опровергнуть. То же: *X душитель свободы, X подавляет справедливость*.

2) Слова и выражения, которые обозначают **сложное понятие**, сложное в смысле составленности из череды различных или варьирующихся компонентов. Например, невозможно однозначно определить, что значит *использовать административный ресурс*, какие именно действия попадают под эту номинацию.

3) Слова и выражения, обозначающие понятия без видимых внешних признаков или допускающие невидимость этих признаков, а следовательно, не имеющие критериев верификации: *Директор старается развалить школу*. Какие именно действия директора в данном случае могут подтвердить или опровергнуть, что он *старается*?

Конкретность / размытость денотата зависит от того значения, в котором употреблено слово, что, в свою очередь, определено контекстом:

– *он использовал лопату* – значение глагола *использовал* определяется конкретной, таксономической семантикой существительного *лопата*;

– *он использовал власть* – значение глагола *использовал* определяется отвлеченной семантикой абстрактного существительного *власть*: денотат размытый, конкретные формы и средства осуществления обозначенного действия не определимы, а потому не верифицируемы.

Таблица № 1. Когнитивно-семантическая классификация выражаемых смыслов:

Смыслы					
Конкретные		Отвлеченные			
Четко очерченные	Размытые	Деонтические	Ментальные		Оценочные
			Эмотивные	Рациональные	
Объективные (Фактуальные)		Субъективные (Нефактуальные)			

Вторая оппозиция в рамках дифференциации «утверждение о факте» / «оценочное суждение, мнение» проявляет себя на **лексико-грамматическом** уровне. **Утверждение** противопоставлено **предположению**. Эксплицитность данной корреляции проявляется в наличии внешних показателей у одной из

противопоставленных категорий – у предположений, которые в общих чертах описаны в теории лингвистической экспертизы. Общеизвестно, что маркерами предположения являются 1) вводные конструкции и предикаты а) выражающие различную меру уверенности, б) указывающие на источник информации; 2) частицы *ли, разве, неужели* в вопросительных предложениях. Роль показателей группы б) по ряду вопросов требует отдельного рассмотрения [Иваненко 2012], но очевидно, что конструкции типа «как считает Петров» имеют высокий потенциал предположительности.

Итак, правовая оппозиция «утверждение о факте» (группа I) / «субъективное мнение, суждение, оценка» (группа II) в речи проявляется как пара коррелятов: на семантическом уровне как противопоставленность фактуального и нефактуального, на уровне лексико-грамматическом – как противопоставленность утверждения и предположения. Правовой категории *утверждение о факте* (I) соответствуют только те компоненты смысла, которые имеют четко очерченный (таксономический) денотат и не соотносятся с маркерами субъективности.

Таблица № 2. Дифференциация противопоставленных групп информации:

		Когнитивно-семантический критерий дифференциации	
		Фактуальная информация	Нефактуальная информация
Лексико-грамматический критерий дифференциации	Утверждение	I	II
	Предположение	II	II

Миф второй: о дифференциации объективной и субъективной информации по грамматическим признакам предложения и предикативной основы.

В работах по теории лингвистической экспертизы доминирует, как представляется, неоправданное отождествление утверждения как когнитивно-прагматической категории и утверждения как грамматической формы представления информации.

Так, в монографии А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» дано такое определение: «Утверждение – это вербально передаваемая кому-либо информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в **грамматической форме повествовательного предложения**, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) **со сказуемым в индикативе** и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2013: 32]. В настоящем случае предлагаем обсудить выделенные нами фрагменты определения, раскрывающие проблему грамматических средств выражения утверждения.

В «Памятке для лингвистов-экспертов» грамматическая детерминированность утверждения определенными типами предложения и предиката представлена как очевидная: вопросительным предложениям, за исключением вопросительно-отрицательных предложений и риторических вопросов, отказывается в способности выражать суждение [Горбаневский 2004: 24]; утверждение понимается как грамматическая категория и связывается с грамматической формой повествовательного предложения [Горбаневский 2004: 31]. Согласно исследованию Н. В. Обелюнас, при дифференциации утверждений о факте и мнений «...фактически экспертами используется один признак – грамматическая форма повествовательного предложения» [Обелюнас 2012: 14]. Проводимый нами анализ структуры и методик лингвистических исследований подтверждает этот вывод.

Однако утверждение как сообщение о событии, как констатация факта – категория когнитивно-прагматическая, информационная, а не грамматическая. В теории речевых актов к числу базовых иллокутивных актов относятся *констатив*, коммуникативно-интенциональное содержание которого

заключается в утверждении. Констатив в рассматриваемом аспекте, безусловно, как и все в языке, выражается определенными формальными средствами, которые не ограничены жестко ни формой предложения по цели высказывания, ни грамматической формой глагола, выражающего предикат.

На наш взгляд, когнитивное понятие **утверждение** (о факте, событии) **следует освободить от связи с грамматической формой** в аспекте противопоставления повествовательного предложения побудительному и вопросительному, а предложения с предикатом в изъявительном наклонении глагола – предложениям с предикатом в повелительном или условном наклонении. Предлагаем такое определение:

Утверждение о факте в сфере лингвистической экспертизы – это сообщение о событиях и признаках как о имевших / имеющих место в реальной действительности. Утверждение о факте определяется по двум параметрам: сематическому и грамматическому. **Семантически** утверждение о факте выражается языковыми единицами с конкретной семантикой, однозначно соотносящимися сигнификат с денотатом. **Грамматически** утверждение о факте выражается различными средствами и содержится в предложениях различных типов по цели высказывания, с предикатами во всех наклонениях, не только главными, но и второстепенными членами предложения. Утверждение порождается соотносением семантического субъекта со связанным с ним семантическим предикатом. Для квалификации сведения как утверждения важна грамматическая квалификация не всего предложения, а тех средств, которые формируют конкретный смысл.

Для обоснования своей позиции обратимся к лингвистическим понятиям актуального членения предложения, пропозиции и пресуппозиции.

Из теории актуального членения предложения [Матезиус 1967: 239–245] следует, что деление на тему (старое утверждаемое) и рему (новое сообщаемое) не совпадает с делением членов предложения на главные и второстепенные, а также что и в побудительном, и в частно-вопросительном предложении присутствует констатирующий элемент смысла [Ковтунова 1976]. Идея

сочетания в частно-диктальном вопросе запроса информации с утверждением информации содержится и в [Русская грамматика 1980].

Перенесем теорию актуального членения на юрислингвистическую теорию и практику: частно-диктальный вопрос как синтаксический конструкт содержит утверждение о каком-либо факте и вопрос о каком-либо аспекте, связанном с утверждаемой частью информации, например:

Как / когда / с чьей помощью главе огромного предприятия удалось спрятать от налогов и от собственной бухгалтерии такую огромную сумму?

В вопросительных предложениях такого типа рему образуют вопросительные слова и выражения *как? когда? с чьей помощью?*, побуждающие сообщить информацию о времени, способе совершения действия, других его признаках. Само же действие показано как уже осуществленное. Оно описано всей остальной частью предложения – темой, или утверждаемой частью сообщения.

Аналогичную картину наблюдаем и в побудительных предложениях: собственно побуждение, то есть призыв к воплощению в реальность чего-то пока еще не существующего, потенциального, представляют собой не все компоненты высказывания, например:

Поинтересуйтесь биографией X, создавшего свою империю на ворованных деньгах от своего криминального прошлого.

Побуждение к действию – рему – выражает компонент *поинтересуйтесь*. При этом тема ‘*X создал свою империю на ворованных деньгах и имеет криминальное прошлое*’ представляет собой сообщение о свершившемся событии (событиях).

Таким образом, используя теорию актуального членения предложения в лингвоэкспертной практике, можно определить, какой компонент синтаксической конструкции реализует собственно вопросительную и побудительную прагматику, а какой содержит сообщение о событии, то есть утверждение о факте.

В европейской и американской лингвистике с 60-х годов XX века, а с 80-х и в отечественном языкознании в работах [Арутюнова 1976; Кацнельсон 1984; Падучева 1985; Кобозева 2009] активно используется понятие пропозиции. Вслед за Расселом [Рассел 1999] под пропозицией понимают не грамматическую, а информационную сущность. В свете поиска методических экспертных подходов, в теории пропозиции концептуально значимое – признание способности одного предложения передать несколько информационных посылов. Так, рассмотрим предложение:

Не ошибитесь, когда будете выбирать между порядочным инженером Синякиным и жуликом Ахримеевым, не оплатившим десяткам поставщиков их продукцию.

Пропозиция 1: адресата побуждают не ошибиться (утверждение о свершившемся событии отсутствует).

Пропозиция 2: адресат будет делать выбор – действие будет иметь место в действительности, но на настоящий момент оно не является свершившимся событием (предположение-прогноз).

Пропозиция 3: Синякин – инженер (утверждение о факте).

Пропозиция 4: Ахримеев – не оплатил десяткам поставщиков их продукцию (утверждение о факте).

Как видим, выраженные в предложении блоки информации имеют разное отношение к действительности.

В предлагаемых подходах к лингвистическому анализу конфликтных высказываний представляется значимым понимание пресуппозиции как содержащегося в семантико-синтаксической структуре текста соотнесения семантического субъекта и его признака (процессуального или призначного, в активе или пассиве). Например, во фразе: *Не вызывает ли сомнение причина выплаты Николаенко в конце прошлого года премии в 10 млн.?* – словосочетание *выплата (кому?) Николаенко* выражает отношения пассива: *Николаенко* (семантический субъект) + *выплата* (отглагольное

существительное, выражающее значение процессуального предиката) = *Николаенко есть объект действия «выплатить».*

Пришедшее из логики в практику лингвистического анализа понятие пресуппозиции имеет широкий круг значений [Арутюнова 1973: 89]. В свете обсуждаемых в настоящем материале проблем представляются значимыми как минимум два из них.

Во-первых, трактовка пресуппозиции как информации, содержащейся в высказывании в качестве основы для его понимания. В одном из значений пресуппозиция по смыслу тождественна тому понятию, которое в теории актуального членения называется темой. Например, *помощник депутата Большакова сказал, что...* Пресуппозицией (темой) является существование депутата Большакова и его помощника, который что-то мог сказать.

Во-вторых, логико-лингвистический феномен пресуппозиции в значении «общие знания людей об окружающем мире» [Падучева 1977] обращает лингвистику в русло обыденного сознания, от которого она часто так активно стремится отмежеваться, но к которому ее толкает проза лингвистической экспертизы, призванная реконструировать именно обыденное, типовое восприятие текста.

Одна из логических обыденных пресуппозиций – понимание некоторой условности всего сказанного, отнесенного к плану будущего. Сообщение о еще не свершившихся, относимых говорящим к плану будущего событиях может быть передано различными грамматическими средствами:

1) глаголом в форме будущего времени: *в следующем году предприятие не сможет выйти на новый виток развития;*

2) глаголом в форме настоящего времени со значением будущего с маркером темпоральной отнесенности – лексемой со значением будущего: *Что поделаешь? Через пару месяцев мы явно идем в минус.*

3) инфинитивом с темпоральным значением будущего: *С таким руководством идти предприятию под откос.*

Несмотря на то, что говорящий во всех случаях выражает уверенность в негативном пути развития событий, с точки зрения логических пресуппозиций (житейского опыта) понятно, что любое сообщение о будущем – в каком-то смысле предположение, пусть с максимально высокой степенью вероятности. В то же время есть языковые средства, способные представить ту информацию, которая отнесена к плану будущего, как соотносимую с уже имевшей место в действительности, и тогда высказывание выражает смысл: так, скорее всего, будет, поскольку так уже было. Языковыми средствами «констативации» грамматической формы будущего времени являются:

1) частицы со значением тождества (*и, тоже, также*): *Мэр поможет с тендером (1) и в этот раз (2)*;

2) придаточное со значением сопоставления: *Мэр поможет с тендером (1), как это уже было (2)*;

3) сопоставительный оборот: *Мэр поможет с тендером ООО «МАКС» (1), как АЭЛИТе (2)*;

4) отдельное предложение, выражающее указание на тождество ситуаций: *Мэр, по-видимому, поможет с тендером (1). Так уже было (2)*.

В приведенных примерах значение **констатива** собрано из компонентов (1) и (2), которые, будучи связанными синтаксически, порождают третий смысл, берущий содержание одного и форму другого:

- компонент (1), сообщающий о будущем, выражает *содержание* констатива, но сам констативом не является, так как форма будущего времени относит событие к категории несвершившихся;

- компонент (2), сообщающий об имеющем место тождестве, отсылает к прошлому, в котором такое событие уже имело место, придает сообщению *форму* констатива.

Порождаемый смысл: *Мэр в прошлом сделал (1)*.

Традиция теории лингвистической экспертизы связывать способность предложения выражать сообщение о событии как о реальном с определенными грамматическими категориями основана на представлении о ведущей

семантической роли грамматической основы в выражаемом предложением смысле. Работа со спорными текстами показывает, что как минимум применительно к сфере правовой конфликтности это не так. Существенные компоненты семантики высказывания могут не занимать позиции грамматической основы, но при этом быть выделенными другими средствами, например, обособлением. Впрочем, выделение подчеркивает, но не порождает констатив. Назовем выделенные в спорных текстах позиции констативов:

1) позиция необособленного и обособленного приложения: *Когда этот взяточник Нечипоренко уйдет со своего поста? Что можно сказать о Кондратюке(S) – последнем криминальном острове и острове 90-х (P) в нынешнем совете директоров?*

2) позиция необособленного и обособленного определения, выраженного причастным или адъективным оборотом: *Как главный врач(S) больницы намеревается выполнять государственные квоты, отобранные(P) им(=S) у больных?*

3) обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом: *Попробуйте сдвиньте с места этого человека(S), который(=S), опустошив(P) кассу одного предприятия, переходит на другое!*

Во многих случаях второстепенный член или придаточное предложение выражают объективный компонент смысла при субъективности смысла, выражаемого предикативной основой главной части, если характеризует существующий в реальности объект. Так, в приводимых далее предложениях смыслы, формируемые предикатами, субъективны; но в (1) речь идет о будущем, еще не сформированном, но моделируемом высказыванием; во (2) – о конкретном человеке, обстоятельства биографии которого представлены как объективная реальность:

1) *Давайте подготовим депутата, способного / который способен самостоятельно мыслить.*

2) *Давайте исключим из списков кандидата в депутаты X, отсидевшего / который отсидел 5 лет за мошенничество.*

Миф третий: метафоры относятся к категории субъективных высказываний.

Понимание двуплановой природы языковой единицы помогает решить вопрос с квалификацией образных выражений, метафор, фразеологизмов. Методики извлечения объективных смыслов из подобных выражений разрабатываются в теории лингвистической экспертизы [Баранов 2013: 71–116], однако в экспертной практике продолжают встречаться утверждения, что все метафорическое заведомо субъективно и не может выражать объективной информации. Так, например, в лингвистическом заключении [Щурова 2011: 7] наименование матери словом *кукушка* в связи с метафоричностью признается оценочным, следовательно, отнесенным к категории субъективных мнений без фиксации номинативно-констативной стороны значения. Фактуальная сторона метафоры как дуальной сущности не рассматривается. В другом заключении эксперта [Смусева 2015] о лексемах *секта*, *шарлатанка*, *мошенница* говорится, что они выражают информацию «в виде утверждения и являются выражением авторского мнения в форме оценочного суждения» [Смусева 2015: 8, 9, 12]. В аспекте рассматриваемой проблемы существенен даже не сам вывод, а его выведение из наличия оценочных компонентов смысла приведенных номинаций. Подобная логическая схема нередко используется в исследованиях: наличие оценочности, образности, экспрессии как коннотативных составляющих языковой единицы дает основания для ее характеристики как оценочной, из чего делается вывод об отнесенности к субъективной информационной группе. Денотативная составляющая номинации остается при этом вне рассмотрения. Металогическое наименование предмета, события, поступка построено по определенной модели: слово с наименования чего-либо конкретного переносится на основании сходства по какому-либо признаку на другой объект. Но денотат обозначения не меняется. В семантической структуре образных выражений различных типов, согласно их внутренней форме, в обязательном порядке присутствует коннотация. Вопрос в том, каков денотат: содержит ли он номинативно-констативную сущность или же она

полностью подавлена коннотацией; и если констатив имеет место, то какой он природы.

Если денотат по своей внутренней природе конкретен, то метафора в образной форме обозначает сообщение о событиях, «*соответствие действительности которых можно проверить*», согласно законодательной формулировке, например: *Призвать «дымящего монстра» к ответу пытались и профессиональные экологи с правозащитниками*. Существительное *монстр* указывает объективно на материальный объект и субъективно-образно представляет его опасным и страшным; эпитет *дымящий*, напротив, денотативно наполнен, так как соотносится с понятием *дымить* и указывает на осуществление этого действия. То есть в одной характеристике выражены а) сведение о том, что завод дымит, представленное как объективное; б) образное сравнение завода с монстром, выражающее субъективное представление автора, что он чудовище.

Дифференциация информации, представленной как субъективная и объективная, осуществляется на различных языковых уровнях. Так, некоторые синтаксические модели, обозначая крайние точки возможных интерпретаций, предполагают множественность трактовок и не утверждают ни одну из них, что является признаком субъективности информации, например: *Это могло быть что угодно: от недосмотра до намеренного убийства. «Политика мэра в “арбатской” проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, как минимум, поразительно нелогична. Как максимум — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов». Все возможно: само загорелось или сосед поджег*. Макроконтекстными показателями субъективности высказывания в целом могут быть жанрово-стилистические и дискурсивные факторы, например, жанр научной статьи, в которой все положения по законам дискурса – мнение автора, сложившееся по результатам исследования.

Таким образом, в лингвоэкспертной практике следует учитывать, что в одной языковой единице могут совмещаться объективный и субъективный компоненты смысла, регулярное и обязательное выделение которых избавит нас от неоправданных обобщений. При проведении лингвистической экспертизы продуктивен отказ от формально-грамматического подхода к дифференциации объективного и субъективного и анализ высказываний с рассмотрением всех аспектов, определяющих вывод: семантики, грамматики, контекста. Дифференциация объективного и субъективного с учетом обыденного восприятия высказывания, основанного на представлениях о реальности, приближает экспертные выводы к реальному восприятию реципиентов, которое в ходе лингвистической экспертизы и требуется реконструировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1973. Т. XXXII. № 1.
2. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. Аспекты семантических исследований. М., 1980. URL: <http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза: теория и практика. М., 2007.
4. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
5. Горбаневский М. В. (ред.). Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов. М., 2004.
6. Доронина С. В. Эпистемические функции коммуникативных ходов в рамках речевой стратегии дискредитации. Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2. С. 107–111.
7. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск, 2006.
8. Иваненко Г. С. Грамматическая категория модальности в ее отношении к действительности. Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2006а. № 3. С. 98–108.

9. Иваненко Г. С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства. Юрислингвистика – 10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Барнаул – Кемерово, 2010. С. 214–221.

10. Иваненко Г. С. Утверждение о факте: форма и содержание. Вторая интернет-конференция по юрислингвистике и судебной лингвистической экспертизе «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юриколингвистическая герменевтика» – 2012. URL: <http://konference.siberia-expert.com>

11. Иваненко Г. С. Вторичный текст как источник правового конфликта. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(17). С. 54–58.

12. Карагодин А. А. Первая Интернет-конференция по юридической лингвистике «Право как дискурс, текст и слово» / Форум / Сообщение от 08.01.2011. URL: <http://konference.siberia-expert.com/forum/7-21-1>

13. Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы. Вопросы языкознания. 1984. № 4.

14. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2009.

15. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

16. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 239–245.

17. Обелюнас Н. В. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.

18. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике. Семиотика и информатика. 1977. № 8.

19. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

20. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 109–145.

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (№ 3, от 24 февраля 2005 года).

22. Русская грамматика: научные труды в 2-х тт. М., 2005. Т. 1, 2.

23. Смусева А. Е. Заключение эксперта от 01.04.2015 № 615/09-2 Волгоградской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РФ по гражданскому делу № 2-457/2015.

24. Щурова И. В. Заключение специалиста от 23 марта 2011 г. Материалы уголовного дела № 1-3/11, г. Курган.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. The concept of presupposition in linguistics [Ponyatiye presuppozitsii v lingvistike]. *Izvestiya USSR Academy of Sciences, Series of literature and language*. 1973. Vol. XXXII. № 1.
2. Arutyunova N. D. To the problem of functional types of lexical meaning. The semantic Aspects of the research [K probleme funktsionalnykh tipov leksicheskogo znacheniya. Aspekty semanticheskikh issledovaniy]. Moscow, 1980. URL: <http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>
3. Baranov A. N. Linguistic expertise: theory and practice [Lingvisticheskaya ekspertiza: teoriya i praktika]. Moscow, 2007.
4. Brinev K. I. Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise [Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza]. Barnaul, 2009.
5. Gorbanevsky M. V. (ed.). Memo on the [commission of forensic expert assessment: intended for](#) judges, investigators, interrogators, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers [Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: Dlya sudey, sledovateley, doznavateley, prokurorov, ekspertov, advokатов i yuriskonsultov]. Moscow, 2004.
6. Doronina S. V. Epistemic functions of communicative moves in the framework of the speech strategies of discredit [Epistemicheskiye funktsii kommunikativnykh khodov v ramkakh rechevoy strategii diskreditatsii]. *News of Altai State University*. 2010. № 2-2. P. 107–111.
7. Ivanenko G. S. Linguistic expertise in the [proceedings on](#) protection of honor, dignity, [and](#) business reputation [Lingvisticheskaya ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii]. Chelyabinsk, 2006.
8. Ivanenko G. S. Grammatical category of modality in its relation to reality [Grammaticheskaya kategoriya modalnosti v eye otnoshenii k deystvitelnosti]. *Vestnik of Chelyabinsk state pedagogical University*. 2006a. № 3. S. 98–108.
9. Ivanenko G. S. Objective and subjective information in the context of linguistic research [of the proceedings](#) on the protection of honor and dignity [Obyektivnaya i subyektivnaya informatsiya v kontekste lingvisticheskogo issledovaniya po protsessam o zashchite chesti i dostoinstva]. *Jurilinguistic – 10: Linguoconceptology and law: interuniversity collection of scientific works*. Kemerovo; Barnaul, 2010. S. 214–221.
10. Ivanenko G. S. Statement of fact: the form and content [Utverzheniye o fakte: forma i sodержaniye]. *Proceedings of the Second Internet conference on jurilinguistics and forensic*

linguistic examination «Jurilinguistic: forensic linguistic expertise, linguoconceptology, juridicolinguistic hermeneutics» – 2012. URL: <http://konference.siberia-expert.com>

11. Ivanenko G. S. Secondary text as a source of legal conflict [Vtorichnyy tekst kak istochnik pravovogo konflikta]. Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2012. № 6 (17). Pp. 54–58.

12. Karagodin A. A. The First Internet conference on legal linguistics «Law as discourse, text, and word» / Forum / Message from 08.01.2011 [Pervaya Internet-konferentsiya po yuridicheskoy lingvistike «Pravo kak diskurs. tekst i slovo» / Forum / Soobshcheniye ot 08.01.2011]. URL: <http://konference.siberia-expert.com/forum/7-21-1>

13. Katznelson S. D. **Verbal and cogitative** processes [Rechemyslitelnyye protsessy]. Problems of linguistics, 1984. Vol. 4.

14. Kobozeva I. M. Linguistic semantics [Lingvisticheskaya semantika]. Moscow, 2009.

15. Kovtunova I. I. Modern Russian language. Word order and actual division of the sentence [Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktualnoye chleneniye predlozheniya]. Moscow, 1976.

16. Mathesius V. About the so-called actual **division** of the sentence [O tak nazyvayemom aktualnom chlenenii predlozheniya]. The Prague linguistic circle: a Collection of articles. Moscow, 1967. P. 239–245.

17. Obalones N. V. The conflict of **text** interpretations in the aspect of the opposition of **event** and evaluation information (on a material of texts of Russian media) [Konflikt interpretatsiy tekstov v aspekte oppozitsii sobyitiynoy i otsenochnoy informatsii (na materiale tekstov rossiyskikh SMI)]. Abstract of a thesis kand. filol. sciences. Kemerovo, 2012.

18. Paducheva E. V. The concept of the presumption in linguistic semantics [Ponyatiye prezumptsii v lingvisticheskoy semantike]. Semiotics and computer science. 1977. № 8.

19. Paducheva E. V. Statement and its correlation with reality [Vyskazyvaniye i ego sootnesennost s deystvitelnostyu]. Moscow, 1985.

20. Russell B. the Philosophy of logical atomism [Filosofiya logicheskogo atomizma]. Tomsk, 1999. P. 109–145.

21. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «About **common-law** practice on cases on protection of honor and dignity of citizens and business reputation of citizens and legal entities» [Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan. a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits»] (№ 3, dated February 24, 2005).

22. Russian grammar: scientific works in 2 vols. [Russkaya grammatika: nauchnye trudy v 2-h tt.]. Moscow, 2005. Vol. 1, 2.

23. Samuseva A. E. Expert opinion from 01.04.2015 № 615/09-2 of the Volgograd laboratory of judicial expertise of Ministry of justice of the Russian Federation on civil case № 2-457/2015 [Zaklyucheniye eksperta ot 01.04.2015 № 615/09-2 Volgogradskoy laboratorii sudebnoy ekspertizy Ministerstva yustitsii RF po grazhdanskomu delu №2-457/2015].

24. Shchurova I. V. Expert opinion from March 23, 2011. The Materials of criminal case № 1-3/11, Kurgan [Zaklyucheniye spetsialista ot 23 marta 2011. Materialy ugolovnogo dela № 1-3/11, Kurgan].

О. Н. Иванищева

Мурманск, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛУ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОБСТВЕННОЙ ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

В статье на материале текстов лингвистической экспертизы по делам об оскорблении представлены проблемы, встающими перед лингвистом-экспертом, указана необходимость учета экстралингвистической ситуации и прагматических факторов при анализе факта оскорбления.

Ключевые слова: оскорбление, обценная лексика, компетенция лингвиста.

Сведения об авторе: Ольга Николаевна Иванищева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и массовой коммуникации Мурманского арктического государственного университета. 183038, Мурманск, ул. Капитана Егорова, д.15. E-mail: oivanishcheva@gmail.com.

O. N. Ivanishcheva

Murmansk, Russia

FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE IN CASES OF INSULT (AS EXEMPLIFIED BY PERSONAL FORENSIC EXPERTISE PRACTICE)

Basing on the texts of forensic linguistic expertise in cases of insult the article discusses the problems facing the forensic linguist, as well as the need to take into account the extralinguistic situation and pragmatic factors when analyzing the fact of insult.

Key words: insult; obscene vocabulary; the competence of the linguist.

About the author: Olga Nikolajevna Ivanishcheva, Doctor of Philology, Professor, Chair of Russian Philology and Mass Communication, Murmansk Arctic State University. Ul. Kapitana Egorova 15, Murmansk, 183038. E-mail: oivanishcheva@gmail.com.

1. Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения взаимодействия наивного и правового сознания [Кусов 2004: 5], а различное понимание оскорбления в обыденном и в правовом сознании создает трудности в квалификации правовой нормы «оскорбление». Количество обращений в суд по поводу оскорблений, а

особенно оскорблений словом неуклонно растет, а исследователи-лингвисты, анализирующие журналистские тексты, официальные и личные письма и иные продукты речевой деятельности с лингвоэкспертной позиции, как правило, сталкиваются с определенным кругом проблем при установлении в том или ином слове негативной (оскорбительной) окраски.

Помимо прочего, дискуссионным является вопрос и о методике проведения лингвистической экспертизы по делу об оскорблении. Несмотря на многочисленные разработки в области судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, единой методики не существует. Такое положение обуславливается разобщенностью разработок, ведущихся различными научно-исследовательскими коллективами экспертных (государственных и негосударственных) и научных учреждений. Сложившаяся ситуация противоречит ст. 11 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31 мая 2001 года, где указано, что государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов. Необходима разработка единого общепринятого научно-методического подхода и понятийного аппарата судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении [Подкатилина 2016: 393].

Цель статьи – представить основные проблемы и пути их решения в вопросе проведения судебной лингвистической экспертизы по делу об оскорблении в зале судебного заседания.

Материалом исследования явились тексты судебных лингвистических экспертиз в количестве 15 экспертиз, проведенных автором статьи в 2009–2015 годах, Постановления Пленума Верховного суда РФ и другие юридические документы. Источником языкового материала послужили толковые словари современного русского языка, словарь русской разговорной

речи, словарь русского жаргона, словарь пословиц и поговорок, а также словарь языка русских жестов.

2. Основная часть

2.1. Цель и задачи судебной лингвистической экспертизы по делу об оскорблении

Предметом экспертизы материалов по делам об оскорблении являются лингвистические признаки унижения и неприличной формы выражения, имеющие значение для уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении. Объектом лингвистической экспертизы материалов по делам об оскорблении является высказывание как продукт коммуникативной деятельности, реализованный в устной или письменной форме, имеющий смысловое содержание и коммуникативную цель. Основная задача при проведении исследований данного вида заключается в установлении наличия / отсутствия в тексте лингвистических признаков унижения и неприличной формы его выражения. Задачи судебной лингвистической экспертизы по делу об оскорблении сводятся к следующим пунктам: 1) установление факта нарушения правила легитимности в коммуникативном взаимодействии: соответствует ли способ и канал коммуникативной трансляции языкового кода уровню порога стилистической оправданности; 2) констатация события достоверности коммуникативной перверсии: конфликтное высказывание содержит мнение или утверждение (юридический факт); 3) установление юридического события перверсивной достаточности: а) уголовно-правовая норма – неприличная форма, гражданско-правовая норма – порочащий характер сведений (правовой критерий); б) определение степени коммуникативной прозрачности речевого портрета языковой личности (лингвистический критерий), то есть способности информации влиять на социальную привлекательность лица, подвергшегося вербальной перверсии [Шабанов 2010: 176].

В научной литературе о подходах в проведении лингвистической экспертизы по конфликтным высказываниям Г. В. Кусов намечает три направления:

1) анализ намерений автора, представляющий общенаучный интерес в рамках теории речевого акта, так как данная методика не несет никакой правовой нагрузки, ибо в конечном итоге лингвистическая экспертиза является средством доказывания по уголовным или гражданским делам в рамках ст. 80 УПК РФ или ст. 79-87 ГПК РФ;

2) анализ приемов и способов, ведущих к оскорблению, анализ «наиболее частотных ходов тактик нанесения обиды, издевки и оскорбления»;

3) анализ сложного корпуса этнических, психологических, моральных и этических составляющих концепта «оскорбление», опирающийся на общую концептуальную модель оскорбления, основанную на нормах морали, этики, поведения человека в обществе, одним словом, анализ несоответствия поведения личности результатам ее социализации [Кусов 2004: 60–61].

Н. Д. Голев, подводя итог последним публикациям по развитию темы «оскорблений и оскорбительности» в лингвистике, справедливо заметил, что «субъективизм, недостаточная убедительность выводов, неопределенность и слабая эксплицированность методик, оценок и доводов свидетельствуют о слабой проработанности принципов и критериев филологического решения таких вопросов. Видимо, дело это новое, не освоенное ни судами, ни экспертами-филологами, и требующее определенной регламентации. А жизнь показывает, что эта важнейшая область общественного бытия требует высокого профессионализма, предполагающего специфическую подготовку. Для осуществления экспертной деятельности требуется определенная научная база, включающая специфическую расшифровку кодифицированных норм, принципов, методик, терминологического аппарата» [Голев 2002: 29].

На необходимость пересмотра диагностических признаков оскорбления в судебной лингвистической экспертизе указывает М. Л. Подкатилина [Подкатилина 2016].

2.2. Проблемные вопросы в делах об оскорблении в связи с проведением лингвистических экспертиз

Нами проводились судебные лингвистические экспертизы по делу об оскорблении в течение 6 лет (2009–2015). Факт оскорбления в исследуемых текстах происходил во время судебных заседаний и был адресован участникам судебного заседания. В качестве предмета экспертизы рассматривались в числе прочих следующие оскорбления: *«Да пошел ты на х...й»*; *«это дуристика!»*; *«если Вы, уважаемая истица с таким приветом»*; *«Собаке – собачья смерть, а ты же у нас собака!»*; *«Я извиняюсь только за слово «мразь», которое к вам не подходит, Вы не мразь, Вы больше»*; *«Слушай ты, рот закрой, «козел»»*; *«Не делай из себя дуру!»*; *«Ты что, тварь»*; *«Дура тупая!»*; *«Хватит врать, Вы из-за денег хотите лишить меня родительских прав. Какие Вы все мерзкие!»*; *«Слышь ты, чучело длинное, придурок, я тебе сейчас устрою»*; *«Сука, если меня посадят, пойдешь на х..й жить в подвал»*.

Эти и подобные случаи требовали анализа стилистической принадлежности слов, являющихся объектом стилистической экспертизы, а также анализа их семантической структуры. Такой анализ определял обращение прежде всего к толковым словарям современного русского языка, словарям разговорной речи и жаргонизмов.

Рассуждая об особенностях проведения судебной лингвистической экспертизы по делу об оскорблении, М. М. Шабанов дает следующие рекомендации лингвистам: «при проведении независимой лингвистической экспертизы экспертам необходимо соблюдать ряд рекомендаций: 1) выполнять требование процессуальной нормы (лингвистическая экспертиза не может содержать юридической квалификации); 2) учитывать многофункциональность языка, например, инвектива может как оскорбить, так и выразить внутреннее состояние эмитента; 3) экспертиза должна на примерах показывать стратегии вербальной перверсии, то есть определять приемы ее достижения, показывать, каким способом было достигнуто оскорбление; 4) эксперт должен правильно определять предмет экспертизы, то

есть ограничивать собственно лингвистическую часть экспертизы от юридической. При проведении лингвистической экспертизы конфликтных высказываний имеет значение не речевая стратегия достижения результата, а само покушение на честь, достоинство и деловую репутацию личности» [Шабанов 2010: 176].

Первый вопрос, который поднимается учеными в связи с делами об оскорблении, – это в какой степени лингвист компетентен делать заключения по этому вопросу (см. об этом: [Бринев 2014: 88–89]). Юристы нередко обнаруживают упрощенное, наивное представление о собственно лингвистической сути дела, а лингвисты, в свою очередь, затрагивают в лингвистическом исследовании такие темы, которые не интересуют правоведов, так как они не влияют на правильную юридическую квалификацию правовой нормы, но дают правовые квалифицирующие определения, что относится к прерогативе суда (например, «оснований для судебного иска нами не усматривается»; «к сожалению, нравственные проблемы не прерогатива суда»; «в тексте экспертизы нет ни одного факта, не соответствующего действительности» и др.) [Голев 2002: 32].

Наш опыт в области проведения судебных лингвистических экспертиз показывает, что вопрос об оскорблении встает прежде всего в связи с употреблением обценной лексики и / или лексики со сниженной стилистической окраской. Данный факт входит в компетенцию лингвиста, поэтому, с нашей точки зрения, дела об оскорблении могут и должны рассматриваться лингвистами.

Принадлежность слова к группе неприличной лексики также вызывает много вопросов у специалистов. Так, М. Л. Подкатилина отмечает, что, исходя из методики, не ясно, каковы должны быть действия эксперта в случае, если ни в словарях современного русского литературного языка, ни в словарях субстандартной лексики русского языка анализируемых лексических единиц не встречается. В таких случаях, исходя из экспертной практики, необходимо обращаться к Национальному корпусу русского языка, но это должно быть

отражено в методике производства судебной лингвистической экспертизы [Покатилина 2016: 393].

Второй вопрос, возникающий при проведении судебной лингвистической экспертизы в связи с делом об оскорблении, – это в какой степени необходимо учитывать экстралингвистическую ситуацию при анализе факта оскорбления. Логичным кажется подход, при котором необходимо учитывать весь речевой акт, ситуативный контекст. Однако при проведении экспертизы на практике зачастую лингвист-эксперт не получает необходимой информации о ситуации, имея на руках лишь копию протокола судебного заседания. Поэтому лингвист не имеет возможности оценить, например, интонационный рисунок высказывания, выражение лица, жесты оскорбляющего и оскорбляемого. В нашей практике случай, когда в протоколе был указан сопутствующий высказыванию жест, был единичным.

Третий вопрос касается необходимости включения в сферу внимания лингвиста-эксперта фактора направленности оскорбления на конкретное лицо. Оскорбление как речевой акт обязательно направлено на конкретное лицо – адресата оскорбления. Доказать такую направленность представляется достаточно сложной задачей. Нам кажется, что частеречная характеристика анализируемого слова может помочь в данном случае: междометие как часть речи, обозначающая реакцию на окружающую действительность, такую направленность не выражает, а, например, дейктические слова выражают.

3. Заключение

Оскорбление понимается как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме (ст. 130 УК РФ) и имеет три признака: 1) направленность на унижение чести и достоинства; 2) неприличная форма; 3) умышленный характер деяния. С семантической точки зрения оскорбление содержит два компонента: 1) адресату оскорбления приписывается какая-то отрицательная характеристика, 2) эта отрицательная характеристика выражается в неприличной форме. Оскорбление близко и к акту утверждения, и к акту побуждения. Оскорбляя, говорящий стремится

добиться реакции от адресата оскорбления и хочет подтвердить или повысить свой статус. Оскорбление как речевой акт обязательно направлено на конкретное лицо – адресата оскорбления. Оскорбление может иметь выражение и в форме жестов. При проведении лингвистической экспертизы конфликтных высказываний имеет значение не речевая стратегия достижения результата, а само покушение на честь, достоинство и деловую репутацию личности. Наше исследование подчеркивает необходимость включения в сферу внимания лингвиста-эксперта экстралингвистического и прагматического факторов – направленность оскорбления на конкретное лицо, наличие жестов и указание на частеречную характеристику анализируемого слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бринева К. И.* Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. М., 2014.
2. *Голев Н. Д.* Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика–3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул, 2002. С. 5–13.
3. *Кусов Г. В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
4. *Подкатилина М. Л.* Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С. 389–394.
5. *Шабанов М. М.* Особенности проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2010. № 2. С. 175–179.

REFERENCES

1. Brinev K. I. Forensic Linguistic Expertise: Methodology and Methods [Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza: metodologija i metodika]. Moscow, 2014.
2. Golev N. D. Acute Problems of Forensic Linguistic Expertise [Aktual'nye problemy jurislingvisticheskoi jekspertizy]. Jurislingvistika-3: Problemy jurislingvisticheskoi jekspertizy – Trial Linguistic Expertise-3: Problems of Trial Linguistic Expertise. Barnaul, 2002. P. 5–13.

3. Kusov G. V. Insult as an Illocutionary Linguocultural Concept [Oskorblenie kak illokutivnyj lingvokul'turnyj koncept]: PhD thesis. Krasnodar, 2004.

4. Podkatilina M. L. Forensic Linguistic Expertise in Insult Cases [Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza po delam ob oskorblenii]. Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki – News of Tula State University. Economic and juridical sciences. 2016. Vol. 3-2. P. 389–394.

5. Shabanov M. M. Peculiarities of Carrying out the Forensic Linguistic Expertise in Insult Cases [Osobennosti provedenija sudebnoj lingvisticheskoy jekspertizy po delam ob oskorblenii]. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Obshhestvennye nauki –Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Social Sciences. 2010. Vol. 2. P. 175–179.

Ю. Ю. Литвиненко

Омск, Россия

ВОПРОС О ВЗАИМОПОНИМАНИИ СОБЕСЕДНИКОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТОВ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЛАМИ О КОРРУПЦИИ

В статье рассматривается один из возможных вариантов методологии лингвистической экспертизы текстов, связанных с делами о коррупции. Перед экспертом ставится задача определить предмет разговора, его содержание, установить наличие взаимопонимания между собеседниками.

Ключевые слова: предмет разговора, смысловое содержание, понимание.

Сведения об авторе: Юлия Юрьевна Литвиненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и лингводидактики Омского государственного педагогического университета. 644099, Омск, ул. Партизанская, 4а, 2-й корп. ОмГПУ, к. 204. E-mail: julitv@mail.ru.

J. J. Litvinenko

Omsk, Russia

ON THE ISSUE OF INTERLOCUTOR MUTUAL UNDERSTANDING AS APPEAR IN FORENSIC EXPERTISE OF THE TEXTS LINKED TO CORRUPT PRACTICES

The article is dedicated to one of possible options of methodology of forensic expertise of the texts connected with corruption practices. The expert is challenged to define a topic of conversation, its contents, to trace existence of mutual understanding between interlocutors.

Key words: topic of conversation, semantic meaning, understanding.

About the author: Julia Juriyevna Litvinenko, Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian and lingvodidactics, Omsk State Pedagogical University. St. Partizanskaja, 4a, korp. 2 OmGPU, k. 204, Omsk, 644099. E-mail: julitv@mail.ru.

Основным объектом судебно-лингвистической экспертизы и криминалистического исследования является результат речевой деятельности – речевое произведение, которое подвергается правовой квалификации для установления факта правонарушения. На основе имеющихся специальных познаний в области филологии, применяя современные методики лингвистического анализа, эксперт может правильно понять, интерпретировать

завуалированный вербальный текст и его глубинный смысл, коммуникативное намерение автора (соавторов), дешифровать авторские интенции, распознать и правильно оценить необычные условия порождения или последующие изменения речевого продукта тем же или иным автором (соавтором).

В задачи исследования, проведенного нами в 2009 году, входило установление предмета и содержания разговоров, представленных на аудиозаписи и в стенограмме, и выявление степени взаимопонимания собеседников. При ответе на вопросы мы опирались на следующие исходные понятия и теоретические положения.

Смысл – это содержание (значение), которое слово (выражение, оборот речи и т. п.) получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации (ситуации общения). Ситуация общения, называемая также контекстом ситуации, не тождественна лингвистическому контексту, непосредственному окружению слова, которое во многих случаях не выполняет достаточно определенной дифференциальной (различительной) функции. Для адекватного восприятия и интерпретации смысла разговора у участников должны быть общие фоновые знания, то есть знания о внеязыковой действительности.

Таким образом, смысловое содержание какого-либо разговора в полной мере может быть понято только при учете экстралингвистических факторов, то есть знаний об отношениях между участниками разговора, роде их деятельности, личностных характеристиках, социальном положении, а также знаний о событиях, предшествовавших разговору.

Предметом лингвистической экспертизы является лингвистический контекст, эксплицирующий (открывающий) часть смысла беседы в значениях слов, их взаимосвязи в тексте. Имплицированная (скрытая) часть смысла не относится к сфере лингвистики и не является целью данного исследования.

Диалог – это разговор двух или нескольких лиц, форма речи, состоящая из обмена репликами. Основной единицей диалога является диалогическое единство – смысловое (тематическое) объединение нескольких реплик,

представляющее собой обмен мнениями, высказываниями, каждое последующее из которых зависит от предыдущего. Содержанием диалога является совокупность диалогических единств [Тумина 2005: 533-535]. Описывая содержание разговора, эксперт должен сопоставить реплики, представляющие собой диалогическое единство, и выявить структурно-семантические части целого диалога.

Взаимопонимание участников диалога основано на точном декодировании и интерпретации сообщений. Правильная интерпретация считается состоявшейся, если реципиент (получатель информации) трактует основную идею текста в соответствии с замыслом коммуникатора (отправителя информации). Если реципиент усвоил, для какой цели порожден данный текст, что именно хотел сказать его автор с помощью всех использованных средств, можно утверждать, что он интерпретировал текст адекватно. Неадекватное понимание устного (и письменного) сообщения у отправителя и получателя может привести к серьезным ошибкам во время выработки и принятия решения [Падучева 2003: 480–481].

Предложенные для лингвистической экспертизы диалоги относились к разговорному стилю речи и происходили в условиях непосредственного общения собеседников. Поэтому они имели такие значимые для их анализа особенности, как приблизительность в передаче смысла того, о чем идет речь, и неточность конкретизации, обусловленные общим опытом, знаниями участников разговора. Сигналами неточности, приблизительности выражения являются местоимения (например, *это, это самое, что-то*), частицы (например, *ну, вот, как бы, вроде*), некоторые наречия (например, *там*). В случае непонимания, затруднения в интерпретации сообщения адресат имеет возможность переспроса с целью уточнения информации, получения необходимых объяснений. Разговор как речевой акт имеет обязательные структурные компоненты: отправитель (адресант) и получатель (адресат), меняющиеся ролями, языковой код, предмет речи, высказывание, контекст.

В целях лингвистического исследования необходимо уточнить содержание понятия «предмет речи». Предмет речи (референция, тема) – это то, о чем говорят участники речевого акта и по поводу чего происходит обмен информацией. Этот компонент связан со знаниями о реальной действительности. Для лингвиста реальная действительность – это действительность, которая подается говорящим как реальная. Предмет речи обнаруживается методом выявления ключевых слов в тексте диалога и анализа их совпадения в репликах участников разговора.

Необходимым условием протекания коммуникации является совпадение контекста, предполагаемого говорящим, и контекста, используемого слушающим в процессе декодирования. Адресуя словесно оформленную мысль собеседнику, инициатор разговора ставит целью оказать на него определенное воздействие (спросить, призвать, убедить, одобрить и т. п.). Чтобы запланированный эффект был достигнут, слушатель должен понять, какая информация передается, что от него требуется, как именно он должен реагировать в ответ на услышанное. Говорящий должен учитывать исходные знания слушателя, обеспечивающие адекватное восприятие намерения и мысли. В речевом действии он обязан соотнести известное с неизвестным, ориентироваться на интеллектуальный уровень слушателя, знание культуры, средства выражения. Однако даже в тех случаях, когда говорящий учтет все факторы для адекватного восприятия его намерения и мысли, у слушающего может возникнуть неполное понимание. Это объясняется тем, что декодирование только частично определяется имеющейся в тексте сообщения информацией, в значительной степени оно управляется теми представлениями, которые есть у слушающего относительно намерений говорящего [Петрова 2005: 604–605].

Проанализировав аудиозапись и стенограмму к ней, мы определили предмет разговора следующим образом: «обсуждение дела, за выполнение которого берется С. в интересах Н.». О понимании предмета разговора свидетельствуют содержащиеся в репликах С. и Н. повторяющиеся слова, слова одной тематической группы, которые в ходе диалога комментируются его

участниками, местоименные замены, связывающие реплики диалога, и другие лексико-семантические средства связи реплик-предложений, а также наличие в тексте диалога вопросно-ответных смысловых единств. Приведем некоторые примеры.

(1) На реплику-запрос Н-ой *«Андрей, ты расскажи вообще вот всю суть»* С. отвечает репликой-объяснением, в которой описывает детали дела: *«Короче, объясняю популярно. Сейчас мы отдаем 120 тысяч. Ну, 20 уйдет непосредственно посредникам. 100 идет непосредственно судье», «То есть мы проплачиваем, он забирает себе дело. Все»*. В ответной реплике Н., демонстрируя понимание, производит местоименную замену *«Андрей, а ты гарантируешь мне вообще, что это 100 процентов?»*

(2) Обсуждая сроки предоставления денег, собеседники употребляют слова тематической группы «время» и таким образом выражают взаимопонимание. Н.: *«... Если мы на четвертое деньги... просто сейчас...»*, С.: *«... но только до выходных»*, Н.: *«... вот четвертого числа...»*, С.: *«... потому что уже дело уже в суде»*, Н.: *«Я понимаю, четвертого числа кровь из носу...»*, *«Ну все тогда Андрей до четвертого, это железно, я четвертого буду здесь в любом случае. Я уже третьего дома буду»*, С.: *«Тань, я вот тебе говорю, вот единственно, что до окончания вот этих праздников»*.

(3) Затрагивая вопрос о сумме платежа, оба собеседника оперируют лексикой тематической группы «количество», спорят и таким образом выражают взаимопонимание. Н.: *«... Потому что я суммы-то не знала какой. Он мне говорит деньги, деньги, а сколько, я как бы не это, я говорю ладно уж»*, С.: *«Изначально как было 120 так оно без изменений и осталось»*, Н.: *«Ну а много все равно Андрей. Сумма-то большая»*, С.: *«Это не много»*, Н.: *«Почему не много?»*, С.: *«Это еще что у меня есть прямой выход, мой непосредственно, так что это маленькая сумма за два и десять»*.

(4) Говоря о личности третьего лица, собеседники демонстрируют понимание посредством лексического повтора и продолжения реплик друг друга. С.: *«То есть видишь, ну, за Андрюху почему мы беремся? Потому что у*

него нету иска – во-первых, что вот сейчас в суде основное то идет. Что у него масса поощрений, что у него нету взысканий. Там одно было когда-то давным-давно», Н.: «Так у него на тюрьме одно там выскочило. Мы и не знали», С.: «И одно здесь...», Н.: «И здесь, когда с оделоном с этим каким-то там, и то не его. Так а поощрений то целая куча, считай», С.: «Если бы он был, естественно, отрицательным, то мы... смысл какой то за него браться!»

Кроме того, понимание друг друга собеседники выражают посредством слов «угу», «ну», «ясно», «понятно», «ладно», «я понимаю», «ну все», «хорошо».

Таким образом, можно утверждать, что каждый из собеседников (С. и Н.) понимал обозначенный выше предмет разговора.

Содержание данного разговора выявляется через сопоставление реплик, представляющих диалогическое единство. В результате лингвистического анализа в разговоре С. и Н. нами выделено пять структурно-смысловых частей.

(1) Обсуждение сути дела, за которое берется С.

После приветствия и идентификации личности женщины (С.: «Таня?», Н.: «Она самая была с утра. К вечеру может не изменится. Еще раз приятно», С.: «Привет») Н. выражает просьбу подробно разъяснить ей, в чем заключается существо дела, в котором собеседники принимают участие: «Андрей, ты расскажи вообще вот всю суть», «Все поверхностно, все вот так вот, по сумме не это. Все что-то отрывками, уловками какими-то, понимаешь?». В ответ С. описывает весь порядок действий: «Короче, объясняю популярно. Сейчас мы отдаем 120 тысяч. Ну, 20 уйдет непосредственно посредникам. 100 идет непосредственно судье», «То есть мы проплачиваем, он забирает себе дело. Все».

Н. высказывает свое беспокойство по поводу благополучного завершения затеваемого мероприятия: «Андрей, а ты гарантируешь мне вообще, что это 100 процентов?», «Андрей, ну ты же... ты же... я ж тебе говорю... объясняю... понимаешь, это вот дело то в таком, видишь как! Не я же первая такая. Люди и побольше отдают и то же за результат...». С. старается заверить

собеседницу в благополучном исходе дела: *«Я понимаю. Ну если мы не беремся, то мы не беремся за это. А если уже беремся, то мы доводим уже до ума».*

Заметим, что в своих репликах, касающихся субъекта – производителя действия, С. употребляет местоимение «мы» и глаголы в форме первого лица множественного числа, тем самым давая понять, что он действует не один, а совместно с кем-то еще (*«если мы не беремся», «если уже беремся, то мы доводим уже до ума»* и т. п.).

(2) Обсуждение вопроса о сроке предоставления денег.

Слово «деньги» является ключевым в данном структурно-смысловом отрезке речи, так как оно неоднократно употребляется собеседниками. Н., ссылаясь на собственную занятость (*«Потому что я тебе говорю, что столько планов, столько всего»*) и некие проблемы (*«у меня там тоже с этими деньгами тоже... с магазином чуть не до банкротства это все доходит с этими кризисами со всеми остальными»*), делает предложение С-ву по поводу срока предоставления денег: *«Слушай, Андрей, давай вот как-нибудь, знаешь, я что приехала пораньше. Если мы на четвертое деньги... просто сейчас...».* С., понимая суть данного предложения и принимая его, употребляет временное ограничение (*«но только до выходных»*), мотивируя это тем, что *«дело уже в суде».*

По ходу разговора Н. просит уточнить сумму (*«... Потому что я суммы то не знала какой. Он мне говорит деньги, деньги, а сколько, я как бы не это, я говорю ладно уж», «не, он даже сумму то мне просто обозначил сумму – деньги, то есть не говорил мне 50, 100, 200, 300 там, ничего он не говорил такого... Он говорит, давай ты встретишься и уже на месте сама с Андреем поговорите, потому что как бы ну, такие дела тоже»*) и способ ее предоставления (*«Андрюш, а там вообще как, полностью сумму да? Там придется отдавать?»*). С. отвечает на просьбу уточнением: *«Изначально как было 120 так оно без изменений и осталось», «Да, сразу, потому что они не работают так».*

Н. вновь просит гарантии того, что дело состоится благополучно, на это С. отвечает заверением, что в случае неудачного исхода все деньги она получит

назад (*«Деньги, если вдруг, но такого не бывает, если что, то деньги все вернутся»*) и что он сам не собирается ее обманывать и никуда не скроется (*«Ну я то куда с тюрьмы то денусь», «Объясняю популярно. Я работаю в тюрьме. Мне вот этот статус фуфлыжника тоже не нужен. Если мы беремся, то естественно до ума доводим»*).

(3) Обсуждение личности человека, ради которого предпринимается данное дело.

Н. рассказывает С-ву о некоем Л., который находится в заключении вместе с Андреем Ф. и который якобы попадал в похожую ситуацию: *«Тот же вот УДО подходит», «Ну, вот короче вот тоже вот в как бы ну, УДО в первый раз его кинули, а сейчас тоже вариант такой как бы ну, вот вроде как собирает документы, но тоже не факт, что он пойдет вообще куда-то»*. Таким способом женщина в очередной раз выражает свою обеспокоенность. В ответ С. пытается объяснить, почему он взялся за дело Ф. и почему уверен в его успешности: *«Если по Ф-ву вот мы беремся, что он такой положительный весь такой, весь такой хороший, пушистый и мягкий», «Если бы он был отрицательным, то ну, даже смысла нету никакого за него браться», «То есть видишь, ну, за Андрюху почему мы беремся? Потому что у него нету иска – во-первых, что вот сейчас в суде основное то идет. Что у него масса поощрений, что у него нету взысканий. Там одно было когда-то давным-давно»*. Положительная характеристика личности Ф. дает основание С. быть уверенным в благополучном исходе дела.

(4) Возвращение к вопросу о сроке предоставления денег.

Собеседники подтверждают предыдущую договоренность (Н.: *«Давай четвертого?»*, С.: *«Ну все. Хорошо. Но до окончания праздников»* – обмен подобными репликами происходит четыре раза). При этом С. пытается вселить уверенность в собеседницу: *«Да не волнуйся ты», «Сильно не волнуйся. Все будет нормально», «Мы никого не обманываем и не обманули еще, можешь даже у Ф. спросить. Если мое слово, то по крайней мере что-то значит»*.

В ходе разговора возникает микротема «размер суммы». Н.: *«Ну а много все равно Андрей. Сумма то большая»*, С.: *«Это не много»*, Н.: *«Почему не много?»*, С.: *«Это еще что у меня есть прямой выход, мой непосредственно, так что это маленькая сумма за два и десять»*.

Поясняя, почему деньги должны быть предоставлены «до окончания праздников», С. описывает механизм осуществления дела: *«Потому что праздники заканчиваются и дело может уйти куда-нибудь другому судье. Пока оно лежит еще в секретариате. То есть мы сразу заплатим, судье, который нам нужен, он сразу берет его к себе на рассмотрение. И все»*. Таким образом, С. объясняет, что есть некий «нужный» судья, который может за некоторую сумму взять дело на рассмотрение.

(5) Обсуждение «проблемы» С-ва и завершение разговора.

Желая, по-видимому, продемонстрировать свою осведомленность (Н.: *«Нет, это не от Ф., я ... у меня просто так, у меня тоже там которые знаешь, так, над Ф., сверху, он тоже многого не знает, что я там, чуть-чуть...»*), Н. напоминает С-ву о неких проблемах, которые были у него: *«Я там тоже слышала у тебя какие-то проблемы были»*. С. не скрывает, что у него были проблемы «давно в прошлом» и что ему «пытались сделать поднос наркотиков», и завершает разговор вновь заверениями: *«Тань, ты главное не волнуйся. Мы все сделаем как надо»*.

Таким образом, опираясь на методы лексико-семантического, семантико-синтаксического, контекстуального анализа диалога, эксперт счел возможным ответить на поставленные перед ним вопросы: определить предмет разговоров, описать их смысловое содержание, установить наличие взаимопонимания между собеседниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева Е. В. Ситуация речевая. Русский язык: Энциклопедия. М., 2003. С. 480–481.
2. Петрова С. Н. Контекст декодирования. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. М., 2005. С. 604–605.

3. Тумина Л. Е. Диалог. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. М., 2005. С. 533–535.

REFERENCES

1. Paducheva Ye. V. Situation of speech [Situatsiya rechevaya]. Russkiy yazyk: Entsiklopediya – Russian: Encyclopedia. Moscow, 2003. P. 480–481.

2. Petrova S. N. Context of decoding [Kontekst dekodirovaniya]. Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika: Slovar'-spravochnik – Effective communication: history, theory, practice: Dictionary-Directory. Moscow, 2005. P. 604–605.

3. Tumina L. Ye. Dialog [Dialog]. Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika: Slovar'-spravochnik – Effective communication: history, theory, practice: Dictionary-Directory. Moscow, 2005. P. 533–535.

ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 81'38:659.13, ББК 81-5:76.0, ГРНТИ 16.21.33 + 19.21.07, КОД ВАК 10.02.19

И. В. Высоцкая

Новосибирск, Россия

ТИПЫ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В РЕКЛАМЕ

В статье характеризуется рекламная коммуникативная модель и рассматриваются на основании методов лингвистического описания и интерпретации типы коммуникативных неудач в современной российской рекламе. Непосредственное лингвистическое наблюдение и системное описание языкового материала дополняется дискурсным и медиалингвистическим анализом. Исследование носит интерпретационно-вероятностный характер. Рекламная коммуникация характеризуется как массовая, использующая широкий арсенал форм воздействия на адресата и средств распространения информации, как акционная, агональная, манипулятивная. Поскольку она является частью не только маркетинговой, но и культурной сферы общественной жизни, то наряду с коммерческой обладает коммуникативной, эстетической и этической ценностью. Коммуникативная неудача трактуется как низкая узнаваемость и запоминаемость рекламного произведения, а также его непритягательность, общественное неодобрение и противоречие нормам морали и права. Причинами неудач в сфере рекламы могут быть недостаточный учет характера адресата, некорректное использование языковых и изобразительных средств, а также прагматические факторы. На основании анализа рекламных произведений разных жанров типология коммуникативных неудач в рекламе (с возможностью выделения двух уровней деления) может быть представлена следующим образом:

1. Диссонанс ментальных миров коммуникантов:

а) противоречие культурной традиции;

б) использование прецедентных феноменов, актуализирующих негативную историческую память, вызывающих негативные ассоциации или нарушающих нормы этики;

с) нераспознавание прецедентных феноменов.

2. Характер коммуникативного текста:

- a) использование конструкций с языковым отрицанием;
- b) двусмысленность;
- c) ненормативность.

3. Обстоятельства общения:

- a) неудачный выбор места размещения рекламы;
- b) нарушение композиционной целостности рекламного произведения (оторванность от контекста);
- c) «навязанный» контекст;
- d) некорректное оформление.

Все три типа коммуникативных неудач подвергаются правовому регулированию – статьями Федерального закона. Юридизация рекламной коммуникации обеспечивает механизмы воздействия общества на индустрию рекламы и создает условия для перевода акционной коммуникативной модели в интеракционную.

Ключевые слова: коммуникативная неудача, ментальные миры коммуникантов, коммуникативный текст, обстоятельства общения.

Сведения об авторе: Ирина Всеволодовна Высоцкая, доктор филологических наук, профессор кафедры семиотики и дискурсного анализа Новосибирского национального исследовательского государственного университета. 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, к. 1221. E-mail: vysotskya@mail.ru.

I. V. Vysotskaya

Novosibirsk, Russia

TYPES OF COMMUNICATION FAILURES IN ADVERTISING

The article describes an advertising communicative model and examines the types of communicative failures in modern Russian advertising basing on methods of linguistic description and interpretation. Direct linguistic observation and systemic description of linguistic material is complemented by discourse and mediallyinguistic analysis. The study is of an interpretative nature. Advertising communication uses many forms of influence on the addressee and means of dissemination of information, such as promotional, agonal, and manipulative. Since it is part of not only marketing but also the cultural sphere of public life, it also has a communicative, aesthetic and ethical value along with a commercial one. Communicative failure is interpreted as low recognition and memorability of the advertising work, as well as its unassailability, public disapproval and contradiction with the norms of morality and law. The reasons for failures in advertising can be

insufficient account of the nature of the addressee, incorrect use of linguistic and visual means, as well as pragmatic factors.

Basing on the analysis of advertising works of different genres, the typology of communicative failures in advertising can be represented as follows:

1. Dissonance of the mental worlds of communicants:

a) the contradiction of the cultural tradition;

b) the use of precedent phenomena, actualizing negative historical memory, causing negative associations or violating norms of ethics;

c) non-recognition of precedent phenomena.

2. The nature of the communicative text:

a) use of constructions with language negation;

b) ambiguity;

c) non-normality.

3. Circumstances of communication:

a) unsuccessful choice of the location of advertising;

b) violation of the compositional integrity of the advertising work (isolation from the context);

c) «imposed» context;

d) incorrect design.

All three types of communicative failures are subject to legal regulation - articles of the Federal Law. The legalization of advertising communication provides mechanisms for the impact of society on the advertising industry and creates the conditions for translating the communicative model into an interactive one.

Key words: communicative failure, mental worlds of communicants, the communication text, circumstances of communication.

About the author: Irina Vsevolodovna Vysotskaya, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Semiotics and Discourse Analysis, Novosibirsk National Research State University. Ul. Pirogova 1, office 1221. Novosibirsk, 630090. E-mail: vysotskya@mail.ru.

Современная реклама представляет собой явление массовой коммуникации, синтезирующее экономические, социальные, культурные, филологические, философские, этические, эстетические, правовые и другие проблемы. Она привлекает внимание яркой «палитрой» средств выразительности и влиянием на жизнь современного общества. Так, по словам,

Ю. В. Шатина, «мы воспринимаем рекламу не потому, что этого хотим мы, а потому, что этого хочет реклама» [Шатин 2013: 64]. Исследование коммуникативных неудач в сфере рекламы представляется важной задачей.

Понимание коммуникации как деятельности, содержанием которой является обмен информацией для достижения взаимодействия, воплощено в коммуникативной модели [Городецкий 1989], на основании которой реклама может быть охарактеризована следующим образом.

1. **Массовая коммуникация** определяет характер **коммуникантов**. Реклама адресована группе потребителей и часто создается авторским коллективом. Только у простейших рекламных текстов автор рекламной идеи самостоятельно воплощает ее, профессиональный подход предполагает специализацию: разработкой идеи может заниматься один из работников отдела сбыта или отдел рекламы, созданием рекламного произведения один дизайнер, но чаще дизайнер и текстовик, если не большой коллектив исполнителей.

2. **Обстоятельства общения** определяет ряд факторов: разновидность рекламы, канал, время и место ее распространения и проч.

3. **Система коммуникативных замыслов** в рекламе сложна и неоднородна. Коммуникативная цель привлечения внимания может варьироваться в зависимости от жизненного цикла товара (выход на рынок – расцвет – зрелость – упадок): информация о новинке, развитие спроса; напоминание, отстройка от конкурентов и др. Практическая цель определяется когнитивной моделью, формулой товарного мифа [Шатин 2013: 65]. Известная модель Элмера и Левиса (1896) AIDA **attention – interest – desire – action** (внимание – интерес – желание – действие) дополняется в модели AIDMA таким важным звеном, как мотив. Желая продать товар (или услугу), рекламодатель продает идею, апеллирует к рациональным, эмоциональным, социальным мотивам. В этом – заведомая манипулятивность рекламы.

4. **Коммуникативные процессы** характеризуются активностью адресанта и предполагают практические, выгодные ему, действия адресата. Это

субъектно-объектные, неравноправные отношения, контролируемые субъектом, при которых обратная связь коммуникатора с аудиторией выступает как механизм социального управления [Шарков 2010: 461].

5. Коммуникативный текст может быть моно-, ди- или поликодовым, сверхкратким или достаточно полным, может строиться по определенным правилам, в определенной стилистике, характеризоваться определенным набором языковых средств и т. п.

Итак, рекламная коммуникация может характеризоваться как массовая, использующая широкий арсенал форм воздействия на адресата и средств распространения информации, как акционная, агональная, манипулятивная. Важно, что она является частью не только маркетинговой, но и культурной сферы общественной жизни, поэтому наряду с коммерческой реклама обладает коммуникативной, эстетической и этической ценностью. Коммуникативная эффективность рекламы оценивается по четырем основным критериям: 1) распознаваемость, 2) запоминаемость, 3) притягательная сила рекламы и 4) ее агитационная сила [Ухова 2013: 37].

Коммуникативная неудача последовательно определяется как «недостижение цели коммуникации» [Стернин 2003: 10], как «полное или частичное непонимание высказывания участником коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего или пишущего» [Азимов 2009: 99]. Это – «сбой в общении», при котором речевое произведение не выполняет своего предназначения [Городецкий 1989: 23]. Сбой может создавать дискомфорт у одного или обоих коммуникантов, а в некоторых случаях и приводить к конфликту. Интересно, что в определении коммуникативной неудачи как речевого акта, «при котором намерение говорящего (в частности, иллокутивная сила) было неправильно понято слушающим, в результате чего реакция слушающего оказалась неадекватной» [Кронгауз 2001: 345], важной составляющей, маркером неудачи является неадекватная реакция слушающего. Это отчасти снимает вопрос о необходимости понимания всей системы коммуникативных замыслов:

говорящему важнее адекватная реакция на его сообщение, а не полное понимание его настоящих целей и намерений (за исключением известной ситуации, сводимой к формуле; «Ты меня понимаешь?»). Т. н. «образ желательного результата» оказывается важнейшей составляющей.

Напомним, что применительно к перформативным высказываниям Дж. Остин предложил шесть условий успешного их функционирования (подчеркивая их очевидность): 1) процедура произнесения «определенных слов определенными лицами в определенных обстоятельствах»; 2) возможность («пригодность») для проведения процедуры; 3) «правильность» ее проведения; 4) «полнота» ее проведения; 5) «подлинность» намерения всех коммуникантов; 6) соответствие намерений последующему поведению [Остин 1986: 33].

Используя компоненты коммуникативной модели, можно сказать, что эти условия касаются триады **коммуникативный текст + коммуниканты + обстоятельства**, качества ее составных частей, качества **коммуникативных процессов, системы коммуникативных замыслов** и их реализации.

Выделяют коммуникативные неудачи, причиной которых является сам коммуникант и обстоятельства коммуникативного акта [Городецкий 1985: 67–72]. Однако при равной ответственности участников коммуникации корректнее говорить об обоих коммуникантах и выделять коммуникативные неудачи, порождаемые: 1) устройством языка; 2) различиями говорящих; 3) прагматическими факторами [Ермакова 1993]. Иначе говоря, неудачи могут быть связаны с языковым кодом, коммуникантами и обстоятельствами общения.

Коммуникативная неудача, таким образом, может быть определена как недостижение коммуникативной и/или практической целей, обусловленное диссонансом «ментальных миров коммуникантов» [Мустайоки 2015], обстоятельствами общения или коммуникативным текстом и приводящее к сбою коммуникативных процессов.

Заметим, что четкая дифференциация причин коммуникативной неудачи не всегда возможна, поскольку в ряде случаев причин несколько. Напомним

также о поликодовом характере рекламного текста, требующем анализа различных его составляющих (визуального и вербального рядов). Коммуникативная неудача может быть связана с любым из них, а также с их соотношением. При составлении типологии коммуникативных неудач предлагаем выделить на первом уровне деления триаду «ментальные миры коммуникантов (1) – коммуникативный текст (2) – обстоятельства общения (3)» с последующей ее детализацией.

1. Коммуникативные неудачи в рекламе, вызванные диссонансом ментальных миров коммуникантов.

Неудачи этой группы связаны с недостаточным учетом фактора адресата. Это может быть противоречие культурной традиции. Можно утверждать, что большая часть неудач, обусловленных различиями коммуникантов, связана с фоновыми знаниями. Справедливо отмечено, что источниками коммуникативных неудач в рекламе являются прецедентные феномены [Алексеева 2008], вызывающие отрицательные ассоциации (выделены разные причины таких неудач на примере рекламы ресторанного бизнеса).

Противоречие культурной традиции нашей страны – в некорректном использовании исторически значимого образа Родины-матери со знаменитого плаката времен Великой Отечественной войны (И. Тоидзе «Родина-мать зовет!», 1941 год) в рекламном объявлении о наборе в аспирантуру на сайте одного из вузов Новосибирска. Штраф за использование этого образа в рекламе скидок на обувь составил 100 тыс. руб. (НГС. Новости, 28.03.2016).

Примером актуализации негативной исторической памяти в прецедентном высказывании служит кощунственный слоган бани «*Освенцим отдыхает*». В настоящее время по этому случаю ведется проверка прокуратуры (Вести-Новосибирск, 16.03.2017). Мы отмечали ранее противоречие нормам этики некоторых рекламных слоганов, которые «могут задеть чувства верующих: *Вера. Одежда. Любовь* (ТЦ «Аура», Новосибирск); *Акция. Чистый четверг. Всем клиентам автомойки скидка – 10%* (Новосибирск). Еще дальше в своем пренебрежении к традиционным

ценностям зашли банки: *Банк вам в помощь* (Банк Москвы); *Береженого банк бережет* (Кредит Европа Банк). В этих слоганах (хочется верить, что только в них!) банк занимает место Бога» [Высоцкая 2014: 46].

Неудача может быть связана и с прецедентным образом. Одна из сотовых компаний при выходе на рынок в серии рекламных материалов использовала образы мафиози. Сложно сказать, каких ассоциаций, позитивных или негативных, у адресатов было больше. На наш взгляд, далеко не каждый потребитель рекламного продукта хотел бы ассоциировать себя с членами итальянской мафии. Интересно, что позже, при смене рекламной стратегии эта компания использовала образы «правдорубов» и ввела тарифы с названиями: «*Черный*», «*Беспредельно черный*», «*Самый черный*», «*Очень черный*» и под. О негативных коннотациях этого прилагательного сказано немало (вплоть до требований политкорректной замены его в английском языке в некоторых наименованиях).

Коммуникативные неудачи могут быть обусловлены нераспознаванием прецедентного феномена. Мы обращались ранее [Там же: 57] к тексту радиорекламы:

Каждый день, смотря в зеркало, я думаю: «Что выросло, то выросло». Но совсем недавно я узнала о новой сыворотке... Теперь мои ресницы стали более длинными, пушистыми <...> Заказать сыворотку для ресниц вы можете...

«Что выросло, то выросло» – прямая цитата из кинофильма «Мистер Икс» (по мотивам оперетты «Принцесса цирка»), отсылающая к комическому диалогу хозяйки Каролины и Пеликана:

– *И вот этот поросенок рос-рос...*

– *Рос-рос...*

– *И выросла большая...*

– *И выросла большая... Э-э, что выросло?!*

– *Что выросло, то выросло.*

Возможно, взрослые радиослушатели легко узнают этот текст-источник в рекламе сыворотки для ресниц, однако в студенческой аудитории это никому не удалось.

В связи с этим наиболее одиозными представляются слоганы рекламной кампании «Полное собрание низких цен» (Леруа Мерлен): *Слово о полке Игора; Кафельный цветочек; Очарованный краник; Господин из санфаянса; Дядя в ванне; Гордость и водоснабжение.*

Это своеобразные шарады, в которых обыгрываются прецедентные названия произведений древнерусской, русской классической и зарубежной литературы (С. Аксаков, Н. Лесков, И. Бунин, А. Чехов, Дж. Остен), но разгадает их не каждый. Поэтому возникает вопрос не только об уместности, но и о коммуникативной эффективности подобной рекламы. Представляется, что в подавляющем большинстве случаев такой путь создания слогана объясняется только субъективными предпочтениями копирайтеров (без учета возможной реакции целевой аудитории и явно без проверки на фокус-группе).

Заметим, однако, что чаще рекламисты не рискуют, не гонятся за оригинальностью и поэтому эксплуатируют самые узнаваемые прецедентные феномены – в расчете на самого массового адресата.

2. Коммуникативные неудачи в рекламе, вызванные характером коммуникативного текста.

Неудачи этого типа обусловлены самим устройством языка. Все коммуникативные риски, связанные с поликодовым текстом рекламного произведения, вряд ли можно систематизировать в рамках данной работы. Отметим некоторые из них.

Исследователи обращают внимание на недопустимость использования конструкций с языковым отрицанием, приводя в качестве примера рекламу банковской услуги в московском метро (2006 год) со слоганом: *Жить в кредит – не повредит* [Реклама... 2011: 44]. Визуальный ряд содержит изображение молодых людей, летящих по голубому небу на кредитной карте, словно на ковре-самолете. Недостатком можно считать логическое решение «не

по положительному, а по отрицательному признаку: не повредит» [Реклама... 2011: 44].

Критику могут вызвать и некоторые метафоры. Так, в рекламе санитарно-гигиенического средства для ног использованы изображения, где «из пиджака с сорочкой и галстуком вместо головы торчат голые ноги» и женский образ «с торчащей ногой вместо головы» [Реклама... 2011: 48]. Надпись гласит: *Здоровые ноги – это Ваше лицо. Почему же за ногами Вы ухаживаете менее ревностно?* По мнению исследователей, «неэстетичность и парадоксализм изображения, как и предметно-понятийная несогласованность, логическая клочковатость утверждения и отсутствие предметной и понятийной базы для создания метафоры, к которой стремились авторы, являются факторами ослабления эмоционально-смыслового мотива» [Реклама... 2011: 48]. Подчеркнем, что парадоксальная и эпатажная стилистика часто вызывают неприятие.

Ср. также рекламу сэндвича с надписью «КОРМИМ ГРУДЬЮ» и изображением двух булочек, соединенных таким образом, чтобы они напоминали женскую грудь. Ассоциации с куриной грудкой, из которой, возможно, изготовлен чикен тендер сэндвич, весьма отдаленные.

Реализацией стратегии парадокса на уровне языка является ориентация на двусмысленность, широко распространенная в современной коммуникации, в том числе и рекламной. Случаи обыгрывания многозначности и омонимии языковых единиц в рекламном тексте отмечены многими исследователями.

Эффект обманутого ожидания, или «двойного дна», создает и намеренный конфликт значений вербального и визуального рядов, актуализирующий семантическую диффузность. В некоторых случаях эффект получается забавным: рядом с текстом «*Заработай больше, чем в банке!*» (ForexClub, Москва, баннер в метро) нарисована стеклянная банка с денежными купюрами внутри, что позволяет воспринимать словоформу *в банке* как форму предложного падежа от существительного *банка*, а не *банк*. Иногда это сбивает с толку, как в случае с рекламным плакатом «Отведай ухи» (трактир-клуб

«Разгуляй», Самара), на котором изображены *уши* (по мысли авторов, видимо, *ухи*). А иногда – воспринимается на грани приличия, как в случае с рекламой сети трактиров «Печки-лавочки» (Новосибирск), слоган которой гласит: *Приелась русская? У нас есть и другая!* Слова *русская* и *другая* – контекстуальные субстантиваты, то есть прилагательные, относящиеся к слову *кухня*. Однако на рекламном плакате пояснение (*Кухни мира в новом меню*) отделено от приведенного выше вопросно-ответного единства, причем между двумя частями текста помещен рисунок с изображением двух девушек (в русском национальном и экзотическом костюмах). Это позволяет воспринимать слова *русская* и *другая* как срединные субстантиваты со значением лица женского пола и уводит далеко от кулинарных ассоциаций.

Этот же прием использован в рекламном ролике пенсионного фонда России: отец рассказывает сыну, что он тоже выбирал: «темненькая была таинственной и казалась привлекательной», но он выбрал «белую и официальные отношения» (реклама ПФРФ – темненькая и белая зарплата).

Впрочем, подобные рекламные произведения могут быть оценены по-разному разными социальными группами. Об эротическом и сексуальном подтексте в современной российской рекламе сказано и написано немало.

Коммуникативная неудача может быть обусловлена некорректным использованием языковых средств. Прежде всего это связано с лексикой ограниченного употребления. Ср. два рекламных объявления сети магазинов бытовой техники: *Большая халява в большие выходные; Празднуем скидками – 50%*. В первом использовано жаргонное слово, во втором – гипнотический потенциал цифры.

Неоднозначны названия «Шмотка» (магазин одежды), «Мобилка» (ремонт телефонов), «Клевый смайл» (подростковая стоматология), содержащие слова, ненормативные для литературного языка, хотя и вполне понятные массовой аудитории.

В этой связи отметим рекламные материалы имиджевой кампании «С каждым клиентом мы находим общий язык» (Альфа-Банк, 14.06.2016),

посвященной 25-летию юбилею «Альфа-Банка», основанной на социальной дифференциации речи. Можно в целом высоко оценить прием стилизации, использованный в серии телевизионных роликов (с обобщающим сборным роликом), однако вне контекста целой серии некоторые из роликов («Хипстер», «Модный блоггер») могут вызвать только непонимание, особенно при восприятии на слух, когда строка с переводом на литературный язык не видна.

Орфографические и пунктуационные ошибки в рекламе могут быть непреднамеренными: *Аккустика* – и преднамеренными: *Чюдо* (буква «ю» служит фоном для рисунка, графическим акцентом). И те, и другие могут восприниматься неоднозначно. Однако преднамеренные на фоне непреднамеренных утрачивают свою оригинальность. Отметим также междусловное наложение с искажением орфографического облика: в слове *визитка-агидка* спрятано *гид*, а в наименовании «Клуб ПАТИФОН 80» читатель должен, вероятно, распознать английское слово в русской транслитации *пати*.

Если создатели рекламы намеренно выбирают ненормативность как рекламную стратегию, она должна быть достаточно яркой, заметной. «Мы хотели сделать такую рекламу, чтобы люди переставали водить машину в тот момент, когда видят наши щиты», – отметила в беседе с корреспондентом Sostav.ru директор по маркетингу телеканала **Кира Ласкари, комментируя рекламную кампанию**, коммуникативным элементом которой стал слоган в виде логотипа-графемы и рифмы к слову «Пятница»: *Пора женица!, Побежали нитаца!* и т. п. (Sostav.ru, 01.10.2013). В создании парадоксального текста задействованы ресурсы не только фонетики (звук [ц] обозначен на письме буквой «це» вместо нормативного сочетания букв «тэ» и «эс»): *Будем радоваца!*, – но и окказионального словообразования: *Будем хохотаца!*

Эпатажной языковой стратегией может считаться использование обценной лексики (достаточно вспомнить рекламную кампанию сети «Евросеть» с рифмующимся глаголом), лексических или графических эвфемизмов и прочих недвусмысленных намеков: *И вдруг, ГЛЯДЬ, какая куртка!* (Lenta.ru 29.11.2015); *ХУДЕЕТЕ без денег? Выручим* (Sibkrai.ru,

22.09.2014). Рекламная кампания «Факты без косметики» (Омск здесь, 18.04.2014) в Омске была построена на пропуске средней части слова, которое могло читаться двояко: и как *хороший, хорошая, хорошие* (теоретически), и иначе. Надписи на щитах с «дырками» гласили: *В Омске х...й бюджет (х...я экология, х...е дороги)* и содержали указание на возрастные ограничения аудитории: *16+*.

Заметим, что с введением 1 июля 2014 года т. н. «закона о запрете мата в СМИ» (так в прессе называют комплекс поправок в российском законодательстве) и с активным вниманием общества к проблеме сквернословия подобной рекламы стало значительно меньше. И хотя она не исчезла совсем, но изменила формат и место размещения: к примеру, тейбл-тент с изображением совы и надписью: *Ни у-ху себе* замечен в кафе в г. Новосибирске в октябре 2015 года.

Необычность текста (наряду с повторяемостью) является важным условием привлечения внимания. Однако «приедаются» даже самые необычные элементы текста, поэтому языковые приемы в рекламе требуют постоянного обновления. К примеру, уходит в прошлое злоупотребление латиницей, чрезвычайно распространенное несколько лет назад. Двусмысленность и ненормативность современного рекламного текста становятся настолько ожидаемыми и прогнозируемыми, что это существенно снижет их коммуникативную эффективность.

3. Коммуникативные неудачи в рекламе, вызванные обстоятельствами общения.

Это тип неудач обусловлен прагматическими, или дискурсивными, факторами. Важным оказывается место размещения рекламы. Так, во время одной предвыборной кампании рекламные материалы кандидата (без каких-либо изменений) были размещены командой его конкурента на мусорных баках, у входа в подвал, на крышках канализационных люков и в других «непрезентабельных» местах (пример И.Ю. Качесовой) с тем, чтобы в сознании избирателей образ этого кандидата ассоциировался с чем-то неприятным.

Поэтому неудачной представляется попытка размещения рекламных объявлений под ногами – на асфальте, часто по соседству с лужами, мусором, грязью. Неоднозначно с этих позиций можно оценить и т. н. «туалетные стикеры» (в московских аэропортах и др. общественных местах).

Весьма странно выглядит в некоторых случаях и «живая реклама»: люди с рекламными щитами на груди и спине. Известно, что глаза человека – мощный ай-стопер (от англ. *eye-stopper* – ‘то, что останавливает глаз’), поэтому так популярны крупные планы на обложках журналов. Лицо и глаза «оператора подвижных рекламных поверхностей» (так официально называют людей с рекламными щитами) в большей степени, на наш взгляд, привлекают внимание, чем расположенный на плакате текст, тем более что он оказывается ниже уровня глаз. Специалисты подчеркивают, что такой способ рекламирования только в России «ассоциируется с маргинальными личностями, кое-как прикрученными к ним картонками и рекламой какого-нибудь локального полумертвого бизнеса», в то время как в Европе «успешно развиваются целые агентства, в арсенале которых красивые типовые конструкции и персонал, одетый в униформу» (Новый маркетинг, 27.10.2009). Здесь важно учесть климатические особенности. Вид людей со щитами (к примеру, у станций метро в Москве), часами стоящих на улице, пусть и с чашкой чая в руках, часто не вызывает ничего, кроме жалости.

Еще одна серьезная проблема – нарушение композиционной целостности рекламного произведения, или оторванность от контекста (о которой мы уже упоминали в связи с серией ТВ-роликов «Альфа-Банка»). Ярким примером парадоксальной стилистики считается рекламная кампания первой линии бизнес-класса национального авиаперевозчика Швейцарии. В ней было использовано «изображением беспечного обнаженного мужчины, плавающего в небесах», причем «на первых рекламных объявлениях были изображены только его ноги, затем через некоторое время появились плакаты с другими частями тела, пока, наконец, на последних объявлениях он явился целиком» [Шатин 2013: 74]. Кампания считается успешной, поскольку «все билеты в

бизнес-класс были проданы, несмотря на то, что перевозчик увеличил количество кресел на 30%» [Шатин 2013: 74].

Подобный прием используется и в России. Приведем в качестве примера две рекламные кампании. Первая связана с ребрендингом телекоммуникационного оператора связи. На первом этапе появилась серия плакатов со словами с позитивной окраской (*радость, здоровье, красота*), в которых была выделена необычная буква «эр». На втором этапе эта буква уже употреблялась в наименовании компании (*Ростелеком*), логотипом которой она и оказалась. Это привело, однако, к одностороннему восприятию знака, хотя разработчики наделяли его более сложным значением, изображая букву, «которая по форме напоминает то ли ухо, то ли половину сердечка» (Sibnet.ru, 20.09. 2011).

Другой пример связан с т. н. «зонтичной» рекламной кампанией одного из операторов мобильной связи, включающей серию телевизионных роликов и баннеров наружной рекламы. Сначала появились баннеры с вырванными из контекста интригующими фразами, написанными крупными буквами: *Синдром дефицита скорости?; Неврозис мобиле?* и под. На некоторых из них были и более мелкие надписи, не очень, впрочем, информативные, к примеру: *Неврозис мобиле – мобильный невроз (вымышленное заболевание). ОАО «МегаФон».* В Новосибирске баннер с надписью *Скорость исцеляет* был установлен при въезде в город и сбивал с толку водителей, поскольку на этом участке действовал уже режим ограничения скорости. Кроме того, в рекламном тексте можно было выявить и дополнительный смысл (слово *скорость* (жарг.) может обозначать наименование легких наркотиков), и на этом основании было предложено запретить рекламу и снять этот баннер.

Заметим, что сюжет сборного телевизионного ролика «Исцеление скоростью», завершающего рекламную кампанию, сводился к тому, что «медленный мобильный Интернет приводит к неврозу и депрессиям, способствуя развитию симптомов» (Advertology: Наука о рекламе, 05.09.2013) заболевания «неврозис мобиле», а единственным лекарством, способным

побороть эту болезнь, служит переход на сверхскоростной мобильный Интернет от рекламируемого оператора связи. Вид страдающих от недостатка скорости людей напоминает состояние наркотически зависимых и в целом вызывает, на наш взгляд, негативные ассоциации.

Еще один прагматический фактор коммуникативной неудачи – т. н. «навязанный контекст», то есть неудачное соседство рекламного объявления. Так, сочетание надписей реплик: *Приглашаем на работу: вакансий нет* – создает эффект «иллокутивного самоубийства». Ср. также соединение названий соседних вывесок: *керамический мед; хороший служебный вход* (вывеска магазина «Хороший» + надпись: *Служебный вход*).

Иногда каламбурный эффект создается за счет некорректного оформления текста:

НАРКОМАНИЯ

ВЫХОД ЕСТЬ

АЛКОГОЛИЗМ

Коммуникативная неудача может быть связана с разными особенностями исполнения (шрифт, цвет и др. технические составляющие) рекламного произведения. В Новосибирске, к примеру, были жалобы водителей на ослепляющую световую рекламу, мощность которой существенно превышала допустимые нормативы и создавала аварийные ситуации на дорогах (Вести-Новосибирск, 02.02.2017).

Языковая игра активизирует наше метаязыковое поведение, заставляя обратить внимание на то, как именно написана вывеска. В качестве прецедентного знака в рекламе может использоваться математический знак, например + («плюс»): *Вклад «Доходный +»*. *Одни +ы* (кредитное партнерство «Финансовая компания», Новосибирск). Слово *плюс* заменено соответствующим знаком, слово *плюсы* записано с помощью математического и лингвистических символов (букв). Вряд ли такое употребление можно считать удачным, поскольку красный знак на белом фоне ассоциируется с

медицинским красным крестом, а не с «плюсом». Ср. также: ++к (Компания ТТК, Новосибирск).

Перевод утилитарного речевого поведения в семиотическое повышает вероятность того, что рекламный текст будет замечен адресатом. Для производителя рекламного произведения важно, однако, чтобы критическое восприятие формы рекламного текста не распространилось на его содержание.

Юридизация рекламной коммуникации обеспечивает механизмы воздействия общества на индустрию рекламы. Указанные выше типы коммуникативных неудач во многом регулируются законодательством. С фактором массового адресата связаны отдельные положения Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 28.07.2012 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2013) «О рекламе»: запрещается «использование бранных слов, а также непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении расы, национальности, профессии, социальной категории, возрастной группы, пола, языка, государственных символов (флага, гимна, герба), религиозных символов», а также национального и мирового культурного наследия (ст. 4.6). Характер коммуникативного текста регулируется этим же законом, не допускающим «использование иностранных слов и выражений», которое может привести к искажению смысла рекламной информации (ст. 4.5), а также «законом о запрете мата в СМИ». Некоторые положения закона о рекламе касаются правил размещения рекламы, то есть обстоятельств общения. Таким образом, все описанные выше три типа коммуникативных неудач подвергаются правовому регулированию.

Подведем итоги. Коммуникативная неудача – это низкая узнаваемость и запоминаемость рекламного произведения, а также его неприятельность, общественное неодобрение и противоречие нормам морали и права. Причинами неудач могут быть недостаточный учет характера адресата, некорректное использование языковых и изобразительных средств, а также прагматические факторы.

На основании анализа рекламных произведений типология коммуникативных неудач в рекламе (с возможностью выделения второго уровня деления) может быть представлена следующим образом.

1. Диссонанс ментальных миров коммуникантов (недостаточный учет фактора адресата):

- противоречие культурной традиции;
- использование прецедентных феноменов, актуализирующих негативную историческую память, вызывающих негативные ассоциации или нарушающих нормы этики;

- нераспознавание прецедентных феноменов.

2. Характер коммуникативного текста:

- использование конструкций с языковым отрицанием;
- двусмысленность;
- ненормативность.

3. Обстоятельства общения:

- неудачный выбор места размещения рекламы;
- нарушение композиционной целостности рекламного произведения (оторванность от контекста);

- «навязанный» контекст;
- некорректное оформление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

2. *Алексеева М. С.* Прецедентные феномены как источник коммуникативных неудач в рекламе предприятий ресторанного бизнеса. Политическая лингвистика. 2008. Вып. 2 (25). С. 122–126.

3. *Высоцкая И. В.* Стилистика рекламного текста: прецедентность и интердискурсивность. Новосибирск., 2014.

4. *Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г.* К типологии коммуникативных неудач. Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.

5. *Городецкий Б. Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 24. С. 5–31.
6. *Ермакова О. П., Земская Е. А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка). Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 90–157.
7. *Кронгауз М. А.* Семантика. М., 2001.
8. *Мустайоки А. С.* Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего. Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 543–557.
9. *Остин Дж. Л.* Слово как действие. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22–130.
10. [Реклама...] Реклама: язык, речь, общение / Под ред. О. Я. Гойхмана, В. М. Лейчика. М., 2011.
11. *Стернин И. А.* Возрастное коммуникативное поведение как предмет изучения. Возрастное коммуникативное поведение. Воронеж, 2003. Вып. 1. С. 4–11.
12. *Ухова Л. В.* Теоретические проблемы исследования эффективности рекламного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2013.
13. *Шарков Ф. И.* Коммуникология: основы теории коммуникации. М., 2010.
14. *Шатин Ю. В.* Неориторика. Новосибирск, 2013.

REFERENCES

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. New Dictionary of Methodical Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages) [Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam)]. Moscow, 2009.
2. Alekseeva M. S. Precedent phenomena as a source of communicative failures in advertising of restaurant business enterprises. Political Linguistics [Precedentnye fenomeny kak istochnik kommunikativnyh neudach v reklame predpriyatij restorannogo biznesa. Politicheskaya lingvistika], 2008. Vol. 2 (25). P. 122–126.
3. Vysotskaya I. V. Stylistics of the advertising text: precedence and interdiscursivity [Stilistika reklamnogo teksta: precedentnost' i interdiskursivnost']. Novosibirsk, 2014.
4. Gorodetsky B. Yu., Kobozeva I. M., Saburova I. G. On the typology of communicative failures. Dialogue interaction and representation of knowledge [K tipologii kommunikativnyh neudach. Dialogovoe vzaimodejstvie i predstavlenie znaniy]. Novosibirsk, 1985.
5. Gorodetsky B. Yu. Computer linguistics: modeling of language communication. New in foreign linguistics [Komp'yuternaya lingvistika: modelirovanie yazykovogo obshcheniya. Novoe v zarubezhnoj lingvistike]. Moscow, 1989. Vol. 24. P. 5–31.

6. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. On the construction of the typology of communicative failures (on the basis of the natural Russian language). Russian language and its functioning: communicative and pragmatic aspect [K postroeniyu tipologii kommunikativnyh neudach (na materiale estestvennogo russkogo yazyka). Russkij yazyk i ego funkcionirovanie: kommunikativno-pragmaticheskij aspekt]. Moscow, 1993. P. 90–157.

7. Krongauz M. A. Semantics [Semantika]. Moscow, 2001.

8. Mustajoki A. S. Communicative failures through the prism of the speaker's needs. Language and thought: Modern cognitive linguistics [K postroeniyu tipologii kommunikativnyh neudach (na materiale estestvennogo russkogo yazyka). Russkij yazyk i ego funkcionirovanie: kommunikativno-pragmaticheskij aspekt]. Moscow, 2015. P. 543–557.

9. Austin J. L. The word as an action. New in foreign linguistics. [Slovo kak dejstvie. Novoe v zarubezhnoj lingvistike]. Moscow, 1986. Vol. 17. P. 22–130.

10. [Advertising ...] Advertising: language, speech, communication [[Reklama...]] Reklama: yazyk, rech', obshchenie / Ed. O. Ya. Goichman, V. M. Leichik. M., 2011.

11. Sternin I. A. Age-related communicative behavior as a subject of study // Age-related communicative behavior [Vozrastnoe kommunikativnoe povedenie kak predmet izucheniya// Vozrastnoe kommunikativnoe povedenie]. Voronezh, 2003. Vol. 1. P. 4–11.

12. Ukhova L. V. Theoretical problems of investigating the effectiveness of advertising text: the author's abstract. Dis. Dr. Philol. N. [Teoreticheskie problemy issledovaniya ehffektivnosti reklamnogo teksta: avtoref. dis. d.-ra filol. nayk]. Yaroslavl, 2013.

13. Sharkov F. I. Communicology: the fundamentals of the theory of communication [Kommunikologiya: osnovy teorii kommunikacii]. Moscow, 2010.

14. Shatin Yu. V. New rhetorics [Neoritorika]. Novosibirsk, 2013.

ИСТОЧНИКИ

1. Альфа-Банк снял ремейк легендарной кампании «С каждым клиентом мы находим общий язык» (Альфа-Банк, 14.06.2016). URL:<https://alfabank.ru/press/news/2016/6/14/1.html>.

2. В Петербурге рекомендовали запретить рекламную «глядь» (Lenta.ru 29.11.2015). URL: <https://lenta.ru/news/2015/10/29/glyad/>.

3. В Посольстве Израиля в Новосибирске назвали «недалеким» слоган «Освенцим отдыхает» (Вести-Новосибирск, 16.03.2017). URL: http://www.nsktv.ru/news/obshchestvo/v_posolstve_izrailya_v_novosibirske_nazvali_nedalyekim_slogan_osventsim_otdykhaet_160320170920/.

4. Калинин И. Тест: запретная пошлость (НГС. Новости, 28.03.2016). URL: <http://news.ngs.ru/articles/50001823/>.

5. «Люди-бутерброды» объединились в рекламное агентство (Новый маркетинг, 27.10.2009). URL: <http://marketing.web-standart.net/node/49550>.

6. «МегаФон» и Leo Burnett Moscow вместе с Иваном Ургантом исцеляют скоростью (Advertology: Наука о рекламе, 05.09.2013). URL: <http://www.advertology.ru/article117271.htm>.

7. Пастухова Ю. «Ростелеком» меняет бренд (Sibnet.ru, 20.09. 2011). URL: <http://info.sibnet.ru/article/314551/>.

8. Провокационную рекламу РЕН ТВ в Омске сдирали, ругаясь матом (Омск здесь, 18.04.2014). URL: <http://omskzdes.ru/society/24359.html>.

9. Светодиодные экраны на ночных улицах слепят новосибирских водителей (Вести-Новосибирск, 02.02.2017). URL: http://www.nsktv.ru/news/city/svetodiodynye_ekrany_na_nochnykh_ulitsakh_slepyat_novosibirskikh_voditeley_020220171515/.

10. Телеканал Пятница! призвал «радоваца» (Sostav.ru, 01.10.2013). URL: <http://www.sostav.ru/publication/telekanal-pyatnitsa-prizval-radovatsa-5772.html>.

11. ФАС заинтересовалась нецензурной рекламой в Новосибирске (Sibkray.ru, 22.09.2014). URL: <http://sibkray.ru/news/1/867816/img/favicon.ico>.

SOURCES

1. “Alfa” Bank shot a remake of the legendary campaign “We find common grounds with every client” (“Alfa”Bank14.06.2016). URL: <https://alfabank.ru/press/news/2016/6/14/1.html>.

2. St. Petersburg recommended banning advertisement eye-catchers (Lenta.ru 29.11.2015). URL: <https://lenta.ru/news/2015/10/29/glyad/>.

3. The Embassy of Israel in Novosibirsk declared the slogan “Auschwitz is no match” as dumb. (News-Novosibirsk, 16.03.2017). URL: http://www.nsktv.ru/news/obshchestvo/v_posolstve_izrailya_v_novosibirske_nazvali_nedalyekim_slogan_osventsim_otdykhaet_160320170920/.

4. Kalinin I. Test. Forbidden obscenity. (NGS. News, 28.03.2016). URL: <http://news.ngs.ru/articles/50001823/>.

5. “Sandwich –people” united into an advertising agency (new marketing, 27.10.2009). URL: <http://marketing.web-standart.net/node/49550>.

6. “MegaPhone” and Leo Burnett Moscow in company with Ivan Urgant cure with speed. (Advertology: Science about Advertising, 05.09.2013). URL: <http://www.advertology.ru/article117271.htm>.

7. Pastuhova Yu. “Rostelecom” rebrands itself (Sibnet.ru, 20.09. 2011). URL: <http://info.sibnet.ru/article/314551/>.

8. People in Omsk swore when tearing down provocative advertising by REN-TV (Omsk here, 18.04.2014). URL: <http://omskzdes.ru/society/24359.html>.

9. LED-displays blind drivers on night streets of Novosibirsk (News-Novosibirsk, 02.02.2017).

URL:http://www.nsktv.ru/news/city/svetodiodnye_ekrany_na_nochnykh_ulitsakh_slepyat_novosibirskikh_voditeley_020220171515/.

10. “Friday” TV channel called to be “huppy” (Sostav.ru, 01.10.2013). URL: <http://www.sostav.ru/publication/telekanal-pyatnitsa-prizval-radovatsa-5772.html>.

FAS got interested in foul-language advertising in Novosibirsk (Sibkray.ru, 22.09.2014).

URL: <http://sibkray.ru/news/1/867816/img/favicon.ico>.

Н. С. Громова

Екатеринбург, Россия

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: ОТ КОММУНИКАТИВНЫХ ОШИБОК ДО ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье рассматриваются особенности речевой агрессии в современных условиях коммуникации. Выделяются неосознанный и осознанный виды речевой агрессии. Неосознанная речевая агрессия, провоцируемая низким уровнем культуры коммуникантов, невозможностью управлять своим поведением в эмоционально сложной ситуации и неумением предвидеть коммуникативные последствия, выступает как первичная форма в сознании индивида, провоцирующая существование в дальнейшем осознанной речевой агрессии различного уровня общественной опасности. В исследовании выделяются и рассматриваются три вида такой агрессии: компенсаторная, игнорантная, окказиональная. Осознанное же использование конфликтогенных текстов может иметь различные субъектные установки: от коммуникативно необходимых до идеологически обусловленных. Это и определяет ее деление также на три вида (коммуникативный, социальный, идеологический), содержание которых анализируется с позиции целевых установок адресанта. Отмечается, что не все проявления речевой агрессии можно считать правонарушением, поскольку часть коммуникативных стратегий предполагает использование элементов агрессивного поведения в процессе общения, не несущего общественной опасности. Устанавливаются различия между собственно выражением оскорбления и его идентификацией в качестве правонарушения. При этом особого внимания заслуживает коммуникация, которая представляет собой общественную опасность и наносит ущерб как социуму в целом, так и его отдельным представителям. Исследуется взаимосвязь между формой выражения агрессии в речи индивида и степенью общественного вреда: от оскорбления до вербального экстремизма. Актуализируется особая роль в процессе интерпретации текста адресата, который выступает не только пассивным объектом агрессии со стороны автора текста, но и активным интерпретатором, от способностей которого зависит результат коммуникативного процесса.

Ключевые слова: речевая агрессия, виды речевой агрессии, вербальный экстремизм.

Сведения об авторе: Наталья Сергеевна Громова, кандидат филологических наук, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин Уральского института коммерции и права. 620075, Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 81. E-mail: gromovans@mail.ru

N. S. Gromova

Ekaterinburg, Russia

VERBAL AGGRESSION: FROM COMMUNICATION ERRORS TO THE OFFENCE

*The article deals with the peculiarities of verbal aggression under modern conditions of communication. It states unconscious and conscious types of verbal aggression. Unconscious verbal aggression provoked by the low level of culture of communicants, inability to control their behavior in an emotionally demanding situation and the inability to foresee the consequences of communication acts as the primary form in the mind of the individual, provoking the existence of further deliberate verbal aggression of different levels of social danger. The study outlines and discusses three types of such aggression: compensatory, ignorant, and occasional. Conscious use of the contentious texts may have a different subjective position: from the communication necessary to ideologically driven. This also determines its division into three types (communicative, social, ideological), the content of which is analyzed from the perspective targets of the sender. It is noted that not all manifestations of verbal aggression can be considered an offence, as part of communication strategies involves the use of elements of aggressive behaviour in the process of communication, not carrying public danger. There are differences between the expression of insults and their identification as *анубрать!* offense. Thus *теубрать!* special attention should be paid to such communication, which is a public danger and is detrimental both to the society as a whole and its individual members. The article explores the relationship between the form of expression of aggression in the speech of the individual and the degree of public harm from insults to verbal extremism. A special role in the process of interpreting the text of the addressee is actualized, which is not only a passive object of aggression on the part of the author of the text, but also an active interpreter, on whose abilities depend the results of the communication process.*

Key words: verbal aggression, the types of verbal aggression, verbal extremism.

About the author: Natalia Sergeevna Gromova, Candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Chair of Public Law and Social Disciplines of Ural Institute of Commerce and law. Ul. Lunacharskogo 81, Ekaterinburg, 620075. E-mail: gromovans@mail.ru.

Речевая деятельность индивида представляется достаточно сложным и многогранным феноменом, не только отражающим личностно-психологические особенности коммуникантов, но и указывающим на степень развития всего общества в целом. Взаимосвязь речевой деятельности и физических действий человека обуславливает интерес к сфере коммуникации

со стороны как лингвистов, так и представителей иных научных направлений: социологов, психологов, юристов и др. Поведение человека в коммуникативном поле регламентируется не только морально-нравственными нормами или законами построения речи, но также нормами права и действующими законами государства.

Коммуникация как сфера правовых интересов граждан и государства уже давно стала объектом изучения юрислингвистики, поскольку без привлечения лингвистов невозможно рассмотрение правовой сути дел об оскорблениях, клевете, диффамациях, экстремизме. В современных российских законах появляется достаточно много терминов, требующих лингвистической интерпретации: публичное оправдание, возбуждение розни, пропаганда, подстрекательство и ряд других. В лингвистических же исследованиях распространяются понятия, которые невозможно идентифицировать без юридических знаний: вербальный экстремизм, речевое преступление, речевая агрессия и прочие. Так, необходимость комплексного изучения речевой деятельности и возможных ее последствий для индивида и общества обуславливает привлечение юрислингвистического инструментария для анализа конкретных коммуникативных фактов.

Рост социальной напряженности и агрессивности среди населения влияет на трансформацию современных правил коммуникации и ее переход в поле, ранее относимое к законодательно запрещенной деятельности. С развитием конституционных принципов свободы слова и сокращением цензуры в СМИ меняется отношение к средствам выражения мыслей: выбор лексемы зависит от целевой установки автора, а не от ожиданий адресата. Популярность различных социолектов и нецензурной лексики в молодежной среде приводит к изменению внешней формы сообщений. При этом особую проблему в рамках нестабильных общественных отношений и информационных провокаций представляют политически и социально маркированные тексты. Как отмечает Л. М. Голиков, «потенциально конфликтными являются различного рода знаковые материалы, посвященные

вопросам отношений различных этносов, рас, конфессий, социальных групп и т. п.» [Голиков 2014]. Так, изменения, которые происходят в общественном сознании, все отчетливее отражаются в коммуникативном пространстве.

В данной работе мы обратимся к анализу речевой агрессии, что представляется наиболее актуальным в рамках активизации научного интереса в сфере профилактики речевых правонарушений и противодействия информационному манипулированию. Опираясь на методы терминологического анализа и синтеза, мы определим границы понятия «речевая агрессия» и проанализируем его особенности с позиции уровня общественной опасности деяний индивида в коммуникативном пространстве.

Исследованием данного феномена занимаются такие ученые, как Т. А. Воронцова, Л. В. Енина, Е. В. Какорина, Г. А. Копнина, Н. А. Купина, Л. М. Майданова, Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская, А. П. Сквородников, Е. Г. Соболева, И. А. Стернин, Ю. В. Щербинина и ряд других. Под речевой агрессией в общем смысле понимают «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [КРР 2011: 562].

Исследуя феномен речевой агрессии, ученые чаще обращают внимание на крайние ее формы, связанные с осознанным нарушением прав оппонента в процессе конфликтогенной коммуникации или манипулятивным характером действий субъекта коммуникации. Однако нам представляется, что речевая агрессия имеет более сложную структуру и ее репрезентация может быть связана не только с правонарушением, но и с неосознанным нарушением правил речевой коммуникации, не выходящим за границы правовой свободы индивида.

Можно говорить о трех особенных видах речевой агрессии, которые имеют как межличностные, так и социальные предпосылки и выражаются в ущемлении прав отдельных лиц и в угрозе безопасности всему обществу в целом. Как отмечает Ю. В. Щербинина, «недостаточная осознаваемость <...> собственного речевого поведения в целом и в частности агрессивных

компонентов в нем» может выступать причиной речевой агрессии [Щербина 2001: 42–54]. Эти факторы, как правило, остаются за гранью научного интереса, поскольку данный вид имеет неосознанный характер, исключая тем самым возможность целенаправленной профилактики возможных правонарушений, так как с точки зрения адресанта не представляет речевой агрессии, но фактически может ее содержать. Индивид не предполагает и не может предполагать негативных последствий коммуникативного акта, которые закономерно наступают под воздействием обстоятельств процесса коммуникации. Однако именно эти факторы должны рассматриваться как первичная форма существования речевой агрессии в сознании индивида, и требует приоритетного противодействия им как возможной причине всех видов осознанного агрессивного речевого поведения. Формально подобные проявления невозможно или очень сложно квалифицировать в качестве правонарушения в силу того, что они содержательно не выходят за пределы ст. 29 Конституции РФ.

Первый вид – компенсаторная агрессия – выражается в замене реальных действий речевыми, предполагающими при этом возможную субституцию объекта агрессии. Человек в состоянии аффекта или просто излишнего эмоционального возбуждения может нарушить нормы коммуникативного поведения и выступить в качестве агрессора, ущемляющего права окружающих, но не желающего причинить им вред и даже не предполагающего, что это может произойти. Этот вид актуализируется в психологическом поле автора текста, выступая как форма психологической разрядки, самозащиты или способ построения коммуникативного барьера. Например, после ссоры с начальником подчиненный, покинув его кабинет, использует нецензурную лексику с целью эмоциональной разрядки, а не чтобы оскорбить секретаря, сидящего за дверями. Будь данный человек еще менее воспитан, он хлопнул бы дверью, бросил бумаги и т. д. Физическим действием данный индивид мог бы выразить свое эмоциональное состояние, однако в силу определенных условностей он оказался на это не способен, что

заставило его компенсировать затраченные эмоциональные усилия использованием пейоративной лексики. Возможна и обратная ситуация: подчиненный на совещании разозлил руководителя, но тот не желает демонстрировать свое раздражение в присутствии окружающих и позднее кричит на секретаря, сменив объект агрессии.

Подобный вид можно считать достаточно распространенным в бытовом плане. Многие авторы отмечают, что речевая агрессия имеет компенсирующие функции, замещая физическую. Некоторые даже предполагают, что это имеет положительный эффект, однако не учитывают общественного резонанса. Например, после неудачной попытки подать заявление на получение социальной помощи добропорядочный гражданин публично негативно выскажется о чиновниках и даже отметит собственное желание наказать их не по закону, сопровождая свои высказывания общими негативными характеристиками социальной группы. Такое спонтанное поведение, не предполагающее дальнейших действий и обусловленное исключительно эмоциональным напряжением, может быть использовано в дальнейшем как экстремистский призыв, растиражированный СМИ и вызвавший общественное недовольство в отношении органов государственной власти. Субъект агрессии в данном случае не является правонарушителем, однако его действия могут выступить в качестве катализатора социального недовольства. Именно поэтому такой вид речевой агрессии тоже представляет серьезную общественную опасность и граничит с экстремистским преступлением.

Другим вариантом неосознанной агрессии можно считать игнорантную. Носитель языка нарушает нормы культуры речи, а заодно и права, по причине элементарной неграмотности. Оскорбление здесь представляет собой не продуманную форму ущемления прав оппонента или коммуникативную стратегию, а единственный доступный способ общения. Например, в процессе защиты дипломной работы, отвечая на вопросы аттестационной комиссии, студент использует нецензурную лексику, которая может быть воспринята как

выпад в сторону преподавателей. Нужно понимать, что, скорее всего, он это делает неосознанно, когда не способен подобрать нужное слово, замещая паузы в силу невысокой собственной культуры по привычке знакомыми словами-паразитами.

Иногда ситуация имеет иной характер: автор текста обладает высокой культурой, однако адресат не обладает необходимым кругозором, что затрудняет процесс интерпретации содержания сообщения. Так, цитата из «Бородино» М. Ю. Лермонтова, вырванная из контекста, вполне может быть расценена как экстремистский лозунг: «Французы тут как тут. Забил заряд я в пушку туго. И думал: угощу я друга!».

Еще один вариант – окказиональная агрессия, когда роль автора текста сводится практически к нулю, однако на восприятие сообщения оказывают сильное влияние внешние факторы или смена дискурсивной парадигмы. Если говорить о проявлении этого вида, то уместно обратиться к эпатажному поведению современных публичных лиц из сферы развлечений. Например, юмористические зарисовки в шоу «Comedy Club» часто содержат нецензурную лексику и прямые оскорбления как в адрес партнеров по выступлению, так и в адрес присутствующих в зале людей. Участники шоу и лица, являющиеся постоянными зрителями, понимают особенности общения и для них это не является чем-то, выходящим за рамки приличий, однако человек, впервые обратившийся к творчеству данных актеров или увидевший цитату из телепередачи, возможно, будет шокирован и воспримет это в качестве оскорбления. Именно так произошло с резонансным выступлением Павла Воли в ноябре 2016 года, когда его юмор не оценили жители города Екатеринбурга, посчитав это оскорблением.

Рассмотренные виды неосознанной речевой агрессии не могут быть выявлены в текстах, изначально подразумевающих предварительную подготовку, проверку или являющихся частью профессионального дискурса. Например, подготовка квалифицированного журналиста предполагает определенный уровень мастерства при владении словом и четкое осознание

последствия публичного высказывания, что не снимает с него ответственности за факт речевой агрессии в процессе делового общения. Это представляет собой особый вид правонарушений и регламентируется профильным законодательством. И наоборот, человек, который не обладает специальными знаниями в сфере коммуникации, может допустить двусмысленное высказывание, сам того не осознавая. Такой факт будет квалифицирован скорее как коммуникативный просчет, нежели как запланированная провокация или агрессия. Необходимо подчеркнуть разницу в цитировании с неожиданным для автора текста результатом (неправильно употребленное или не понятое) с целенаправленным оскорблением, используемым в публичной речи. Так, прецедентное использование цитаты «Прощай, немытая Россия» М. Ю. Лермонтова в публичной речи украинского президента П. Порошенко в июне 2017 года, явно не свидетельствует о случайности выбора, что указывает на осознанность действий автора текста.

Речевая агрессия, в отличие от ее неосознанных проявлений, в научной парадигме также понимается в узком смысле как круг разнообразных коммуникативных действий, степень общественной опасности которых имеет различный характер. В связи с этим можно выделить три ключевых понимания и, как следствие, три вида осознанной речевой агрессии.

Первый вид – коммуникативная агрессия, которая предполагает нарушение коммуникативных и этических норм в процессе общения между индивидами как единичными субъектами коммуникации. В этом случае агрессия осознанно эксплицитно или имплицитно направлена на конкретного человека вне зависимости от его принадлежности к какой-либо группе и продиктована исключительно условиями текущей коммуникации. Так, речевую агрессию можно рассматривать как «обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2004]. Данный вид предполагает ущемление коммуникативных прав личности, обычно без нарушений действующего законодательства. С исключением из

Уголовного кодекса РФ статьи 130 унижение чести и достоинства человека в неприличной форме не является преступлением и наказывается только наложением административного штрафа.

Примером может служить дискуссия в процессе политических дебатов, когда участники часто эксплицитно осознанно выражают агрессию по отношению друг к другу, не скрывая своей конфронтации, однако за рамками заданной коммуникативной ситуации они способны вести вполне конструктивный диалог с соблюдением всех этических канонов. Характеризуя особенности жанра интервью, Е. Н. Басовская также отмечает, что это «эксплицитно выраженная оппозиционность говорящего по отношению к собеседнику» [Басовская 2004]. В данном случае мы говорим о субъектно-объектном характере коммуникативных отношений, указывающих, как отмечает Коряковцева, на «некооперативный тип общения с адресатом (прагматический вектор)» [Коряковцева 2008]. Стоит понимать, что подобная агрессия редко воспринимается участниками как ущемление их собственных прав, поскольку, вступая в подобную коммуникацию, они принимают ее правила. Уровень речевой агрессии определяется типом темперамента человека, его психическим состоянием в момент общения и степенью напряженности конкретной коммуникативной ситуации.

Противоположным примером будет имплицитная агрессия, когда один из участников подвергается скрытому негативному воздействию в процессе коммуникации. Например, так называемый троллинг в Интернете, когда автор текста осуществляет провокации, стараясь самоутвердиться, дискредитировать оппонентов или искусственно разжечь дискуссию с целью привлечения внимания к сообщению или форуму в целом. По мнению Р. А. Внебрачных, троллинг является формой «агрессивного и оскорбительного поведения» [Внебрачных 2012: 48]. Необходимо согласиться с тем, что указанный вид речевых провокаций является агрессией, его отличием от предыдущего примера можно считать скрытость авторских целей: участники общения, как правило, не сразу понимают, что общаются с

«троллем». Попытки искать аргументы, строить диалог не приводят к положительным результатам – «тролль» проявляет агрессию по отношению к любым иным точкам зрения, и общение сводится к нарушению коммуникативных прав оппонента. Стоит отметить, что прекращение коммуникации также приводит к прекращению агрессии. «Тролль», как правило, не имеет никаких личных претензий к оппонентам по коммуникации, он использует особый вид агрессивного общения из личностно-психологических или экономических побуждений.

Таким образом, основным поводом для первого вида агрессии выступает специфика коммуникативного процесса: изначальная предзаданность агрессивного фона общения. Речевая агрессия здесь является окказиональным ущемлением прав одного или обоих участников коммуникации, с ее завершением прекращается и акт агрессии, поскольку не поддерживается никакими внешними условиями и субъект агрессии не предполагает никакого пролонгированного действия. При этом в процессе общения происходит нарушение, в основном, норм культуры речи, а не правовых норм. Оскорбление в данном случае мы не можем отнести непосредственно к правонарушению, поскольку только сам факт его идентификации в качестве унижающего честь и достоинство личности высказывания и обращение в правоохранительные органы выступает основанием для установления состава правонарушения. Традиционно признаваемая оскорбительной форма, следовательно, не передает идентичного содержания и является частью коммуникативного процесса наравне с другими элементами, принимаемыми участниками общения в качестве возможных, то есть не нарушающих их прав.

Второй вид – социальная агрессия. Под речевой агрессией здесь будет пониматься «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [СЭСРЯ 2011]. Также в работе Г. А. Копниной акцентируется внимание на ориентацию адресанта на намеренное причинение вреда человеку [Копнина 2002: 254]. Цель использования средств агрессии принципиально

меняется – нанесение морального или материального ущерба оппоненту, его репутации и провоцирование определенных социальных последствий. Именно на социальные последствия обращает внимание З. Б. Баучиева: «это агрессивное вербальное поведение, которое нарушает межличностное общение, приводит к противостоянию между оппонентами, провоцирует социальные конфликты» [Баучиева 2015: 389–396.]. При такой интерпретации на первый план выходит уже осознанное стремление ущемить права отдельного индивида не только в коммуникативном поле, но и за его пределами. В этом случае использование речевой агрессии продиктовано желанием воздействовать на слушающего, причинить ему вред. Если, анализируя особенности предыдущего вида, мы говорили о возможности ведения агрессивных действий со стороны обоих участников без каких-либо реальных последствий, то здесь речь идет о желании создать эти реальные негативные последствия для одного из участников.

В случае подобной агрессии субъект, совершая действия против объекта, имеет некоторый личный интерес, он целенаправленно ущемляет права оппонента на основании его индивидуальных характеристик, наличие которых вызывает недовольство у агрессора. Личная неприязнь определяется субъективными факторами, выходящими за пределы коммуникативного пространства. Если при троллинге автору текста чаще всего не интересны личности оппонентов, он ищет возможные пути воздействия на них в процессе коммуникации, то здесь личность оппонента имеет первостепенное значение для начала самой коммуникации.

В качестве примера рассмотрим оскорбление, о котором шла речь выше. В данном случае оно воспринимается оппонентом не как нарушение коммуникативных норм, а как ущемление личных прав.

Так, этот вид представляет собой намеренное нарушение прав лица как отдельного субъекта права, что связано с нарушением действующего законодательства. В эту категорию можно отнести оскорбление, клевету, диффамацию и пр.

Третий вид – идеологическая агрессия. Этот вид представляется возможным соотнести с понятием «вербальный экстремизм». Ключевой задачей автора текста становится формирование определенной идеологии, которая бы обосновывала ущемление прав лица или группы лиц и призывала бы к осуществлению противоправной деятельности в отношении них. Речевая агрессия представляется не как личностно ориентированный акт, а как общественно опасное деяние, связанное с посягательством на основы конституционного строя. В частности, ущемление прав группы лиц, объединенных по религиозному, социальному, этническому, национальному, идеологическому и иным признакам. Данный вид характеризуется не разовым злоупотреблением правами со стороны агрессора, а формированием устойчивого отрицательного образа «врага» вне зависимости от его реальных характеристик с целью перманентного дальнейшего нарушения прав лиц, попадающих в указанную категорию. Используя определение А. П. Сковородникова, можем сказать, что в ходе речевой агрессии применяется «вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) или поражение в полемике – в пользу адресата» [Сковородников 1997: 14].

Доминантой данного вида является взаимосвязь речевой и физической деятельности. А. А. Попова исследует побудительный потенциал речевой агрессии, отдельно отмечает, что она «манипулирует мыслями и поступками людей, побуждает их к действию» [Попова 2015: 697–700]. В работе Л. М. Майдановой также анализируется призыв адресата к агрессивным действиям против предмета речи [Майданова 1997: 9–13]. Именно монолитность диады «слово – дело» выступает принципом организации агрессивного текста. Призыв к осуществлению агрессивной деятельности может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно. Первый тип текстов встречается значительно реже, так как по сути представляет собой экстремистские материалы, в которых присутствуют признаки разжигания розни, инвективная или пейоративная лексика в отношении аутгрупп или их

представителей, призывы к совершению противоправных действий, распространены идеи «отрицания, уничтожения (разрушения) определенной социальной группы» [Злоказов 2013: 216]. Тексты с имплицитным содержанием внешне отличаются от запрещенных материалов, и содержат чаще не агитацию, а пропаганду. Опираясь на классификацию М. А. Осадчего, отметим, что в текстах присутствует косвенный или скрытый призыв [Осадчий 2007]. Второй тип в последнее время значительно активизировался, особенно на фоне возможностей интернет-коммуникации: анонимность общения позволяет значительно расширить круг потенциальных объектов манипулирования и одновременно распространить информацию среди большого количества разнородных пользователей.

Данный вид представляет собой целенаправленное использование фактов речевой агрессии с целью ущемления прав оппонента или их группы, основанное на имеющихся у субъекта агрессии стереотипических или идеологических убеждениях вне зависимости от конкретной деятельности объекта агрессии. К этой категории можно отнести как проявление вербального экстремизма, так и речевую репрезентацию личной неприязни субъекта агрессии в отношении лица, принадлежащего к определенной социальной группе. Существование такого вида агрессии обусловлено не особенностями конкретного индивида, а его принадлежностью к группе лиц, обладающих каким-то негативным качеством, по мнению субъекта агрессивного поведения. Это общественно опасное деяние, которое может быть самоцелью автора текста (незамедлительное агрессивное поведение) или частью более длительной пропагандистской стратегии (сформировать идеологические обоснования для будущих агрессивных действий).

В результате, классифицировав имеющиеся определения речевой агрессии и формы ее проявления, можем отметить следующее: в ходе коммуникации лицо может проявлять речевую агрессию по отношению к оппоненту, ущемляя его права как отдельной личности или представителя определенной группы, что может стать причиной возникновения фактов

вербального экстремизма или условий для формирования идеологических оснований нарушения общественной безопасности.

При этом конфликтогенный текст, выражающий субъективную оценку автора, а не призыв к противоправным действиям или оскорбление лица, является чисто лингвистической категорией и может рассматриваться только с позиции нарушения норм культуры речи, а не норм права. В таком случае речевая агрессия станет угрозой психологической безопасности участников коммуникации, но никак не перейдет в категорию правового противостояния между ними.

Подводя итоги, отметим, что речевая агрессия представляет собой две формы выражения: неосознанную и осознанную. Первый вид редко идентифицируется как агрессивное поведение участника коммуникации, поскольку его негативное воздействие определяется большим количеством внешних факторов, влияющих на результаты общения. Недостаточный уровень культуры, невозможность управлять своим поведением в эмоционально сложной ситуации и неумение предвидеть коммуникативные последствия – все это является недостаточной коммуникативной компетенцией индивида. Однако именно это позволяет укорениться в сознании индивида речевой агрессии как возможной форме коммуникации, создавая в дальнейшем предпосылки для осознанного нарушения этических и правовых норм. Необходимо отметить, что далеко не все проявления речевой агрессии можно считать правонарушением, поскольку часть коммуникативных стратегий предполагает использование элементов агрессивного поведения в процессе общения, не несущего общественной опасности. В противовес этому существует коммуникация, представляющая собой большую или меньшую степень общественной опасности и наносящая ущерб как социуму в целом, так и его отдельным представителям. Таким образом, установление причин нарушения коммуникативных норм и целей субъекта речевой агрессии должно быть ключевым условием идентификации речевого деяния в качестве противоправного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басовская Е. Н.* Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации. Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 257–263.
2. *Баучиева З. Б.* Речевая агрессия и пути ее преодоления. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. С. 389–396.
3. *Внебрачных Р. А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах. Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Социология. Психология. Педагогика». 2012. № 1. С. 48–51.
4. *Голиков Л. М.* Семиотика экстремистского текста. Уголовный процесс. 2014. № 7. С. 66–69.
5. *Злоказов К. В.* Экстремистский текст и свойства личности. Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 215–225.
6. *Копнина Г. А.* Этическая норма и проблема речевого манипулирования. Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003.
7. *Коряковцева О. А.* Особенности реализации государственной молодежной политики в постсоветской России. Ярославль, 2008.
8. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2011.
9. *Майданова Л. М.* Агрессивность и речевая агрессия. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997. С. 9–13.
10. *Осадчий М. А.* Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ. Юридический консультант. 2006. № 12. С. 18–23.
11. *Попова А. А.* Речевая агрессия в СМИ как способ манипулирования сознанием человека. Молодой ученый. 2015. № 14. С. 697–700.
12. *Сковородников А. П.* Языковое насилие в современной российской прессе. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1997. Вып. 2. С. 10–15.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2011.
14. *Щербинина Ю. В.* Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления. М., 2004.
15. *Щербинина Ю. В.* Методы диагностики речевой агрессии. Прикладная психология и психоанализ. 2001. № 3.

REFERENCES

1. Basovskaya E. N. Creators of black-and-white reality: on verbal aggression in the media [Tvortsy cherno-beloy realnosti: o verbalnoy agressii v sredstvah massovoy informatsii. Kritika I semiotika]. Criticism and semiotics. 2004. Vol. 7. P. 257–263.

2. Bauchiev Z. B. Verbal aggression and ways of its overcoming [Rehevaya agressia I puti eio preodoleniya. Sovremennye problem nauki i obrazovania]. Modern problems of science and education. 2015. № 2-1. P. 389–396.

3. Vnebrachnyh R. A. Trolling as a form of social aggression in virtual communities [Trolling kak forma sotsialnoy agressii v virtulnyh soobshchestvah. Vestnik Udmurtskogo universiteta]. Bulletin of Udmurt University. Ser. «Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy». 2012. № 1. P. 48–51.

4. Golikov L. M. Semiotics of extremist text [Semiotika ekstremistskogo teksta // Ugolovniy protsess]. Criminal trial. 2014. № 7. P. 66–69.

5. Zlokazov K. Extremist text and the properties of the personality [Ekstremistskiy tekst I svoystva lichnosti. Politicheskaya lingvistika]. Political linguistics. 2013. № 3. P. 215–225.

6. Kopnina G. A. Ethical standards and the problem of speech manipulation [Eticheskaya norma I problema rehevogo manipulirovaniya. Rusistika na poroge XXI veka: problem I perspektivy]. Russian studies on the threshold of XXI century: problems and prospects. 2003.

7. Koryakovtseva O. A. Features of **implementing** of the state youth policy in post-Soviet Russia. [Osobennosti realizatsii gosudarstvennoy molodyozhnoy politiki v postsovetskoj Rossii] Yaroslavl, 2008.

8. Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary [Kultura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik]. Moscow, 2011.

9. Maidanova L. M. Aggression and verbal aggression [Agressivnost i rehevaya agressiya. Rehevaya agressiya i gumanizatsia obscheniya v sredstvakh massovoy informatsii]. Verbal aggression and humanization of communication in the media. Yekaterinburg, 1997. P. 9–13.

10. Osadchy M. A. The use of linguistic knowledge in the investigation of crimes under article 282 of the Criminal code of the Russian Federation [Ispolzovaniye lingvisticheskikh poznaniy v rassledovanii prestupleniy, predusmotrennykh statyoy 282 Ugolovnogo kodeksa RF. Yuridicheskiy consultant]. Legal Advisor. 2006. № 12. S. 18–23.

11. Popova A. A. Verbal aggression in the media as a way of manipulating the mind of man [Rehevaya agressiya v SMI kak sposob manipulirovaniya soznaniyem cheloveka. Molodoy uchyonyi]. Young scientist. 2015. № 14. P. 697–700.

12. Skovorodnikov A. P. Linguistic violence in contemporary Russian press [Yazykovoye nasiliye v sovremennoy rossiyskoy presse. Teoreticheskiye I prikladnye aspekty rehevogo obscheniya]. Theoretical and applied aspects of speech communication. 1997. Vol. 2. S. 10–15.

13. Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language [Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka]. Moscow, 2011.

14. Shcherbinina Y. V. Russian language: verbal aggression and ways of its overcoming [Russkiy yazyk: rechevaya agresiya I puti eyo preodoleniya.]. Moscow, 2004.

15. Shcherbinina Y. V. Methods of diagnostics of verbal aggression [Metody diagnostiki rechevoy agresii. Prikladnaya psihologiya I psyhoanaliz]. Journal of Applied psychology and psychoanalysis. 2001. № 3.

О. В. Зуга

Ижевск, Россия

***О СТАТУСЕ СЛОВА «БЕСТОЛОЧЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО
ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЛИНГВИСТИКЕ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ***

В статье рассматривается функционирование слова бестолочь в современной речи носителей русского языка, варианты его анализа лингвистами в ходе проведения лингвистических экспертиз и оценки юристами в ходе судебных разбирательств.

Ключевые слова: бестолочь, лингвистическая экспертиза, приличная / неприличная форма высказывания.

Сведения об авторе: Оксана Владимировна Зуга, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета. 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, 2-й корп., к. 220. E-mail: ozuga@rambler.ru.

O. V. Zuga

Izhevsk, Russia

***ON THE STATUS OF WORD BESTOLOCH (WALLY) IN THE RUSSIAN LANGUAGE
AND ITS INTERPRETATION IN LINGUISTICS AND JURISPRUDENCE***

The article deals with the functioning of the word bestoloch (wally) in the modern speech of native speakers of the Russian language, variants of its analysis by linguists in the course of linguistic expertise and its evaluation by lawyers in court proceedings.

Key words: bestoloch (wally), linguistic expertise, decent / indecent form of utterance.

About the author: Oksana Vladimirovna Zuga, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University. Ul. Universitetskaya 1, 2-nd building, office 220, Izhevsk, 426034. E-mail: ozuga@rambler.ru.

Активное использование стилистически окрашенной лексики в разных контекстах и ситуациях общения делает задачу ее лингвистической расшифровки в последнее время наиболее актуальной. В данной работе мы рассмотрим функционирование слова *бестолочь* в современной речи носителей русского языка, варианты его анализа лингвистами в ходе проведения

лингвистических экспертиз и оценки юристами в ходе судебных разбирательств.

В словарях современного русского языка лексическое значение существительного *бестолочь* представлено одинаково – ‘глупый, бестолковый человек’. С точки зрения функционально-стилевой окраски в большинстве словарей эта лексема содержит помету о принадлежности слова к разговорной лексике, которая является «одной из двух разновидностей литературного языка (вторая разновидность – книжно-письменный, или кодифицированный, язык), существует преимущественно в устной форме и которой в неофициальных ситуациях пользуются главным образом представители городского образованного населения, владеющие русским языком как родным» [Словарь русской разговорной речи 2014: 9; Стернин, URL]. Однако в эмоционально-оценочной характеристике анализируемого слова мнение авторов словарей совпадает не всегда: *разг.* [Ушаков 1994]; *разг. неодобр.* [Ожегов 2009; Малый академический словарь 1981–1984; Русский семантический словарь 1998]; *разг. сниж.* Употребляется как *порицающее или бранное слово* [Ефремова 2000]; *бранно* [Кузнецов 2000; Большой энциклопедический словарь 2000]; *неодобр.* [Словарь русской брани 2003; Словарь русской разговорной речи 2014]. Это несовпадение может свидетельствовать, по мнению Н. Д. Голева, «либо о различных теоретических установках авторов словарей, разном «качестве» их интуиции или разном материале, либо об объективных стилистических сдвигах, которые произошли за определенный период, отделяющий создание одного словаря от другого» [Голев 2003].

Согласно [Понятия чести, достоинства и деловой репутации...] лексема *бестолочь* входит в группу слов, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности (например, *дурак, гадина*), а значит, в силу своей семантики обладает оскорбительным потенциалом.

Наличие негативной оценки, которая содержится в значении анализируемого слова, приводит к тому, что носители языка воспринимают это слово как обидное и даже оскорбительное. В то же время понятие оскорбление

в обыденном понимании часто не совпадает с юридическим пониманием этого термина: «оскорбление в обыденном понимании гораздо шире, чем в юридическом. Для юридической квалификации высказывания как оскорбительного необходимым признаком является неприличная форма, а в обыденном понимании к оскорблению относят любые слова с негативной семантикой» [Матвеева, URL; Стернин, URL и др.]. См., например, статьи уголовного кодекса и кодекса административных правонарушений, согласно которым оскорблением является унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме (КоАП РФ, статья 5.61. Оскорбление; УК РФ, статья 319. Оскорбление представителя власти; УК РФ, статья 297. Неуважение к суду). Иными словами, наказанию подлежит публичное адресное сообщение негативной информации, выраженное в неприличной речевой форме. Таким образом, при проведении судебной лингвистической экспертизы по определенным категориям дел важным оказывается вопрос о том, имеет ли слово неприличную форму.

Согласно классификации лексики с точки зрения нормативности И. А. Стернина слово *бестолочь* входит в разряд нормативной лексики русского языка, так как относится к разговорной лексике, а следовательно, по морально-этическому критерию (допустимости в общественном месте) является приличным, но допустимым преимущественно в устной речи.

Согласно концепции Н. Д. Голева слово *бестолочь* имеет среднюю степень инвективности, а значит, не имеет неприличной формы, так как под неприличной формой Н. Д. Голев предлагает понимать «форму с использованием лексем, лидирующих на шкале «сильной» инвективности» [Голев 2000: 20].

Степень инвективности (нарастание оттенков оскорбительного значения) определяется следующим образом: «если от 80% до 100% словарей указывают на то, что слово бранное, презрительное или уничижительное, то степень его инвективности «высокая», если от 50% до 80% – «средняя», от 20% до 50% – «невысокая», от 1% до 20% – «малая». Так, по наблюдениям Н. Д. Голева, к

словам с высокой степенью инвективности относятся *болван, дубина, идиот, кретин, осел* и т. д., к словам со средней степенью инвективности – *балда, дурак, олух* и т. д., к словам с невысокой степенью инвективности – *балбес, бестолочь, тупица* и т. д. и малой степенью инвективности – *дурень, пень, полудурок* и т. д. [Голев 2015].

Согласно концепции К. И. Бринева слово *бестолочь* относится к тем инвективным средствам русского языка, которые являются нежесткими (слабоинвективными), или деактуализируемыми. Таковыми являются слова, имеющие контексты, в которых инвективная интенция деактуализируется под воздействием пропозициональной установки [Бринев 2010]. (Ср.: «В разных контекстах и ситуациях, по отношению к разным лицам и в употреблении разных лиц, одно и то же слово на шкале инвективности достаточно легко меняет свое место» [Голев 2000].)

В Национальном корпусе русского языка мы обнаружили большое количество примеров, в которых инвективный заряд слова *бестолочь* нейтрализуется. Вот некоторые из них:

«– *Маришик, – рассмеялся Саша растроганно, – бестолочь ты моя любимая! Я загадал тебя!*» (Коняева И. «Любовь под снегом»).

«– *Рауль, бестолочь ты моя талантливая, береги ее, – проходя мимо нас сказала Катерина и подмигнула Алисе*» (Ловчикова А. «Моя сказочница. Часть 1. Скрытая жизнь»).

«*Я соскучилась уже, бестолочь ты моя любимая!!!!!!! как у тебя дела???)*****. *Надя*» (<https://ask.fm/Ksyusha4614/answers/55881924536>);

«– *Мне нужна ты. Моя любимая бестолочь...*» (https://vk.com/topic-34441440_27570878?post=43916).

Таким образом, лингвистический анализ с учетом различных концепций определения приличной/неприличной формы слова показал, что лексема *бестолочь* (глупый, бестолковый человек) содержит негативную информацию, однако имеет разговорную форму выражения, то есть остается в разряде нормативной лексики, хотя, как и многие другие разговорные

словоупотребления, может выглядеть стилистически неуместным в том или ином конкретном тексте (см, например, об этом [Стернин, URL; Матвеева, URL] и др.). Показательно, что лексема *бестолочь* не обнаружена нами в тематическом толковом словаре «Вербальная структура коммуникативного акта агрессии» [Потапова, Комалова 2015] и в Словаре стереотипных названий русского человека [Токарев 2014].

Рассмотрим судебную практику.

1. В 2015 году в ходе судебного заседания по гражданскому делу один из участников процесса, гражданин М. (в обоих примерах вместо имен собственных приводятся условные обозначения: М. – мужчина, Ж. – женщина), произнес в адрес другого участника процесса, свидетеля Ж., следующую фразу: *ну ничего не знает, бестолочь ты, по-русски говоря*. В отношении гражданина М. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ («Неуважение к суду»). Приговором суда первой инстанции от 26 июля 2016 года гражданин М. признан виновным в неуважении к суду, выразившемся в оскорблении участника судебного заседания – свидетеля Ж. Суд апелляционной инстанции признал приговор суда законным, обоснованным и справедливым, ссылаясь в том числе на заключение судебной лингвистической экспертизы, согласно которой в высказывании М. имеется негативная оценка свидетеля Ж., высказанная в утвердительной форме; в коммуникативной ситуации судебного заседания, относящейся к официально-деловому стилю речи, по лексико-стилистической окраске лексема характеризуется как бранная [Апелляционное постановление, URL].

2. В апреле 2015 года в ходе судебного заседания М., являясь участником судебного разбирательства в присутствии других участников процесса высказал в адрес Ж. в грубой форме оскорбительные, неприличные, противоречащие нравственным нормам и правилам поведения человека в обществе, слова – *ты бестолочь*. Согласно судебной лингвистической экспертизе слово *бестолочь* является оскорбительным, так как включает в себя ярко выраженное экспрессивно-оценочное значение негативного типа, и в данной ситуации имеет

в коммуникативном отношении направленный характер; слово *бестолочь* является резким, недопустимым в официальном публичном общении и в русской лексической стилистике относится к разряду бранных. Поскольку любые бранные слова, использованные в инвективной функции, являются неприличными, и прежде всего в сугубо официальной коммуникативной ситуации, слово *бестолочь* является неприличным. Гражданин М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ [Приговор суда, URL].

Как видим, в обоих случаях обвиняемые были признаны виновными по статье 297 УК РФ «Неуважение к суду»: неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства (<http://stykrf.ru/297>).

В комментарии к статье 297 УК РФ говорится о том, что «оскорблением могут признаваться лишь такие действия или высказывания, которые выражены в неприличной форме» (<http://stykrf.ru/297>).

Заметим, что в первом примере экспертом вообще не решался вопрос о наличии у слова *бестолочь* неприличной формы, а во втором – эксперт безапелляционно относит слово *бестолочь* к неприличной лексике, ссылаясь на наличие у него словарной пометы *бранное*.

Анализ коммуникативной ситуации, проведенный на основании данных, полученных из апелляционного постановления (ситуация 1) и текста приговора (ситуация 2), свидетельствует о том, что использование анализируемой лексемы в ситуации делового общения (судебное заседание) действительно является неуместным и при определенных условиях произнесения (публично, адресно и т. д.) действительно могло являться оскорбительным словоупотреблением, то есть входить в речевой акт оскорбления. Однако и в этом случае истцов могло оскорблять содержание (если оно не соответствует действительности), но не форма (ранее мы пришли к выводу о том, что слово *бестолочь* не имеет неприличной формы), а «использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию» [Стернин 2006: 6; Стернин 2011].

Парадокс заключается в том, что согласно этому же комментарию к статье 297 УК РФ «ввиду особой роли в жизни общества судебной власти, участников судопроизводства, а также судебной процедуры судебной практикой признаются оскорбляющими судей и участников уголовного судопроизводства высказывания типа «дурак», «дебил», «ничтожество», «пустое место», которые в иных условиях не признаются имеющими неприличную форму» (Определения Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 19.01.2009 № 38-О08-39, от 29.04.2009 № 16-О09-11). Иными словами, оскорбление в данном случае рассматривается в соответствии с обыденным, более широким по отношению к юридическому, пониманием этого понятия: оскорбительными (по форме и содержанию) признаются любые слова с негативной семантикой. Очевидно, этим обстоятельством объясняется, во-первых, вынесение судами обвинительных приговоров и, во-вторых, отсутствие вопроса эксперту-лингвисту о наличии приличной/неприличной формы высказывания в одном из примеров, взятых нами для анализа из судебной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное постановление [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/k5fKMN>.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
3. *Бринев К. И.* Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/bD2KpC>.
4. *Голев Н. Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема. Юрислингвистика–2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 8–40.
5. *Голев Н. Д.* Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы). Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2. Ч. 1. С. 92–98.

6. *Голев Н. Д., Головачева О. В.* Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка. Юрислингвистика–6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005.

7. Малый академический словарь. Академик: Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru>.

8. *Матвеева О. Н.* Оскорбление – унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/PQQw1L>.

9. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь русской брани (матизмы, обценизмы, эвфемизмы). СПб.: Норинт, 2003. 448 с.

10. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. 736 с.

11. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. М., 2004.

12. *Потапова Р. К., Комалова Л. Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания. М., 2015. Вып. 1.

13. Приговор суда [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/tfuMss> (дата обращения: 25.06.2017).

14. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.

15. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. Академик: Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru>.

16. Статья 297. Неуважение к суду [Электронный ресурс] // Уголовный кодекс РФ. Последняя действующая редакция с комментариями. URL: <http://stykrf.ru/297>.

17. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1.: А–И. / М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова и др.; отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

18. *Стернин И. А.* Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста. «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика»: Интернет-конференция [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/TYDR6W>.

19. *Токарев Г. В.* Словарь стереотипных названий русского человека. М., 2014.

20. Энциклопедический словарь. Академик: Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru>.

REFERENCES

1. Judgment on appeal [Apellyatsionnoe postanovlenie]. URL: <https://goo.gl/k5fKMN>.
2. Unabridged Explanatory Dictionary of Russian Language [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka]. Editor-in-Chief S. A. Kuznetsov. Spravochno-informatsionnyy portal GRAMOTA.RU: russkiy yazyk dlya vseh – Reference and information portal GRAMOTA.RU: Russian language for all. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
3. Brinev K. I. The problem of expert evaluation of insults. Insult in the legal understanding of a linguist. Insult as a speech act [Problema ekspertnoy otsenki oskorbleniya. Oskorblenie v pravosoznanii lingvista. Oskorblenie kak rechevoy akt]. URL: <https://goo.gl/bD2KpC>.
4. Golev N. D. Juridification of natural language as a linguistic problem [Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak lingvisticheskaya problema]. Yurislingvistika–2 . Russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii – Legal linguistics 2. Russian language in its natural and legal life. Barnaul, 2000. P. 8–40.
5. Golev N. D. The legal-linguistic dictionary of the invective vocabulary of the Russian language (shaping the problem) [Yurislingvisticheskiy slovar' invektivnoy leksiki russkogo yazyka (k postanovke problemy)]. Aktual'nye problemy rusistiki: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii – Acute problems of Russian Studies: Materials of the International Scientific Conference. Tomsk, 2003. Vol. 2. Part 1. P. 92–98.
6. Golev N. D., Golovacheva O. V. The legal-linguistic dictionary of the invective vocabulary of the Russian language [Yurislingvisticheskiy slovar' invektivnoy leksiki russkogo yazyka]. Yurislingvistika–6: invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka – Legal linguistics 6: the invective and manipulative functioning of the language. Barnaul, 2005.
7. Minor Academic Dictionary [Malyy akademicheskii slovar']. Akademik: Slovari i entsiklopedii na Akademike – Academician: Dictionaries and encyclopedias on Academician. URL: <http://dic.academic.ru>.
8. Matveeva O. N. Insult - humiliation of honor and dignity expressed in indecent form [Oskorblenie – unizhenie chesti i dostoinstva, vyrazhennoe v neprilichnoy forme]. URL: <https://goo.gl/PQQw1L>.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G. The dictionary of Russian Abuse (matisms, obscenes, euphemisms) [Slovar' russkoy brani (matizmy, obstsenizmy, evfemizmy)]. St. Petersburg, 2003.
10. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka]. Ed. L. I. Skvortsova. Moscow, 2009.

11. Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and the problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists [Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami]. Moscow, 2004.
12. Potapova R. K., Komalova L. R. Verbal structure of the communicative act of aggression: Thematic dictionary [Verbal'naya struktura kommunikativnogo akta agressii: Tematicheskiiy tolkovyy slovar']. Vol. 1. Moscow, 2015.
13. Court sentence [Prigovor suda]. URL: <https://goo.gl/tfuMss>.
14. Russian Semantic Dictionary. Thesaurus, systematized by classes of words and meanings [Russkiy semanticheskiiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy]. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, 1998.
15. The Modern Thesaurus of the Russian Language by Efremova [Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka Efremovoy]. Akademik: Slovarei i entsiklopedii na Akademike – Academician: Dictionaries and encyclopedias on Academician. URL: <http://dic.academic.ru>.
16. Article 297. Contempt of court [Neuvazhenie k sudu]. Ugolovnyy kodeks RF – The Criminal Code of the Russian Federation. URL: <http://stykrf.ru/297>.
17. Thesaurus of Russian Colloquial Speech [Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy rechi]. M. Ya. Golovinskaya, E. I. Golanova, O. P. Ermakova and others; Ed. by L. P. Krysin. Vol. 1: A–I. Moscow, 2014.
18. Sternin I. A. Indecent form of utterance in linguistic analysis of text [Neprilichnaya forma vyskazyvaniya v lingvokriminalisticheskom analize teksta]. Yurilingvistika: sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza, lingvokonfliktologiya, yuridiko-lingvisticheskaya germevtika: Internet-konferentsiya – Legal linguistics: forensic linguistic examination, lingvoconflictology, legal and linguistic hermeneutics: Internet conference. URL: <https://goo.gl/TYDR6W>.
19. Tokarev G. V. Dictionary of Stereotyped Russian Ways to Name a Person [Slovar' stereotipnykh nazvaniy russkogo cheloveka]. Moscow, 2014.
20. Encyclopedic Dictionary [Entsiklopedicheskiiy slovar']. Akademik: Slovarei i entsiklopedii na Akademike – Academician: Dictionaries and encyclopedias on Academician. URL: <http://dic.academic.ru>.

СУГГЕСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ

УДК 659.4:81'42, ББК Ш 100.3, ГРНТИ 16.21.33, КОД ВАК 10.02.19

С. В. Доронина

Барнаул, Россия

«СХОДСТВО ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ»: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Работа посвящена описанию семиотических механизмов создания товарных знаков, сходных друг с другом до степени смешения. Осуществляется поиск корреляций с правовым понятием «сходство до степени смешения» в области коммуникативистики. Сходными до степени смешения, в первую очередь, признаются знаки, которые вводят потребителя в заблуждение относительно происхождения товаров. В комбинированных товарных знаках сходство целесообразно определять с учетом различных компонентов структуры и аспектов функционирования знака. Товарные знаки, обладающие формально-семантическим сходством, можно считать паронимами – в процессе их функционирования в речи происходит мотивированная подмена одного наименования другим. Другие товарные знаки вступают в отношения паронимии, так как они схожи друг с другом только графически и фонетически. В работе подвергаются классификации языковые приемы создания товарных знаков, сходных до степени смешения. Результаты воздействия представленных приемов, по нашему мнению, не тождественны, и их измерение требует экспериментального исследования.

Ключевые слова: товарный знак; фирменное наименование; сходство до степени смешения; экспертиза.

Сведения об авторе: Светлана Валерьевна Доронина, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета; государственный судебный эксперт ФБУ Алтайская лаборатория судебной экспертизы Минюста России. E-mail: doroninasv73@mail.ru. 656034, Барнаул, ул. Димитрова 66, ауд. 413а.

S. V. Doronina

Barnaul, Russia

«DEGREE OF SIMILARITY CLOSE TO CONFUSION»: LINGUISTIC ASPECT

*This paper describes a semiotic mechanism for creating trademarks that are similar to each other to the point of confusion. Correlations with legal notion of «confusing similarity " are searched for in the field of Communication. We mainly emphasize the probability of misleading the consumer about the origin of the goods. In combined trademarks, the similarity is advisable to be determined through the various components of the structure and through the functioning of the trademark. A formal-semantic similarity of the trademarks can be considered as *аубрасть!* paronymy - a motivated substitution of one name for another in the speech functioning. Other trademarks can be considered as *аубрасть* paronomasia, because they are similar to each other only graphically and phonetically. The article classifies the methods of creating trademarks that are similar to the degree of confusion. The suggested properties of the presented methods, in our opinion, are not identical, and their measurement requires experimental research.*

Key words: trademark, company name; degree of similarity close to confusion; expertise.

About the author : Svetlana Valerievna Doronina, Candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Chair of General and Applied Philology, Literature and Russian Language, Altai State University. State Judicial Expert of the FBU Altai Forensic Laboratory. Ul. Dimitrova 66, office 413a, Barnaul, 656034. E-mail: doroninasv73@mail.ru.

Активно развивающаяся сфера деловых коммуникаций порождает новые знаки, отличающиеся по структуре и функциям от единиц, традиционно исследуемых коммуникативными науками. Речь идет о так называемых товарных знаках – обозначениях, служащих для индивидуализации юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Прежде всего данные знаки характеризует семиотическая многослойность: они могут состоять не только из словесных, но и изобразительных символов, включать в себя буквы, цифры, эмблемы, монограммы или подписи, цвета или комбинации цветов. Во-вторых, данный вид знаков характеризуется полифункциональностью. Торговые марки не только выполняют традиционные для языковых знаков номинативную и суггестивную функции, но также решают ряд задач, задаваемых особыми условиями коммуникации – конкуренцией референтов данных знаков на рынке товаров и услуг. Товарные

знаки должны облегчать восприятие различий и создавать различия, то есть призваны внушить потребителю, что данное конкретное изделие / услуга отличается от других, аналогичных ему. Эту функцию знаки выполняют параллельно с другими средствами идентификации товара — упаковкой, формой, цветом, весом и т.д. [Веркман 1986]. Наконец, товарные знаки должны служить гарантией в глазах потребителя – быть символом того, что цены и качество товаров с одним и тем же знаком не отличаются друг от друга. Товарные знаки являются средством, формирующим устойчивую ассоциативную связь между компанией и производимым ею продуктом, что, в конечном итоге, служит цели индивидуализации продукта в глазах потребителя.

Таким образом, товарные знаки могут быть объектом исследования не только маркетинга, патентного права, но и теории коммуникации, поскольку являются средством установления связей между коммуникантами (производителем товара и потенциальным покупателем) в особых коммуникативных условиях (в сфере рыночных отношений, основанных на конкуренции).

Наиболее важные вопросы функционирования товарных знаков в деловой сфере получают правовую регламентацию. Согласно главе 76 «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, услуг и предприятий» ч. 4 ГК РФ, посвященной правилам использования товарных знаков и знаков обслуживания, запрещается регистрация и использование в коммерческих целях обозначений, сходных до степени смешения и используемых для обозначения однородных товаров. Закон призван охранять эффективность коммуникаций продавца и покупателя, пропуская на рынок товаров и услуг только те семиотические комплексы, которые способны эффективно выполнять функцию идентификации. Этим сводится к минимуму количество ошибок, обусловленных подменой (преднамеренной или случайной¹) одного из

¹ Как показывает экспертная практика, случайно возникшее подобие брэндов, без намерения скопировать известную торговую марку, – явление почти исключительное. Чаще всего имитация товарных знаков

участников коммуникативного акта купли-продажи. Поэтому разработка метода оценки новых товарных знаков с точки зрения их охраноспособности является исключительно важной задачей, активно обсуждаемой в различных социо-гуманитарных науках (см., например: [Дударева 2014; Жарков, 2009; Новичихина 2012]).

Количество судебных исков о запрете использования обозначений, сходных до степени смешения, свидетельствует о том, что поставленная выше проблема далека от своего разрешения. Причина регистрации товарных знаков-двойников объясняется, прежде всего, неконкретностью определения правового понятия «сходство до степени смешения», существующего в российском законодательстве. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утвержденные приказом Роспатента от 31.12.09 № 197, толкуют правовое понятие следующим образом: «Обозначения являются сходными до степени смешения, если они ассоциируются между собой в целом, несмотря на их отдельные отличия». Как видим, в основу определения положен признак ассоциативного сближения форм, допускающий возможность широкого вариативного толкования. Поэтому нередко установление «отдельных отличий» зависит от мнения – нередко весьма субъективного – экспертов Роспатента и судебных экспертов-лингвистов. Так, товарные знаки *Интел* и *Интелпарт* экспертом Е. И. Галяшиной признаны сходными до степени смешения, в то время как наименования лекарственных препаратов *Энап* и *Энам*, по мнению исследователя В. П. Белянина, лишены такого сходства [<http://www.textology.ru>].

Специалистам в области патентного права более удачным представляется законодательная база зарубежных стран, в частности, определение сходства до степени смешения, принятое Всемирной организацией интеллектуальной собственности: «Товарный знак является сходным до степени смешения с предшествующим знаком, если он используется для однородных товаров

и так похож на предшествующий знак, что есть вероятность введения потребителя в заблуждение относительно происхождения товаров» [цит. по: Лосев, 2002]. Данное определение представляется более удачным и с коммуникативной точки зрения. Во-первых, в нем указан адресат коммуникативного акта (потребитель), восприятие которого является основополагающим при решении вопроса об охраноспособности знаков. Во-вторых, само понятие сходства товарных знаков в нем подвергается существенной конкретизации, поскольку речь идет о такой степени подобия, которая может быть интерпретирована как маркер тождества товаропроизводителя. Данное уточнение весьма существенно при решении вопроса о различительной способности знаков, поскольку торговые марки, прежде всего, являются средством борьбы участников рынка за потребителя.

Сходство до степени смешения в товарном знаке создается различными способами, поскольку большинство коммерческих наименований являются комбинированными знаками. Копированию подвергаются графические особенности торговой марки, ее цветовые решения. Хотя следует отметить, что при добросовестной разработке знака, без копирования чужого изображения, крайне редко встречаются случаи полного совпадения, тем более если учесть различия в цветовой гамме. Даже часто употребляемые изображения (глаза, солнца, руки) при незначительном изменении графики становятся непохожими на другие.

Доминирующим элементом в коммуникативных науках по праву считается вербальная часть обозначения, поэтому с особым вниманием следует относиться к выбору слова в словесно-изобразительном знаке. Известно, что словесные знаки составляют 80 % от всех существующих товарных знаков. Такими знаками могут быть личные имена «Аленка», «Тинькофф». Также придуманные новообразования – *ксерокс*, *kodak*. Аббревиатуры — *МУЗ ТВ*, *РТР*, *ТНТ*. Числовые обозначения — *Первый канал*. Описание способов создания парных товарных знаков и оценка их манипулятивной способности – одна из важных прикладных задач коммуникативных наук. При этом

непременным условием успешного исследования выступает полный анализ социокультурного контекста, в котором функционируют данные товарные знаки. Доказательством тому выступает ряд примеров из экспертной практики.

Большое значение имеет степень владения носителями языка используемым коммуникативным кодом. В частности, товарные знаки «*olive*» в латинице и «*оливка*» в кириллице признаны сходными до степени смешения, поскольку между рассматриваемыми словесными обозначениями имеет место формальная ассоциативная связь (<http://rbis.su/article.php?article=306>). В то же время товарные знаки «*target*» и «цель», согласно проведенной лингвистической экспертизе, не могут восприниматься русскоязычным потребителем как парные, так как они отличны визуально и фонетически, а совпадение объема лексических значений лексем английского и русского языков не осознается средним потребителем в России в силу недостаточной языковой компетенции (<http://rbis.su/article.php?article=306>).

Важным для восприятия товарных знаков является экстралингвистический контекст – время существования товарного знака на рынке и степень знакомства потребителя с ним. Так, например, компании «Bouchard Aine et Fils», что в переводе означает «Бушар старший и сыновья», было отказано в регистрации товарного знака и предоставлении правовой охраны на территории России. Как пояснил представитель Роспатента в суде, ранее, в 1997 году, уже был зарегистрирован товарный знак компании «Bouchard Pere & Fils» («Бушар-отец и сыновья») и оба знака являются сходными до степени смешения и графически, и семантически, и фонетически. Представитель истца, со своей стороны, сообщил суду, что во Франции обе компании сосуществуют с 1828 года, потребитель их никогда не смешивал, и оба товарных знака признаются международным правом (<http://rapsinews.ru/news/20091029/191162134.html>). Как видим, правовая охрана международного товарного знака не всегда может быть автоматически распространена на территорию России.

Существенное значение имеет вопрос о том, какова аудитория потенциальных потребителей товара или услуги, репрезентируемых спорными товарными знаками. Семиотические комплексы, ориентированные на разные группы потребителей, не вступают в коммуникативный конфликт, даже обладая высокой степенью сходства. Так, например, наименования предприятий, реализующих продукты нефтепереработки, – «Алтайнефтепродукт», «Омскнефтепродукт», «Тюменьнефтепродукт» и пр. – являются обозначениями организаций, занимающихся предпринимательской деятельностью в разных регионах Российской Федерации. Отсутствие конкурентных отношений между поставщиками тождественных услуг ведет к тому, что фирменные наименования, обладающие высокой степенью подобия вербального компонента обозначения, беспрепятственно регистрируются и получают правовую защиту.

Безусловно, перечисленные коммуникативные факторы способствуют возникновению правового конфликта лишь при условии сходства вербальных компонентов фирменных наименований. Виды ассоциативной связи между данными семиотическими комплексами подобны парадигматическим отношениям единиц естественного языка. Товарные знаки, обладающие формально-семантическим сходством, можно считать паронимами – в процессе их функционирования в речи происходит мотивированная подмена одного наименования другим («Снежок» – «Снежинка»; «Валио» – «Валио-йогурт»). Другие товарные знаки вступают в отношения паронимии, так как они схожи друг с другом только графически и фонетически («Liasson» – «Lyasson»; «HUSHCVANA» – «Husqvarna» (http://www.lawcabinet.ru/arbitrajnii_advokat/1047948878.html)).

Для выявления и последовательного описания приемов создания товарных знаков, вступающих в процессе своего функционирования в отношении паронимической аттракции, нами были проанализированы наименования однородных товаров (видов кисломолочной продукции), используемые товаропроизводителями Алтайского края. При этом приемы

создания товарных знаков оказалось возможным разделить на следующие группы.

Наименования 1 группы составили пары наименований, которые могут быть восприняты потенциальным потребителем как иноязычный товарный знак и его русский перевод. «*Normula*» – «*Норма*», «*Fruit corner*» – «*Фруайте*», «*Йогурт Novation*» – «*Новацiонный йогурт*».

Вторую группу составляют пары товарных знаков, в которых оба наименования пишутся на латинице. В этом случае знаки различаются особенностями графики «*Mesaneck*» – «*Mesaneck*», «*Liasson*» – «*Lyasson*», «*Innocent*» – «*Innockept*». Это самый эффективный прием провокации паронимической подмены фирменных наименований. В его основе лежит подмена (выпадение, добавление, замена) графем и графемных комплексов, которые не соотносимы с правилами графического отображения русской звучащей речи. Искажению подвергаются графические комплексы, отражающие согласные звуки BOSCH – BOSH, MESANECK – MESANEK; графическое отображение дифтонгов SANYO – SANIO; осуществляется подмена одиночных графем, обозначающих тождественные гласные и близкие согласные звуки SONY – SONI, VESTEL – WESTEL; наконец, искажению подвергаются нечитаемые графемы SCARLETT – SCARLET, BINATONE – BINATON.

Третью группу составляют знаки, созданные по словообразовательным и грамматическим моделям русского языка. Поэтому ассоциативная связь, возникающая между ними, обусловлена наличием общих структурных компонентов наименований. Некоторые из них обладают разной длиной, что позволяет в соответствии с традициями русского словообразования рассматривать более простое наименование как исходное, а более сложное – как производное. Реальные мотивационные отношения в данном материале не могут быть установлены, неопределима также и подражательная авторская интенция. Собранный материал лишь позволяет говорить о возможности установления эпидигматических отношений между знаками. Исходя из

описанных презумпций, парные товарные знаки возможно описать следующим образом:

1.1 В структуре товарных знаков имеются тождественные или сходные элементы, позволяющие установить между знаками отношения производности. «Му» – «Му-му» В данном случае происходит редупликация знака. Изначально присутствующий в знаке слог «му» дублируется; в итоге план выражения языкового знака меняется, однако при этом план содержания не претерпевает изменения.

1.2 «Летний день» – «Новый день» Оба наименования представляют собой словосочетание прилагательное + существительное, где сущ. «день» – главное слово. При этом оно не является родовым наименованием продукции, его употребление есть результат переноса (метонимического). Согласно семантической классификации товарных знаков [Хефтер, Литовиц 2003; Чармэссон 1999], данный компонент формирует произвольный товарный знак.

1.3 «Валио» – «Валио йогурт» (слово – словосочетание, где фантазийный компонент, слово *Валио*, повторяется) «Славянский» – «Славянский йогурт» (слово – словосочетание, где оригинальный компонент, слово *Славянский*, повторяется).

1.4 «Мечта» – «Заветная мечта». Использование той же структуры слово // словосочетание в данном примере осложнено тем, что усложненный знак представляет собой эпитет («Заветная мечта»). Однако развертывание метафоры до известного речевого клише не нарушает паронимических отношений: оригинальный компонент наименования, являющийся произвольным знаком [Хефтер, Литовиц 2003; Чармэссон 1999], дает основание объединять эти наименования в пару.

Суггестивные свойства представленных приемов, по нашему мнению, не тождественны, и их измерение требует экспериментального исследования. Кроме того, воздействующий потенциал вербального компонента фирменного наименования может быть усилен за счет невербальных компонентов знака (как правило, изобразительных средств). Сказанное намечает перспективы

исследования функциональных свойств товарных знаков в социо- и психолингвистическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев С. С. Правовая охрана товарных знаков. Юрист. М., 2002. № 1 (8). С. 39–42.
2. Веркман К. Дж. Товарные знаки: создание, психология, восприятие. М., 1986.
3. Хефтер Л. Р., Литовиц Р. Д. Что такое интеллектуальная собственность? Права интеллектуальной собственности в Соединенных Штатах Америки: Документы, комментарии специалистов, справочные материалы: сб. / сост. Э. Джонсон]. М., 2002.
4. Чармэссон Г. Торговая марка: как создать имя, которое принесет миллионы. СПб., 1999.
5. Жарков И. В. Сходство до степени смешения: взгляд эксперта-лингвиста. Патентный поверенный. М., 2009. № 4. С. 22–24.
6. Голев Н. Д., Дударева Я. А. Семантическая близость как показатель сходства коммерческих обозначений до степени смешения. Вестник Кемеровского университета. Кемерово, 2014. № 1-2 (13). С. 136–139.
7. Новичихина М. Е. О некоторых трудных случаях лингвистической экспертизы товарных знаков. Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1.

REFERENCES

1. Losev S. S. Legal protection of trademarks [Pravovaia ohrana tovarnih znakov]. Lawyer. 2002. № 1 (8). P. 39–42.
2. Verkman K. J. Trademarks: creation, psychology, perception [Tovarnie znaki: sozdanie, psihilogia, vospriatie]. Moscow, 1986.
3. Hefter L. R., Litovitz R. D. What is intellectual property? [Chto takoe intellektualnaia sobstvennost]. Intellectual property rights in the United States of America: Doc., Comment. Specialists, information. Materials: Sat. / Comp. E. Johnson]. Moscow, 2002.
4. Charmesson G. Brand: how to create a name that will bring millions [Torgovaia marka: kak sozdat imja, kotoroe prineset millioni]. St. Petersburg., 1999.
5. Zharkov I. V. Similarity to the degree of confusion: the view of an expert linguist [Shodstvo do stepeny smeshenia: vzglad experta-lingvista]. Patent Attorney. Moscow, 2009. № 4. P. 22–24.
6. Golev N. D., Dudareva Ya. A. Semantic proximity as an indicator of the similarity of trade names to the degree of confusion [Semanticheskaia blizost kak pokazatel shodstva

kommercheskih oboznachenij do stepeni smeshenia]. Vestnik of the Kemerovo University. Kemerovo, 2014. № 1-2 (13). P. 136–139.

7. Novichikhina M.E. On some challenging cases of linguistic expertise of trademarks [O nekotoryh trudnih sluchajah lingvisticheskoi ehpertizi tovarnin znakov]. Bulletin of the VSU. Series: Philology, Journalism. 2012. № 1.

В. В. Катермина, Т. С. Сафронова

Краснодар, Россия

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСНОВНЫХ СУГГЕСТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена исследованию реализации механизмов суггестивного воздействия в речи профессиональных оппонентов – прокуроров и адвокатов – на примере отдельно взятого композиционного этапа допроса свидетелей в рамках англоязычного судебного дискурса. В статье представлены основные суггестивные стратегии и тактики, применяемые на данном этапе, а также дана краткая характеристика их интенциональности и способов репрезентации. Отмечается, что внушение как средство воздействия на психику реализуется только в силу того, что у человека есть определенный механизм, предоставляющий ему возможность воспринимать внушающие влияния и отражать их. Авторы полагают, что анализ эффективности воздействия речи профессиональных оппонентов – адвокатов и прокуроров (основные суггестивно-психологические последовательности, применяемые во вступительном заявлении, а также суггестивные стратегии, тактики и приемы, позволяющие их реализовать), – существенно расширяет перспективы изучения характеристик и признаков юридического дискурса, позволяя приблизиться к пониманию механизмов работы человеческого мозга, сознания и подсознания в совокупности с антропоцентрическим подходом к реализации внушения в рамках ситуативного институционального общения.

Ключевые слова: суггестия, допрос свидетелей, перекрестный допрос, суггестивные стратегии, суггестивные тактики.

Сведения об авторе: Вероника Викторовна Катермина, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета. 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: veronika.katermina@yandex.ru.

Сведения об авторе: Татьяна Сергеевна Сафронова, аспирант кафедры английской филологии Кубанского государственного университета. 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: easy_way@list.ru.

V. V. Katermina, T. S. Safronova

Krasnodar, Russia

WAYS OF REPRESENTATION OF MAIN SUGGESTIVE STRATEGIES AND TACTICS IN LAW DISCOURSE

This article is devoted to the research of the mechanisms of suggestive influence represented in professional lawyers – prosecutors and attorneys – speech within the English law discourse on the material of a particular witness interrogation part of the court procedure. Some basic suggestive strategies and tactics used in this step and brief characteristics of their intentionality and ways of representation are presented. It is stated that suggestion as a means of persuasion and manipulation on a psyche is possible only due to the existence of a certain mechanism which gives a person an opportunity to perceive the suggested influences and reflect them. The authors suppose that the analysis of an effective manipulation of professional opponents – a plaintiff and a defendant (some basic suggestive-psychological algorithms used at the opening statement as well as suggestive strategies, tactics and methods applied) might considerably enhance the perspectives of studying characteristic features of law discourse thus allowing to get closer to the understanding of how a person's brain works as well as the nature of consciousness and subconsciousness together with the anthropocentric approach aimed at realization of manipulation/suggestion within the situation of an institutional communication.

Key words: suggestion; witness interrogation; cross-examination; suggestive strategies; suggestive tactics.

About the author: Veronika Viktorovna Katermina, Doctor of Philological sciences, Professor of the Chair of English Philology, Kuban State University. Ul. Stavropolskaya, 149, Krasnodar, 350040. E-mail: veronika.katermina@yandex.ru.

About the author: Tatyana Sergeevna Safronova, post-graduate student of the Chair of English Philology, Kuban State University. Ul. Stavropolskaya, 149, Krasnodar, 350040. E-mail: easy_way@list.ru

Исследованию феномена языкового манипулирования и суггестии посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых, среди которых классики российской нейропсихологии В. М. Бехтерев [1994], И. П. Павлов [1951], психологи В. А. Гончаров [2001], С. К. Мышляев [1992], А. М. Свядощ [1966]; собственные суггестивные системы разработали зарубежные психотерапевты-практики: С. Андреас [2001], Р. Бэндлер [1994], Д. Гриндер [1999], М. Эрикссон [1952]; научный интерес к воздействующим текстам проявили такие ученые-лингвисты, как Ж. Вандриес [1937], В. фон Гумбольдт [1984], Л. С. Бархударов [1975], Н. Крушевский [2011], В. Вундт [2001], Р. Роллан [1983] и др.

Суть речевого воздействия в современной научной парадигме сводится к способности одного человека воздействовать на другого посредством использования определенного набора языковых средств.

В нашем исследовании мы рассматриваем языковую ситуацию, представленную в зале суда, а именно воздействие речи адвоката и прокурора на членов коллегии присяжных. Задача обеих сторон в данном случае состоит в том, чтобы любыми доступными языковыми средствами убедить слушателей в своей правоте и склонить к принятию определенного решения (вынесению обвинительного или оправдательного приговора).

Выступления профессиональных оппонентов судебного дискурса процессуально можно разделить на этапы вступительного заявления, допрос свидетелей и заключительное слово.

Одним из наиболее значимых и суггестивно наполненных является этап допроса свидетелей. Данный этап имеет место после вступительного слова сторон и может быть представлен в виде допроса одной из сторон заявленного свидетеля с целью косвенной аргументации своей позиции – так называемый прямой допрос, либо допрос свидетеля стороной, противостоящей той, которой вызван свидетель, с целью уточнения показаний и возможной дискредитации аргументов – перекрестный допрос.

Данный процессуальный этап судебного заседания, также как и этапы вступительного или заключительного слова, осуществляет суггестивное воздействие на суд присяжных. Однако в этом случае внушение реализуется **косвенным образом**, поскольку адресатом задаваемых прокурором / адвокатом вопросов является свидетель, а коллегия присяжных выступает в роли наблюдателя.

Вследствие этого суггестивные стратегии и тактики этапа допроса свидетелей можно условно разделить на те, которые употребляются ораторами на этапе прямого допроса, и, соответственно, те, которые применяются на этапе перекрестного допроса.

Особый интерес представляет непосредственно **перекрестный допрос** свидетелей ввиду того, что он является наиболее суггестивно наполненным и носит состязательный характер.

Современными учеными были изучены и описаны оба процессуальных этапа допроса свидетелей. Тем не менее, среди выявленных на сегодняшний день коммуникативных и языковых стратегий и тактик нами были отобраны те, которые реализуют максимальное суггестивное воздействие.

Среди основных целей перекрестного допроса выделяют следующие:

- опровержение показаний допрашиваемого;
- установление перед судом некомпетентности допрашиваемого;
- уточнение и детализация ранее данных показаний;
- получение новых сведений, подтверждающих позицию стороны.

Исходя из этого, считаем целесообразным рассмотреть реализацию суггестивно-психологических последовательностей воздействия на суд присяжных со стороны прокурора и адвоката, а также суггестивные стратегии и тактики, применяемые на каждом этапе.

Основная задача как прокурора, так и адвоката на данном этапе – дискредитация аргументов оппонента.

С этой целью ораторы используют ряд суггестивных стратегий, а именно стратегию получения достоверных показаний, стратегию оптимизации, стратегию склонения к признанию / изобличения во лжи, стратегию убеждения. Все они реализуются за счет уже сформированного эмоционального фона в сознании присяжных.

Суггестивная стратегия получения достоверных показаний позволяет добиться от свидетеля конкретных достоверных показаний, необходимых для аргументации собственной позиции, и характеризуется использованием следующих тактик:

Тактика настаивания на припоминании. Данная суггестивная тактика направлена на реализацию прямого воздействия и даже некоторого косвенного давления на свидетеля с целью получения необходимых показаний:

Q: So, I mean, do you think it was that Thursday night you saw the defendant; if you remember?

A: I don't remember exactly if it was that night, or if it was the next day, or -- it was one of those two.

Q: Either Thursday night or Friday morning, the 4th?

A: Yes [<https://fas.org/butler/sentence.html>].

B: Итак, я имею в виду, вы думаете, что именно в четверг вечером вы видели подсудимого; если вы помните?

O: Я точно не помню, была ли это та ночь, или была ли она на следующий день, или она была одной из этих двух.

B: Либо в четверг вечером, либо в пятницу утром четвертого числа?

O: Да.

В представленном фрагменте прокурору необходимо было настоять на припоминании свидетелем со стороны защиты точной даты, когда он видел подсудимого с целью дискредитации его алиби, заявленного адвокатом.

С этой целью используется ряд наводящих и уточняющих вопросов, направленных на конкретизацию даты. Пояснение вопроса посредством вводных конструкций (*I mean, if you remember*), предоставление выбора из двух возможных дней недели с указанием точного числа позволяют прокурору максимально конкретизировать свой вопрос посредством элементов научного функционального стиля.

Ответы на эти вопросы служат непосредственной формой аргументации позиции обвинения. С одной стороны, свидетель выражает неуверенность на основе употребления лексико-синтаксических повторов – элементов публицистического стиля; с другой – он однозначно согласен с последним вопросом, что полностью аргументирует предъявленные на этапе вступительного заявления доводы – преступление было совершено четвертого числа.

Также широко применяется тактика провокации, в рамках которой прокурор/адвокат задает такие вопросы свидетелю, ответом которых является прямая или косвенная аргументация заявленной позиции:

Q: And when you were in Jacksonville last year – do you remember going to Jacksonville to testify?

A: I do.

Q: Do you remember who you testified for, sir?

A: Well, I don't testify for anybody, sir. I try to give the same testimony no matter who retains me, but it was Mr. Craig Dennis's firm [https://fas.org/butler/sentence.html].

В: И когда вы были в Джексонвилле в прошлом году – вы помните, как ехали в Джексонвилль, чтобы дать показания?

О: Да.

В: Вы помните, на кого вы дали показания, сэр?

О: Ну, я не даю ни на кого показания, сэр. Я пытаюсь дать одинаковые свидетельства, независимо от того, кто их от меня требует, но это была фирма мистера Крейга Денниса.

Вопрос о том, давал ли экспертные показания свидетель ранее, в сочетании с конкретизирующим вопросом о том, против кого давались показания, контекстуально направлен на изобличение свидетеля в даче разных показаний.

Еще одним примером реализации данной тактики может являться эмоциональное давление на свидетеля:

Q: It goes without saying, would you agree, that if you were told that your brother was alleged to have raped his daughter, that's something that would never leave your mind?

A: That's true. Let me say that I didn't want to know the detail, and I consciously (because this is a dreadful thing that allegedly happened) didn't want to know the detail [https://fas.org/butler/sentence.html].

В: Само собой разумеется, согласились бы вы с тем, что если бы вам сказали, что ваш брат якобы изнасиловал свою дочь, это то, что никогда не покинет ваш разум?

О: Это правда. Позвольте мне сказать, что я не хотела бы знать подробности, и я сознательно (потому что это ужасная вещь, которая якобы случилось) не хотела знать подробности.

В представленном примере адвокат оказывает эмоциональное давление на свидетеля посредством употребления эмоционально-окрашенной лексики (*was alleged to have raped*) в рамках постановки вопроса с условной конструкцией (*if you were told*), что в совокупности принуждает свидетеля рассуждать о возможной ситуации, тематика которой для нее крайне неприятна, что выражается лексико-семантическим повтором в ответе (*I didn't want to know the detail*).

Не менее значимой выступает тактика постановки прямого вопроса, при которой оратор намеренно задает вопрос общего типа, требующий ответа «да/нет», с целью получения однозначного ответа:

Q: So you really didn't see my client before the collision, did you?

A: As I already told you, I was looking straight ahead, and a car was in front of me. The car swerved sharply to the right, and I saw the car to my immediate right start to swerve into my lane.

Q: So that means no, doesn't it?

A: I suppose so [<https://www.usatoday.com/story/news/nation-now/2016/11/14/brendan-dasseey-ordered-released/93804596>].

В: Итак, вы действительно не видели моего клиента до столкновения, не так ли?

О: Как я уже говорил вам, я смотрел прямо перед собой, и впереди была машина. Машина резко повернула направо, и я увидел, как машина сразу же направилась к моему переулку.

В: Так значит нет, не так ли?

О: Полагаю, что да.

Употребление формы разделительного вопроса позволяет оратору добиться от свидетеля ответа «да» или «нет», направленного на аргументацию заявленной позиции. Однако поведение свидетеля невозможно предугадать, вследствие чего может быть предъявлен развернутый ответ. В этом случае оратор намеренно задает вопросы примерно одинакового содержания (*you really didn't see..., did you? / So that means no, doesn't it?*) до тех пор, пока не получит ответ в желаемой форме (*I suppose so*).

Стратегия склонения к признанию / изобличения во лжи является одной из наиболее суггестивно наполненных и реализует максимальное воздействие на суд присяжных. В рамках данной стратегии прокурор/адвокат намеренно задает вопросы, которые могут показать ненадежность допрашиваемого свидетеля, выявить ложь в его показаниях и, как следствие, частично или полностью дискредитировать позицию оппонента. К тактикам, применяемым для реализации этой стратегии, можно отнести следующие.

Тактика проверки информационной ценности допрашиваемого. Данная тактика направлена на выявление того, насколько значимыми являются показания заявленного свидетеля. Такие вопросы отличаются тематической вариативностью, но чаще всего выглядят следующим образом:

Q: Officer, do you consider yourself as a professional? – Q: Офицер, вы считаете себя профессионалом? [<https://fas.org/butler/sentence.html>].

Происходит идентификация сферы деятельности свидетеля с целью выявления степени его осведомленности в исследуемом вопросе. Такая постановка вопроса подразумевает выражение личной оценки своей деятельности свидетелем как элемент публицистического функционального стиля и, как следствие, оказывает суггестивное влияние на присяжных.

Q: Your job involves a lot more than just strapping on a badge and a gun and riding around in a police car? [<http://www.cincinnati.com/story/news/2016/10/24/tensing-trial-everything-you-need-know/92464944>]. – *Q: Ваша работа включает в себя гораздо больше, чем просто надеть значок и ружье и кататься в полицейской машине?*

Конкретизация сферы деятельности и должностных обязанностей более подробно определяет осведомленность свидетеля, а также позволяет внести элемент иронии, выраженный использованием соответствующих лексических оборотов (*just strapping on a badge / riding around in a police car*).

Данная тактика позволяет «отсеять» тех свидетелей, которые не имеют отношения к рассматриваемому делу, или тех, чей социальный статус или образование не позволяют предоставить однозначно достоверные сведения.

В рамках стратегии изобличения во лжи большинством прокуроров и адвокатов используется тактика напоминания уже данных ранее показаний, направленная на прямую дискредитацию свидетельских показаний и, как следствие, позволяет вызвать недоверие присяжных стороне, заявившей этого свидетеля:

Q: Doctor, it is very misleading to tell this jury that your legal work is done at four in the morning and on weekends, isn't it, sir? Isn't that just a little misleading?
[<https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2016/12/05/mistrial-declared-in-case-of-south-carolina-officer-who-shot-walter-scott-after-traffic-stop>]. –

Q: Доктор, очень неправильно сказать присяжным, что ваша юридическая работа проводится в четыре часа утра и в выходные, не так ли, сэр? Разве это не вводит в заблуждение?

Выражение личной оценки ответа свидетеля на ранее заданный вопрос реализуется в формате комментария с элементами иронии (художественный и публицистический функциональные стили): *it is very misleading..., isn't it, sir?*

Лексико-синтаксический повтор (*Isn't that ... misleading?*) позволяет акцентировать внимание присяжных на желании свидетеля запутать или ввести их в заблуждение. Такой прием позволяет создать недоверие присяжных к дальнейшим показаниям этого свидетеля и стороне его заявившей.

Суггестивная стратегия убеждения реализуется после или во время производимого оппонентом допроса свидетеля, что позволяет выразить свое несогласие в виде протеста, который либо принимается судьей и обязует оратора изменить постановку вопроса, либо отклоняется. В рамках этой

стратегии наиболее распространена тактика выявления и пресечения некорректного вопроса, которая позволяет акцентировать внимание судьи и присяжных на нецелесообразности или неправомерности задаваемого вопроса:

Q: In fact, I think you described him as being very forthright, didn't you?

A: Correct.

Q: Expressing genuine concern about, you know, what happened to your cousin?

ATTORNEY KRATZ: Objection, Judge, calls for speculation, how genuine it may be [<http://www.famous-trials.com/mcmartin>].

В: На самом деле, я думаю, вы описали его как очень откровенного человека, не так ли?

О: Правильно.

В: Выражая такого рода осведомленность, знаете ли вы о том, что случилось с вашим двоюродным братом?

АДВОКАТ КРАТЦ: Возражение, судья, призывает к домыслам, насколько это может быть истинно?

Представленный пример демонстрирует постановку вопроса, вызывающего одно из самых распространенных возражений – призыв к домыслам. В рамках любого судебного заседания ораторам необходимо оперировать фактами, либо аргументированными теориями развития событий. Домыслы и рассуждения свидетелей недопустимы. Прокурор задал вопрос свидетелю защиты о его осведомленности в том, что случилось с его родственником, с которым он не поддерживал связь уже более полугода. Поэтому адвокат посредством перебива обратился с возражением к судье с целью пресечь возможные неподтвержденные рассуждения.

Как мы видим, этап перекрестного допроса свидетелей является очень важным в рамках судебного заседания, поскольку позволяет детализировать заявленную во вступительном слове картину событий, а также косвенно воздействовать на суд присяжных, обращая их внимание на несостоятельность

аргументов противоположной стороны, что оказывает влияние на их непосредственное отношение к обстоятельствам дела и судебным ораторам.

На данном этапе усиливается и закрепляется воздействие эта п а в н у ш е н и я , направленного на «погружение» членов коллегии в рассматриваемую ситуацию, а также подготавливается и создается необходимая потребность в вынесении обвинительного или оправдательного приговора, реализуемая на основе меняющегося отношения к позиции той или иной стороны.

Таким образом, исследование суггестивного воздействия в судебном дискурсе представляется весьма перспективным направлением современных лингвистических исследований, в рамках которого могут быть выявлены и конкретизированы механизмы и способы реализации внушающего потенциала профессиональной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреас С., Фолкнер Ч.* NLP. Новые технологии достижения успеха. София, 2001.
2. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975.
3. *Бехтерев В. М.* Избранные работы по общественной психологии. М., 1994.
4. *Бэндлер Р.* Используйте свой мозг для изменений. СПб., 1994.
5. *Бэндлер Р., Гриндер Д.* Трансформейшн. Нейролингвистическое программирование и структура гипноза. М., 1999.
6. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
7. *Вундт В.* Проблемы психологии народов. СПб., 2001.
8. *Гончаров В. А.* Динамика межличностных взаимоотношений в искусственно реорганизованной малой группе. Психология XXI века. СПб., 2001. С. 143–145.
9. *Гумбольдт фон В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
10. *Крушевский Н.* Очерк науки о языке. М., 2011.
11. *Мышляев С. К.* Гипноз. Личное влияние? СПб., 1994.
12. *Павлов И. П.* Полное собрание сочинений. М., 1951.
13. *Роллан Р.* Собрание сочинений: в 9-ти тт. М., 1983.
14. *Святощ А. М., Ромен А. С.* Применение аутогенной тренировки в психотерапевтической практике. Техника самовнушения. Караганда, 1966. С. 16–25.

15. Эриксон М. Гипнотические реальности: наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения. М., 1999.

16. Kertscher Tom Wis. Fighting Dassey release in 'Making a Murderer' case. USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation-now/2016/11/14/brendan-dassey-ordered-released/93804596/>.

17. Kevin Grasha. Tensing trial: What you need to know. USA Today. URL: <http://www.cincinnati.com/story/news/2016/10/24/tensing-trial-everything-you-need-know/92464944>.

18. Mistrial declared in case of South Carolina officer who shot Walter Scott after traffic stop. Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2016/12/05/mistrial-declared-in-case-of-south-carolina-officer-who-shot-walter-scott-after-traffic-stop/>.

19. Transcript of proceedings / McMartin Preschool Abuse Trial (1987–90). Famous trials. URL: <http://www.famous-trials.com/mcmartin>.

20. Transcript of proceedings. Butler vs. Lubbock. URL: <https://fas.org/butler/sentence.html>.

REFERENCES:

1. Andreas S., Folkner Ch. NLP. New technologies of achieving success [NLP. Novye tekhnologii dostizheniya uspekha]. Sofiya, 2001.

2. Barhudarov L. S. Language and translation [Yazyk i perevod]. Moscow, 1975.

3. Bekhterev V. M. Selected works on Social Psychology [Izbrannye raboty po obshchestvennoj psihologii]. Moscow, 1994.

4. Behndler R. Use your brain to change yourself [Ispol'zujte svoj mozg dlya izmenenij]. St. Petersburg, 1994.

5. Behndler R., Grinder D. Transformation. Neurolinguistic programming and the structure of hypnosis [Transformeishn. Nejrolingvisticheskoe programmirovaniye i struktura gipnoza]. Moscow, 1999.

6. Vandries Zh. Language. Linguistic introduction to the history [Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu]. Moscow, 1937.

7. Vundt V. Problems of psychology of peoples [Problemy psihologii narodov: per. s nem]. St. Petersburg, 2001.

8. Goncharov V. A. Dynamics of interpersonal relations in artificially reorganized small group [Dinamika mezhlichnostnyh vzaimootnoshenij v iskusstvenno reorganizovannoj maloj gruppe]. Psihologiya XXI veka. Psychology of the XXIst century. St. Petersburg, 2001. S. 143–145.

-
9. Gumbol'dt fon V. Selected works on linguistics [Izbrannye trudy po yazykoznaniyu]. Moscow, 1984.
10. Krushevskij N. Essays of the science about Language [Ocherk nauki o yazyke]. Moscow, 2011.
11. Myshlyaev S. K. Hypnosis. Personal influence? [Gipnoz. Lichnoe vliyanie?]. St. Petersburg, 1994.
12. Pavlov I. P. Complete works [Polnoe sobranie sochinenij]. Moscow, 1951.
13. Rollan R. Collection of works in 9 volumes [Sobranie sochinenij: v 9 t]. Moscow, 1983.
14. Svyadoshch A. M., Romen A. S. Application of the autogenic training in psychotherapeutical practice [Primenenie autogennoj trenirovki v psihoterapevticheskoj praktike]. Tekhnika samovnusheniya. Technique of autohypnosis. Karaganda, 1966. S. 16–25.
15. Ehrikson M. Hypnotic realities: usage of clinical hypnosis and the variant of indirect suggestion [Gipnoticheskie real'nosti: navedenie klinicheskogo gipnoza i formy kosvennogo vnusheniya]. Moscow, 1999.
16. Kertscher Tom Wis. fighting Dassey release in 'Making a Murderer' case. USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation-now/2016/11/14/brendan-dassey-ordered-released/93804596/>
17. Kevin Grasha Tensing trial: What you need to know / Kevin Grasha. // USA Today. URL: <http://www.cincinnati.com/story/news/2016/10/24/tensing-trial-everything-you-need-know/92464944>.
18. Mistrial declared in case of South Carolina officer who shot Walter Scott after traffic stop. Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-nation/wp/2016/12/05/mistrial-declared-in-case-of-south-carolina-officer-who-shot-walter-scott-after-traffic-stop/>.
19. Transcript of proceedings / McMartin Preschool Abuse Trial (1987–90). Famous trials. URL: <http://www.famous-trials.com/mcmartin>.
20. Transcript of proceedings. Butler vs. Lubbock. URL: <https://fas.org/butler/sentence.html>.